

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (56) 2021

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2021

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Выпуск 1 (56) 2021 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2021. — 180 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПН № ФС77-75804

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеев, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминологической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминологической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**.
Подписной индекс
на II полугодие 2021 г.
в каталоге «Пресса
России» — **322761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
16.03.2021.

Дата выхода в свет:
27.03.2021.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,5.
Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 500. Заказ 9.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Цена по подписке
на II полугодие 2021 г.
по каталогу
«Пресса России»
750 руб. 20 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2021

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семенов, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
Issue 1 (56) 2021 :
scientific and methodical
journal. — Volgograd :
VA MVD Rossii, 2021. —
180 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription index
at the catalogue
"Rospechat": **22761**
Subscription index for the
second half of 2021
at the catalogue
"Pressa Rossii": **322761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**No. 1 (56)
2021**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Department of the Criminal Procedure of the University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
15.03.2021.

Date of publication:
27.03.2021.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.

Physical print sheets 22,5.
Conventional print sheets 20,9.
500 copies. Order 9.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).
Subscription price for the
second half of 2021
according by catalogue
"Pressa Rossii"
750 ruble 20 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2021

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

- Закатов А. А., Замылин Е. И. 8
Отдельные следственные действия и их роль
в розыске скрывшихся преступников и иных объектов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Кушнир И. В. 18
Понятия «дефект» и «дисбаланс»
в общетеоретическом исследовании
юридической ответственности: постановка проблемы
- Попов В. В. 24
Субъективное право как элемент
непредписывающего правового регулирования
в системе социально-правовых оценок:
оценки ante legem и pre legem (начало)
- Редько А. А., Бойко Д. В. 31
Молодежная политика:
концептуально-теоретический аспект
- Сухова Н. И. 37
Обход закона как форма противодействия
его реализации: попытка теоретико-правового
обобщения

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Гузеева О. С. 47
Уголовно-правовой запрет и ограничение прав
и свобод человека: проблемы соотношения
- Егорова Н. А., Егоров А. Г., Гордейчик С. А. 58
Новые разъяснения Пленума Верховного Суда
Российской Федерации по вопросам квалификации
преступлений против интересов службы
- Корнеев С. А. 69
Доктринальное определение и сущность
административного надзора
- Лихолетов А. А. 74
Осуществление деятельности по перевозкам
пассажиров автобусами без регистрации
или без лицензии как форма незаконного
предпринимательства
- Поникаров В. А. 82
Основные направления работы с осужденными,
содержащимися в исправительных учреждениях,
по профилактике насильственных действий
сексуального характера

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Гилева А. А. 87
Адвокат как субъект оказания квалифицированной
юридической помощи в уголовном судопроизводстве
- Дикарев И. С. 93
Учет позиции потерпевшего при применении
особого порядка судебного разбирательства

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

- Zakatov A. A., Zamylin E. I. 8
Individual investigative actions and their role
in the search for fugitives and other objects

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

- Kushnir I. V. 18
The concepts of "defect" and "imbalance"
in the general theoretical study
of the legal liability: the statement of the problem
- Popov V. V. 24
Subjective right as an element
of non-prescriptive legal regulation
in the system of social and legal assessments:
ante legem and pre legem assessments (beginning)
- Redko A. A., Boiko D. V. 31
Youth policy:
the conceptual and theoretical aspect
- Sukhova N. I. 37
Circumvention of law as a form of counteraction
to its implementation: an attempt of theoretical
and legal generalization

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Guzeeva O. S. 47
Criminal prohibition and restriction of human rights
and freedoms: problems of correlation
- Egorova N. A., Egorov A. G., Gordeichik S. A. 58
New explanations of the Plenum of the Supreme Court
of the Russian Federation concerning the classification
of crime against the service
- Korneev S. A. 69
Doctrinal definition and essence
of administrative supervision
- Likholetov A. A. 74
Activity related to public transportation
carried out by buses in absence of registration
documents or license
as a form of illegal entrepreneurship
- Ponikarov V. A. 82
Main areas of work with prisoners
held in correctional institutions
for the prevention of sexual violence

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

- Gileva A. A. 87
Lawyer as a subject of providing
qualified legal assistance in criminal proceedings
- Dikarev I. S. 93
Consideration of the victim's position in applying
a special procedure of court trial

<i>Иванов С. И.</i> Теория сыскной (оперативно-разыскной) операции: понятие и основные черты	99	<i>Ivanov S. I.</i> Theory of search (operational-search) operation: concept and main features
<i>Каретников А. С., Каретникова Н. В., Коретников С. А.</i> Участие суда в уголовном преследовании путем реализации полномочий, предусмотренных частью 2 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	105	<i>Karetnikov A. S., Karetnikova N. V., Koretnikov S. A.</i> Participation of the court in criminal prosecution by exercising the powers provided for in part 2 of article 29 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation
<i>Контемирова Ю. В., Тарасова М. Ю.</i> Современное состояние деятельности оперативных подразделений по противодействию хищениям денежных средств граждан, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	118	<i>Kontemirova Yu. V., Tarasova M. Yu.</i> Modern state of activity of detective units to counteract embezzlement of citizens' funds committed by using information and telecommunication technologies
<i>Мелихов А. И., Готчина Л. В.</i> Оперативно-разыскная деятельность как институт предупреждения, контроля и пресечения насилия в истории России	127	<i>Melikhov A. I., Gotchina L. V.</i> Operational-search activity as an institution of prevention, control and suppression of violence in the history of Russia
<i>Насонов А. А., Насонова О. А.</i> О процессуальных возможностях прокурора на досудебном производстве в уголовном процессе России	133	<i>Nasonov A. A., Nasonova O. A.</i> On the procedural capabilities of the prosecutor in pre-trial proceedings in the criminal process of Russia
<i>Токарева Е. В., Хоршева В. С.</i> Особенности деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России	140	<i>Tokareva E. V., Khorsheva V. S.</i> Specifics of the prosecutor's activity at the pre-trial stages of criminal proceedings in Russia
<i>Фадеева Ю. Р.</i> Следственные действия негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России и зарубежных стран	146	<i>Fadeeva Yu. R.</i> Investigative actions of covert nature in the criminal procedural legislation of Russia and foreign countries

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Жуланов А. В., Самарский А. Н., Белецкий А. А.</i> Государственные и правовые проекты и реформы начала XX в.: причины и результаты (историко-правовой анализ)	152	<i>Zhulanov A. V., Samarsky A. N., Beletsky A. A.</i> State and legal projects and reforms of the early twentieth century: causes and results (historical and legal analysis)
<i>Катков С. В.</i> Историко-правовой анализ становления и развития оперативно-разыскной политики в России	157	<i>Katkov S. V.</i> Historical and legal analysis of the formation and development of the operational and investigative policy in Russia

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

<i>Костюченко Н. И.</i> Аналитическое обеспечение как структурный элемент социальных систем, в том числе системы органов внутренних дел	164	<i>Kostyuchenko N. I.</i> Analytical support as a structural element of social systems, including the system of internal affairs agencies
<i>Сидорова Н. В.</i> Правовые основы гарантированности конституционных принципов казахстанского гражданства	170	<i>Sidorova N. V.</i> Legal basis of guarantee of the constitutional principles of kazakhstan citizenship

Светлой памяти моего учителя —
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Александра Александровича Закатова

А. А. Закатов, **Е. И. Замылин**

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ИХ РОЛЬ В РОЗЫСКЕ СКРЫВШИХСЯ ПРЕСТУПНИКОВ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ

Одной из основополагающих концепций уголовно-правовой политики государства является обеспечение неотвратимости наказания за совершенные преступления; необходимым условием привлечения виновных к ответственности следует признать четко налаженную систему по розыску скрывшихся преступников и иных объектов, их оперативному обнаружению. В качестве одного из направлений содержательной стороны розыска как объекта криминалистической теории считаем необходимым выделить розыскные возможности следственных действий.

Практически любое следственное действие обладает розыскными возможностями: позволяет получить следователю (дознавателю) розыскную информацию или же обнаружить и овладеть объектами розыска. В условиях быстро меняющейся следственно-розыскной ситуации особенно важна роль первоначальных неотложных следственных действий; в незамедлительном производстве нуждаются те из них, что направлены на нейтрализацию попыток подозреваемого (обвиняемого) воспрепятствовать ходу расследования, установлению истины по делу.

Большое значение в повышении эффективности розыскной деятельности принадлежит и современным научно-техническим средствам.

Ключевые слова: преступление, неотвратимость наказания, розыск, следственные действия, следователь, обвиняемый (подозреваемый).

А. А. Zakatov, **E. I. Zamylin**

INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS AND THEIR ROLE IN THE SEARCH FOR FUGITIVES AND OTHER OBJECTS

One of the fundamental concepts of the state's criminal law policy is inevitability of punishment for crimes committed. Well-established system for searching fugitives and their prompt detection should be recognized as a necessary condition for bringing the perpetrators to justice. Search capabilities of individual investigative actions should be highlighted as one of the directions of inquiry in criminalistic theory.

Almost any investigative action has search capabilities: it allows investigator to obtain search information or to detect and master the objects of interest. In a rapidly changing investigative situation, the role of initial urgent investigative actions is particularly important. Actions aimed at neutralizing any attempts of suspect to hinder the progress of investigation and the establishment of truth in the case need to be carried out immediately.

Modern scientific and technical means also play an important role in improving the efficiency of investigative activities.

Key words: crime, inevitability of punishment, inquiry, investigative actions, investigator, suspect.

Обеспечение неотвратимости наказания за совершенные уголовно наказуемые деяния является необходимым условием эффективности борьбы с преступностью, одной из основополагающих концепций уголовно-правовой политики любого отдельно взятого демократического государства. Результативным средством достижения названного

условия является правильно налаженная деятельность по розыску скрывшихся преступников и иных объектов. Неотвратимость наказания за совершенное преступление достигается слаженной работой всех структурных подразделений правоохранительных органов независимо от ведомственной принадлежности путем быстрого и полного раскрытия

и расследования преступлений и привлечения виновных к ответственности. Чтобы ее обеспечить, необходимо быстро установить лиц, совершивших преступление, разыскать их, если они скрылись.

Соответственно, считаем должным обозначить закономерности розыскной деятельности следователя, а именно:

- отображаемость в материальной среде и сознании людей признаков разыскиваемых лиц и иных объектов, что позволяет индивидуализировать их;

- повторяемость поведения разыскиваемых обвиняемых (подозреваемых) и лиц, укрывающих разыскиваемые объекты, что позволяет прогнозировать их поступки;

- зависимость поведения разыскиваемых от условий, в которых они находятся;

- обусловленность выбора способов укрытия объектов преступным опытом укрывающих, их профессиональными навыками и психологическими свойствами;

- взаимосвязь способов укрытия разыскиваемых объектов и следов применения этих способов;

- зависимость поведения разыскиваемого от характера совершенного преступления, степени его общественной опасности, а также принадлежности к определенной возрастной группе или преступной среде.

Общепризнано, что содержательную сторону розыска как объекта криминалистической теории составляют его организация и планирование, розыскные мероприятия следователя и розыскные возможности следственных действий [1, с. 227]. Именно о последней, «содержательной стороне» розыска мы и поговорим более конкретно в настоящей статье.

Практически любое следственное действие обладает розыскными возможностями, т. е. позволяет получить розыскную информацию (например, допрос, освидетельствование, назначение экспертиз, контроль и запись переговоров) или же обнаружить и овладеть объектами розыска (обыск, выемка, задержание, получение информации о соединениях между абонентами и / или абонентскими устройствами). Результаты проведенного нами изучения уголовных дел¹ показали, что к обнаружению разыскиваемого лица и иных объектов привело производство следующих следственных действий:

- допросы соучастников, потерпевших, свидетелей — 30,2 %;

- обыски — 32,0 % (по месту жительства разыскиваемого — 16,6, по месту жительства его родственников — 6,6, по месту жительства знакомых — 6,2, по месту работы — 2,1, в ином месте — 0,5 %);

- задержания — 52,9 % (по месту жительства разыскиваемого — 15,9, по месту жительства его родственников — 10,6, по месту жительства зна-

комых — 14,7, по месту работы — 2,6, в общественном месте — 4,7, в транспортном средстве — 1,1 %, и др.);

- следственные осмотры — 13,1 % (места происшествия — 7,3, предметов — 0,5, документов — 0,8, помещений — 1,9, участков местности — 2,6 %);

- проверка показаний соучастника или потерпевшего на месте — 3,6 %;

- освидетельствования — 1,6 %;

- назначение судебных экспертиз — 57,2 % (криминалистической: трасологической, дактилоскопической, баллистической, почерковедческой, портретно-криминалистической и др. — 20,1, судебно-медицинской — 15,9, судебно-психиатрической — 8,3, судебно-биологической — 5,6, судебно-химической — 3,6, и др. — 3,7 %);

- контроль и запись переговоров — 4,4 %;

- получение информации о соединениях между абонентами и / или абонентскими устройствами — 16,8 %.

Особенно важна роль первоначальных неотложных следственных действий в предупреждении уклонения обвиняемых (подозреваемых) от ответственности и в оперативном их обнаружении. В условиях быстро меняющейся следственно-розыскной ситуации без промедления следует проводить следственные действия, результаты которых имеют значение для проверки нескольких следственно-розыскных версий. В незамедлительном производстве нуждаются такие следственные действия, которые направлены на нейтрализацию попыток подозреваемого (обвиняемого) воспрепятствовать ходу расследования и установлению истины по делу; среди них: скрыться, подготовить ложное алиби, оказывать неправомерное воздействие на участников уголовного судопроизводства и пр.

В некоторых случаях при производстве первоначальных следственных действий следователь из тактических соображений может планировать их повторное проведение. Это отчасти касается случаев, когда он не располагает необходимой и достаточной информацией для избрания потенциальных подозреваемых, но для уточнения позиции и аргументов, а также предупреждения попыток уклонения их от ответственности должен допросить данное лицо.

Начнем с *осмотра места происшествия*. Его розыскное значение часто недооценивается, в следственной практике нередки случаи, когда в результате осмотра места происшествия личность преступника становится известной. Кроме того, розыск большинства других объектов можно (или необходимо) начинать именно с осмотра места происшествия, независимо от того, производился ли он до возбуждения уголовного дела или после него. Недооценка следователями осмотра места происшествия подтверждает и тот факт, что по изученным нами уголовным делам, по которым осуществлялся розыск

лиц, скрывшихся от следствия и суда, в 19,2 % случаев осмотр места происшествия вообще не производился.

В то же время осмотр места происшествия может быть источником важных для розыска сведений о лице, совершившем уголовно наказуемое деяние, или иных объектах. По нашей информации, это следственное действие позволило обнаружить разнообразные следы и вещественные доказательства:

- следы рук (23,9 %);
- следы ног (10,1 %);
- следы орудий и инструментов (14,2 %);
- предметы и документы, принадлежащие преступнику (6,4 %);
- следы транспортных средств (5,5 %);
- следы крови и иные биологические объекты (10,6 %);
- другие следы и вещественные доказательства, способствующие установлению скрывшегося лица (3,3 %).

Лишь в 26 % случаев осмотр оказался безрезультатным.

По следам, обнаруженным в результате осмотра места происшествия, определились следующие признаки личности скрывшегося преступника:

- психологические признаки (смелость, решительность, жестокость) — 10,4 %;
- телосложение (полный, средний, худощавый) — 9,5 %;
- физическая сила (большая, средняя, малая) — 9,0 %;
- признаки пола — 7,3 %;
- профессиональные навыки — 6,7 %;
- признаки возраста — 6,2 %;
- физические недостатки — 0,9 %;
- иные признаки — 1,7 %.

В других случаях (48,3 %) признаки личности скрывшегося преступника по результатам осмотра не устанавливались.

В 21,1 % случаев при осмотре были обнаружены следы ухода преступника с места происшествия, что позволило организовать его преследование. В 47 % случаев осмотр места происшествия сочетался с оперативно-розыскными мероприятиями, проводимыми параллельно работниками органа дознания, в частности: преследование преступника по «горячим следам» — 17; применение служебно-розыскной собаки — 9,7; проверка по учетам — 18,5; поквартирные обходы — 21,8; наблюдение в местах возможного появления скрывающихся лиц или сбыта похищенного — 20,8; информирование ближайших территориальных отделов полиции в целях организации совместных мероприятий по розыску — 20,2; блокирование дорог и транспортных узлов — 6,4; работа личным сыском — 19,6; организация засад — 2,4; информирование населения (в том числе через средства массовой информации) — 1,7 %; и др.

Тактически правильно организованный осмотр места происшествия позволяет не только установить личность скрывшегося преступника, индивидуальные признаки его и других объектов розыска, но и выявить причины и условия, способствующие совершению преступления, и тому, что преступник скрылся.

Современный уровень развития криминалистики позволяет говорить не только об осмотре места происшествия, но и его «исследовании» с использованием криминалистической техники и помощи специалистов разнообразного профиля. Специалист проводит на месте оперативное исследование и высказывает свое мнение о приметах преступника, отличительных признаках орудий преступления, транспортных средств и других объектах розыска. Нельзя не признать, что подобная практика оптимизирует первоначальный этап расследования преступления.

Большими розыскными возможностями обладает *допрос* лиц, которым известны обстоятельства уклонения обвиняемого от ответственности и сведения, важные для установления местонахождения объектов розыска. К таким лицам относятся, прежде всего, родственники, знакомые, соседи, сослуживцы, соучастники скрывшегося обвиняемого и любые другие лица, обладающие информацией об этих объектах.

Допрашивая свидетелей, необходимо получить как можно более подробные сведения о личности преступника и обстоятельствах, образе его жизни, его связях, профессии и наклонностях, о высказывавшихся намерениях и пр. Особое внимание надо уделять выяснению сведений о документах и вещах, захваченных скрывшимся с собой, признаков внешности и особых примет, которые можно использовать в целях его розыска и обнаружения других объектов.

Описание внешности преступника следует производить по методу словесного портрета. Если допрашиваемый обладает изобразительными навыками, навыками рисования, черчения, целесообразно предложить ему нарисовать портрет или фрагменты внешности разыскиваемого, изобразить орудие преступления или иной разыскиваемый предмет. Чертежи и рисунки являются своеобразным и часто очень результативным способом фиксации показаний и дальнейшего их использования в розыскных целях. Нередко человек затрудняется описать словами обстановку или предмет, однако без особого труда изображает их на бумаге или экране монитора. Для актуализации мысленного образа внешности преступника на допросе надо использовать такие пособия, как альбомы, цифровые записи с типизированными рисунками элементов внешнего облика, фото- и видеокolleкции заведомо не причастных к делу лиц, а также идентификационные комплекты рисунков.

Одним из рациональных способов фиксации показаний о внешности разыскиваемого преступника является изготовление специалистом рисованного портрета со слов потерпевшего. Особенно эффективен этот прием при наличии нескольких лиц, вовлеченных в уголовный процесс, описывающих внешность одного и того же человека. Изготовленные портреты размножаются, желательно в цвете, что значительно облегчает розыск преступника.

На допросе могут быть применены и такие тактические приемы, которые в целях решения отдельных розыскных задач «перерастают» в определенную тактическую операцию, включающую комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Так, вызывая на допрос лицо, обладающее информацией о разыскиваемом фигуранте по делу, следователь может допустить со своей стороны «проговорки» о некоторых результатах расследования или «предположения» по поводу местонахождения подозреваемого (обвиняемого) или иных разыскиваемых объектов. После этого за допрошенным устанавливается наблюдение, довольно часто позволяющее обнаружить и задержать скрывающегося преступника, изъять искомые предметы.

Оценивая показания родственников и знакомых разыскиваемого, надо иметь в виду, что порой эти лица, зная о месте укрытия подозреваемого (обвиняемого), невольно проявляют это посредством того, что довольно охотно сообщают об одних связях последнего, в то же время умалчивая (нередко неосознанно) о тех, которые имеют отношение к местонахождению преступника. Тщательная оценка показаний лиц, связанных с разыскиваемым, призвана ответить на вопрос: «Дают ли они достоверные показания?», в частности, в чем они могут добросовестно заблуждаться, а в отношении чего дают заведомо ложные показания. Дача заведомо ложных показаний является одним из наиболее распространенных способов сокрытия, а именно — фальсификации. Прибегая ко лжи, соучастники разыскиваемого, а также иные недобросовестные участники уголовного судопроизводства пытаются ввести следствие в заблуждение, помочь преступнику уйти от ответственности, укрыть ценности, добытые преступным путем.

Определенными, хотя и не столь яркими, как другие, розыскными возможностями обладают и такие следственные действия, как очная ставка, проверка показаний на месте и следственный эксперимент. Каждое из этих следственных действий, являясь эффективным средством борьбы с ложью, что уже свидетельствует об их значении в розыскной деятельности, способствует и обнаружению объектов розыска.

Так, проводимая с целью устранения существенных противоречий, возникших в показаниях

ранее допрошенных лиц, *очная ставка* преследует и другую цель — получение новых доказательств. В ходе очной ставки могут быть получены данные о местонахождении скрывшегося обвиняемого и других разыскиваемых объектов, о причинах и условиях, способствующих уклонению или укрывательству, другие важные для хода розыска сведения.

Проводя *проверку показаний на месте*, следователь устанавливает соответствие данных, содержащихся в показаниях определенного лица, обстановке на месте проверки показаний и другим собранным по делу доказательствам, а также получает новые доказательства. Таким образом, могут быть установлены адреса, где пребывают скрывшиеся преступники или укрываются иные разыскиваемые объекты и, соответственно, произведено их задержание и изъятие объектов.

Следственный эксперимент позволяет посредством проведения специальных опытов проверить версии, в том числе и следственно-розыскные, установить возможность наблюдения (восприятия) какого-либо факта, явления (например, возможность узнавания разыскиваемого в определенных условиях) и тем самым облегчить задачу его обнаружения и задержания.

Большими розыскными возможностями обладают обыск и выемка.

Цели, которые преследуются при производстве *обыска*, вытекают из содержания ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Данное следственное действие проводится для обнаружения и изъятия:

а) орудий преступления (оружия, орудий взлома и др.);

б) предметов, к примеру, несущих на себе следы преступления (одежды со следами крови и пр.) или являющихся продуктами преступной деятельности (фальшивых денег, поддельных документов и др.);

в) предметов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела (например, добытых преступным путем);

г) документов, в частности, указывающих на важные для дела обстоятельства (фотографий, магнитных и цифровых записей, дневников, квитанций и т. п.).

Кроме того, обыск производится для обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

Особое внимание при обыске нужно уделять поискам переписки разыскиваемого, в том числе на электронных носителях информации, позволяющих судить о круге и характере его связей, о его намерениях и интересах. Изъятию при обыске подлежат и фотографии разыскиваемого. Обыск в розыскных целях может производиться и у лиц, связанных с разыскиваемым, если имеются данные о продолжении их общения со скрывающимся. Предметом поиска в этом случае является

переписка, фиксация и распечатка телефонных переговоров и пр. При обыске необходимо обратить внимание на наличие одежды и других личных вещей, принадлежащих скрывшемуся обвиняемому. Если изымать эти вещи нет необходимости, считаем должным незаметно для присутствующих сделать заметки об отдельных индивидуальных признаках этих вещей. Впоследствии, если допустить возможность проведения повторного обыска, осуществляется проверка наличия / отсутствия указанных предметов в месте первоначального обнаружения. Это позволяет выдвигать соответствующие версии о наличии / отсутствии связи разыскиваемого с лицами, проживающими по данному адресу, и, как следствие, оптимизирует процесс обнаружения объекта розыска.

При обыске должны изыматься документы разыскиваемого лица, а также выполненные им записки и принадлежащие ему отпечатки пальцев рук, которые могут быть использованы в качестве образцов для сравнительного исследования. Нередко следователь, разыскивая определенные объекты, обладает информацией лишь об их родовых признаках. В таких случаях следует изымать все аналогичные предметы с такими же признаками.

В отличие от обыска при *выемке* точно известно, где и у кого находятся объекты, имеющие значение для успешного осуществления розыска. Такими объектами могут оказаться документы, содержащие сведения о разыскиваемом преступнике или укрываемых предметах. Кроме прочего, изучая личность скрывшегося преступника, следователь может произвести выемку личного дела разыскиваемого из кадрового аппарата по месту работы, учебных заведений и т. д. Определенный интерес представляет и выемка почтово-телеграфной корреспонденции. Однако надо признать, что в век компьютеров и гаджетов живое общение все больше подменяется языком электронных, цифровых документов.

Широкими возможностями в осуществлении розыскной деятельности следователя обладают *судебные экспертизы*. Заключение экспертов, представляющие самые разные направления человеческих знаний и умений, позволяют проверить следственно-розыскные версии. Сузить круг поисков скрывшихся преступников и скрываемых объектов, а в ряде случаев и идентифицировать их. Эффективны в этом отношении криминалистические экспертизы. Так, к примеру, техническая экспертиза документов может выявить адрес разыскиваемого, зачеркнутый в записной книжке его родственников, дактилоскопическая — идентифицировать разыскиваемого по отпечаткам пальцев и т. п.

В розыскных целях может быть полезным назначение судебно-психиатрической экспертизы. Разыскиваемое лицо, симулирующее психическое забо-

левание или действительно заболевшее на почве острых нервных переживаний в ожидании ареста, может оказаться в психиатрической больнице, назвав себя вымышленным именем или вообще оставаясь неизвестным. Для выявления симуляции, а также сбора сведений (анамнеза) о личности пациента, который может оказаться разыскиваемым преступником, полезно назначать судебно-психиатрическую экспертизу.

Думаем, нет необходимости использовать весь перечень экспертных исследований, которые способствуют розыску лица, скрывшегося после совершения преступления. Но нельзя не сказать несколько слов о довольно новом методе исследования, таком как судебная молекулярно-генетическая экспертиза, которая в последнее время является надежным инструментом идентификации преступника, представляя неоспоримые улики совершения им конкретного уголовно наказуемого деяния. Сравнительный анализ ДНК подозреваемого позволяет подтвердить нахождение его в том или ином месте, где он мог пребывать, скрываясь от следствия и суда. Исследование в данном направлении является быстрым и относительно дешевым методом, позволяющим установить личность подозреваемого в совершении преступления с вероятностью до 99,9 %.

«Экспансия современных телекоммуникационных технологий в самые различные социальные сферы» [2, с. 13] предопределила использование их возможностей в целях розыска скрывшегося от следствия и суда подозреваемого (обвиняемого). В процессе доказывания по уголовным делам получение информации, имеющей отношение к интересующему нас фигуранту, находящемуся в розыске, вполне возможно посредством контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ) и фиксации соединений между абонентами и / или абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Получение информации осуществляется с помощью информационных технологий.

В целом результаты деятельности в данном направлении, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных мероприятий следователя, должны содержать сведения о возможных источниках доказательств; лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о местонахождении орудий и средств совершения преступления; денег и ценностей, нажитых преступным путем; предметах и документах, связанных с обстоятельствами предмета доказывания, и о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения следственных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу [3, с. 75—76].

В рамках проводимого нами исследования *как следственное действие контроль и запись переговоров* применимы для обнаружения и задержания скрывшегося от следствия и суда фигуранта по делу, в отношении которого имеются основания для подозрения в совершении уголовно наказуемого деяния; проверки и закрепления доказательств его виновности. Результаты данного следственного действия (информационная составляющая) могут быть использованы и для отработки разыскных версий. Надо признать, что первоначально правовое регулирование данного мероприятия было признано оперативно-разыскной деятельностью, сейчас оно является процессуальным и регламентировано ст. 186 УПК РФ в качестве следственного действия.

Контроль и запись переговоров, кроме прочего, направлены на предотвращение и пресечение преступных действий со стороны подозреваемого (обвиняемого), находящегося в розыске. Информация, полученная против воли конкретного фигуранта по делу, способствует добыванию новых доказательств, в том числе может служить важным свидетельством общения того или иного лица с обвиняемым, находящимся в розыске, выступая в качестве определенного звена в его связях.

Так, по данным В. В. Гирейчука, данное следственное действие применяют два следователя из трех [4, с. 263]; по мнению других, оно не находит широкого применения среди специалистов-практиков [5, с. 160]. Мы склонны придерживаться последнего мнения; слишком много препон при получении судебного решения, особенно это проявляется при розыске скрывшегося преступника, когда возникает необходимость «отрабатывать» переговоры лиц из числа окружения обвиняемого. Нами было выявлено всего 11 «прослушек» из всего массива изученных уголовных дел, в ходе производства по которым осуществлялся розыск скрывшегося подозреваемого (обвиняемого).

Сущность данного следственного действия определена конспирацией в получении исковой информации. В противном случае не исключено получение озвученной заведомо недостоверной информации, возможна фиксация «слоганов», не поддающихся расшифровке, цифровая обработка речевого сигнала и пр. В целом означенное противодействие со стороны заинтересованных лиц может свести следственное действие к нулевому результату.

В то же время изучение следственной практики показало, что имеют место случаи, когда тактические приемы подготовки и производства контроля и записи переговоров используются не в полной мере, а именно: довольно часто в доказывании используется только факт фиксации дислокации лица, ведущего телефонные переговоры. Безусловно, составной частью данной деятельности является не только контроль («прослушка»),

но и фиксация переговоров посредством звукозаписи (фонозаписи) и последующего документирования в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Так, при расследовании кражи оргтехники, совершенной Щ. и М., принимаемыми мерами не удалось установить местонахождение К., по версии следствия, организатора преступления, который, согласно показаниям соучастников, якобы реализовал похищенное и скрылся. Следователь принял решение установить контроль и запись переговоров Щ. и М., которым в качестве меры пресечения была определена подписка о невыезде. Через некоторое время в телефонном разговоре неизвестное следствию лицо сообщило Щ., что «монашки денег не дают, заставляют работать». В результате отработки версии на возможность нахождения скрывающегося от следствия К. он был задержан в одном из женских монастырей [6, с. 20].

Учитывая организационные особенности проведения данного следственного действия, надо признать справедливым предложение рассматривать его как элемент сложной тактической комбинации [7, с. 70], которое приемлемо и в рамках рассматриваемого нами вопроса: именно в процессе розыска скрывшегося преступника налицо тактическая комбинация. Это совокупность следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, их организационная сущность, анализ поступающей информации и принятие тактического решения, которые в целом направлены на достижение единого положительного результата — обнаружение и задержание разыскиваемого лица.

В ходе производства по уголовному делу, как следствие разыскных мероприятий, проводимых следователем, довольно часто возникает ситуация, когда нельзя ограничиться лишь контролем и записью переговоров: возникает необходимость и в получении *сведений об абонентах и / или абонентских устройствах и их соединениях*. Данные сведения, предоставляемые оператором сотовой связи, в рамках производства следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, нередко выступают в качестве одного из самых решающих доказательств по уголовному делу. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что информация о соединениях между абонентами, безусловно, может и должна использоваться в ходе проведения разыскных мероприятий.

«Доказательственная ценность данного следственного действия постоянно возрастает в связи с расширением возможностей технических средств связи по фиксации параметров передаваемых сообщений» [8, с. 6], а также уровнем технической оснащенности лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния. Обладая информацией о наличии у лица сотового телефона, об используемом

им номере абонента вопрос о месте нахождения интересующего нас фигуранта по делу может быть решен посредством геолокации.

Располагая данной информацией, следователь может продемонстрировать в ходе проводимых им мероприятий по уголовному делу, находящемуся в его производстве, осведомленность по поводу события преступления, фактов, связанных с лицами, причастными к преступному событию, оперируя при этом конкретными контактами, датой, длительностью переговоров, частотой вызовов, а также примерным местонахождением абонентских устройств во время разговора [9, с. 128—129].

По свидетельству В. Ф. Васюкова, следователи-криминалисты Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Орловской области разработали методику получения информации по абонентской активности пользователей сотовой связи с помощью общедоступных технических средств и программного обеспечения. В качестве примера использования этой методики приведено установление скрывшегося Г., подозреваемого в убийстве девушки. Во избежание уголовной ответственности Г. оборудовал себе жилище в бетонной трубе на территории аэропорта, где пребывал более 3 месяцев. В данном случае для установления местонахождения подозреваемого ключевое значение имела информация о направлении им SMS-сообщения [10, с. 69—70].

И все же, несмотря на то что данный метод позволяет отслеживать места дислокации и передвижения того или иного обладателя конкретного абонентского номера в целях розыска скрывшегося подозреваемого (обвиняемого), надо признать, что местонахождение того или иного приемопередающего устройства не может однозначно гарантировать нахождения в данном месте искомого лица.

Правильно организованный следователем розыск скрывшегося обвиняемого обычно логически завершается *задержанием разыскиваемого, его личным обыском, допросом, а при необходимости следственным освидетельствованием и предъявлением для опознания*. Эффективность такой «концовки» розыска резко повышается, когда несколько или все названные следственные действия производятся в комплексе с иными действиями следователя и оперативно-розыскными мероприятиями органов дознания в рамках единой тактической операции. Отметим розыскное значение названных действий следователем.

Сущность задержания в криминалистическом смысле обусловлена фактическим захватом преступника, неотложным производством предварительного личного обыска, осмотром места задержания (места захвата и личного обыска), доставлением задержанного по месту проведения иных неотложных следственных мероприятий.

Особая роль здесь должна отводиться процессу подготовки к задержанию разыскиваемого. Ошибки в организации задержания, как ни при каком другом следственном действии, чреваты тяжкими последствиями: преступник вновь может скрыться и продолжить преступную деятельность, пострадать сам в результате оказания сопротивления, причинить ущерб лицам, участвующим в его задержании, или окружающим лицам, уничтожить важные улики его виновности и т. п.

Не рассматривая содержания всех элементов подготовки к задержанию (анализ оснований к задержанию, изучение личности задерживаемого, места, где будет осуществляться захват преступника, выбор времени задержания, формирование следственно-оперативной группы, подбор технических, транспортных средств и др.), отметим важное значение такового из них, как инструктаж участников следственного действия. В частности, при инструктаже должны разъясняться: а) общая цель задержания; б) конкретная задача каждого участника; в) информация о том, кто подлежит задержанию, его индивидуализирующие качества (приметы, физические возможности, агрессивность, вооруженность и т. д.); г) место задержания, его особенности, усложняющие или оптимизирующие достижение цели; д) время и маршрут прибытия к месту задержания; е) наличие других участников и способы их узнавания (исключение ошибочного принятия за объект задержания); ж) способы связи между участниками следственно-оперативной группы, а также с руководителем операции; з) способы проникновения к месту укрытия разыскиваемого; и) правила соблюдения конспирации и мер предосторожности; к) конкретные действия в случае попыток к бегству или сопротивлению; л) правила производства личного (или иного вида) обыска; м) маршруты движения с задержанными лицами, и пр.

Участники задержания должны быть также проинструктированы о том, как им необходимо поступить в случае изменения ситуации задержания. Следователю рекомендуется наметить несколько вариантов действий, рассчитанных на различные обстоятельства, которые могут возникнуть в ходе следственного действия. Например, в помещении оказался не один разыскиваемый преступник, а несколько; задерживаемый почувствовал себя плохо или симулирует подобное состояние; в ходе следственного действия появляются посторонние лица, к которым преступник обращается за помощью, инсценируя себя жертвой нападения, и др.

Для оказания помощи следователю и работникам органа дознания в изучении личности задерживаемого преступника, прогнозировании его поведения, использовании в отношении него метода убеждения (особенно если он находится в исключительном психическом состоянии, вызванном

ожесточением, фрустрацией, испугом, алкогольным опьянением или наркотическим возбуждением) полезно прибегать к помощи соответствующего «переговорщика» или специалиста-психолога.

Следственное освидетельствование позволяет (как и предъявление для опознания) убедиться в том, что разыскано конкретное (искомое) лицо (по особым приметам, повреждениям, иным индивидуальным признакам). Кроме того, своевременное освидетельствование обвиняемого (подозреваемого) облегчает его розыск в том случае, если он в последующем скрывается. Еще в конце 70-х гг. прошлого века профессор Р. С. Белкин заострил внимание на роли данного следственного действия в связи с необходимостью выявления на теле подозреваемого следов воздействия трансферов — специальных приспособлений, используемых для защиты различных объектов от преступных посягательств, в том числе трансферов химического, радиоактивного и иного действия [11, с. 159].

Немаловажна в правильно организованном освидетельствовании роль специалистов. Наиболее часто используется помощь таких специалистов, как судебный медик (иной врач) или специалист-криминалист. Так, специалист в области медицины помогает следователю обнаружить и описать в протоколе телесные повреждения, определяет их форму, локализацию, обоснованно предполагает происхождение, что очень важно для проверки следственно-розыскных версий. Встречаются случаи, когда разыскиваемые преступники, стремясь затруднить опознание, маскируют повреждения и татуировки, в том числе посредством наложения повязок, гипса, «повторных» повреждений и пр. В подобных случаях участие медицинского работника необходимо. Он снимает, а при необходимости вновь накладывает повязки, гипс, подвергает рентгенологическому обследованию, осматривает повреждения на теле освидетельствуемого и пр.

Но и без участия специалистов следователь в ряде случаев может непосредственно использо-

вать свои собственные специальные познания при проведении данного следственного действия. Такая ситуация, к примеру, может возникнуть при задержании разыскиваемого обвиняемого и необходимости установить (идентифицировать следственным путем) его личность. Осматривая в ходе освидетельствования тело задержанного, следователь сравнивает данные, зафиксированные ранее в процессуальных документах (например, о наличии увечий, татуировок на определенном участке тела и пр.), с фактически наблюдаемыми данными, делая при этом вывод в пользу тождества или различия сопоставляемых объектов.

Следственное освидетельствование часто сочетается в рамках тактической операции с задержанием, осмотром одежды, получением образцов для сравнительного исследования, предъявлением для опознания, допросом и пр. Однако сочетание нескольких следственных действий не означает их слияния, стирания между ними различий. Каждое из последовательно выполняемых следственных действий надлежит производить в соответствии с процессуальными требованиями, предъявляемыми законом.

В итоге практически любое следственное действие обладает розыскными возможностями, т. е. позволяет получить розыскную информацию или же обнаружить и овладеть объектами розыска. В предупреждении уклонения обвиняемых от ответственности и в оперативном их обнаружении и задержании принципиально важны неотложные следственные действия. Их результативность в сочетании с иными процессуальными и оперативно-розыскными мероприятиями обусловлена деятельностью следователя строго в рамках закона и в соответствии с организационно-тактическими рекомендациями, разработанными на соответствующем теоретическом уровне и апробированными в ходе практической правоприменительной деятельности. Современные научно-технические средства играют ведущую роль в повышении эффективности розыскной деятельности.

Примечание

¹ В процессе сбора эмпирического материала на территории Волгоградской области нами было изучено почти 250 уголовных дел, возбужденных по факту совершения уголовно наказуемых деяний в отношении личности, в ходе производства по которым осуществлялся розыск скрывшегося подозреваемого (обвиняемого).

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. 464 с.

2. Волынская О. В., Шишкин В. С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // Российский следователь. 2011. № 2. С. 12—15.

3. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: учеб.

1. Belkin R. S. Course of criminalistics. In 3 vol. Vol. 2. Private criminalistic theories. Moscow: Yurist; 1997: 464. (in Russian).

2. Volynskaya O. V., Shishkin V. S. To the question of evidentiary value of information about telephone connections. Russian investigator. 2011; 2: 12—15. (in Russian).

3. Bukharov N. N., Zakhartsev S. I., Rokhlin V. I. [et al.] Listening to telephone conversations in opera-

пособие / Н. Н. Бухаров [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2005. 128 с.

4. Гирийчук В. В. Перспектива использования в уголовном судопроизводстве оперативным методов, связанных с применением специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического института МВД России): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2016. С. 262—264.

5. Минисламов М. Н. К вопросу о процессуальных и организационно-тактических особенностях контроля и записи переговоров обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России: науч.-практ. журн. 2016. № 2 (23). С. 159—163.

6. Морозов Е. В., Андроник Н. А. Тактика контроля и записи переговоров: проблемы теории и практики // Вестник Уральского института экономики, управления и права: всерос. науч.-аналит. журн. 2013. № 4 (25). С. 16—22.

7. Ивченко Л. И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2005. 162 с.

8. Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи: монография. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2015. 216 с.

9. Кокорин Д. Л., Дерюгин Р. А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: организация и тактика следственного действия // Криминалистика в условиях развития информационного общества: 59-е ежегодные Криминалистические чтения: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Электрон. текстовые дан. (2,33 МБ). М.: АУ МВД России, 2018. С. 124—129. 1 электрон. опт. диск (DVD-R): 12 см.

10. Васюков В. Ф. Возможности использования информации об абонентской активности лиц, подозреваемых в совершении преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ: науч.-практ. журн. 2016. № 2 (52). С. 66—70.

11. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Акад. МВД СССР, 1979. 408 с.

tional search activities. Textbook. Ed. by V. P. Salnikov. Saint Petersburg: University Foundation; 2005: 128. (in Russian).

4. Giryuchuk V. V. the Prospect of using operational methods in criminal court proceedings related to application of special technical means intended for secret receipt of information. In: Theory and practice of crime prevention in the Asia-Pacific region (to the 95th anniversary of the Far Eastern legal Institute of the Russian Ministry of internal Affairs). Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 262—264. (in Russian).

5. Minislamov M. N. To the issue of procedural and organizational and tactical features of monitoring and recording negotiations of the accused in the Commission of crimes in the sphere of illegal drug trafficking. Bulletin of the Siberian law Institute of the Federal tax service of Russia. A scientific and practical journal. 2016; 23 (2): 159—163. (in Russian).

6. Morozov E. V., Andronik N. A. Tactics of control and recording of negotiations: problems of theory and practice. Bulletin of the Ural Institute of Economics, management and law. All-Russian scientific-analytical journal. 2013; 25 (4): 16—22. (in Russian).

7. Ivchenko L. I. Tactics of control and record of negotiations and use of the results of investigative actions in investigation. Textbook. Moscow: Yurlitinform; 2005: 162. (in Russian).

8. Stelmakh V. Yu. Investigative actions aimed at obtaining information transmitted by means of communication. Monograph. Yekaterinburg: Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia; 2015: 216. (in Russian).

9. Kokorin D. L., Deryugin R. A. Getting information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: organization and tactics of investigative actions In: Criminalistics in the context of the development of the information society: 59th annual Criminalistics readings. Electronic text data (2,33 Mb). Moscow: Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 124—129. 1 electronic optical disk (DVD-R): 12 cm. (in Russian).

10. Vasyukov V. F. Possibilities of using information about subscriber activity of persons suspected of committing crimes. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. A scientific and practical journal. 2016; 52 (2): 66—70. (in Russian).

11. Belkin R. S. Course of Soviet criminalistics. Vol. 3: Criminalistics tools, techniques and recommendations. Moscow: Academy of the Ministry of internal Affairs of the USSR; 1979: 408. (in Russian).

Закатов Александр Александрович,

профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: efrommm@mail.ru

Zakatov Aleksandr Aleksandrovich,

professor at the department of criminalistics
of Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
honored science worker
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Zamylin Evgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: efrommm@mail.ru

* * *

И. В. Кушнир**ПОНЯТИЯ «ДЕФЕКТ» И «ДИСБАЛАНС»
В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

В статье привлекается внимание к проблемам системной рассогласованности межотраслевого института юридической ответственности в российском законодательстве. Дается анализ законодательной инициативы Верховного Суда Российской Федерации по введению в систему уголовной ответственности понятия «уголовный поступок». Аргументируется необходимость выработки научно обоснованной правовой политики государства в сфере гуманизации института юридической ответственности. Предлагается авторская дефиниция понятия «дисбаланс юридической ответственности». Раскрываются наиболее общие характеристики дисбаланса юридической ответственности в его сопоставлении с отдельными дефектами данного института. Делается вывод о нетождественности понятий «дисбаланс» и «дефект» в общетеоретическом изучении проблемных вопросов юридической ответственности. Подчеркивается диалектический характер связи между раскрываемыми понятиями.

Ключевые слова: юридическая ответственность, межотраслевой институт законодательства, дисбаланс юридической ответственности, дефекты законодательства.

I. V. Kushnir**THE CONCEPTS OF "DEFECT" AND "IMBALANCE"
IN THE GENERAL THEORETICAL STUDY
OF THE LEGAL LIABILITY: THE STATEMENT OF THE PROBLEM**

In this article attention is drawn to the problems of systemic inconsistency of the intersectoral institute of legal responsibility in the Russian legislation. The article analyzes the legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation to introduce the concept of "criminal offense" into the criminal liability system, which can serve as an effective tool to reduce the repressive influence of the criminal law, to eliminate the disproportion created by the administrative prejudice, to bring criminal liability into a balanced state. The author argues for the need to develop a scientifically based legal policy of the state in the field of humanization of the institution of legal responsibility. The author's definition of the concept of "imbalance of legal responsibility" is proposed. The most general characteristics of the imbalance of legal responsibility are revealed. A number of reasons for the appearance of an imbalance of legal liability are identified, and its comparison with individual defects of this institution is also made. It is concluded that the concepts of "imbalance" and "defect" are not identical in the general theoretical study of problematic issues of legal liability through the analysis of their main features. The author emphasizes the dialectical nature of the connection between the revealed concepts, which is expressed in the possibility of their mutual generation.

Key words: legal responsibility, intersectional Institute of legislation, imbalance of legal responsibility, defects of legislation.

Юридическая ответственность как межотраслевой институт российского законодательства содержательно представляет собой весьма внушительный пласт охранительных норм, включая предписания конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового, налогового и ряда иных отраслей права. Он характеризуется сложной внутренней структурой, пронизанной многообразными системными связями, что позволяет рассматривать его в качестве единого

целостного нормативного образования в системе законодательства. Однако многие нормы, устанавливающие юридическую ответственность, далеки от состояния равновесия, устойчивости и сбалансированности, о чем свидетельствуют непрекращающиеся законодательные поправки, вносимые в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

(УИК РФ) и иные нормативные правовые акты охранительной направленности. Массированное изменение, порой ускоренная «перенастройка» института юридической ответственности в целях совершенствования, напротив, на практике в настоящее время не способствует укреплению системности и единства в его содержании.

Многочисленные дефекты нормативного установления и практического применения мер юридической ответственности нередко становятся предметом научных изысканий со стороны отечественных правоведов. Для этой цели они используют весьма обширный понятийный «арсенал», оперируя, к примеру, следующими терминами: «коллизия», «дефект», «ошибка», «дисбаланс», «противоречие», «проблемы» и иные.

Об актуальности исследования вопросов баланса и дисбаланса системы юридической ответственности свидетельствует и законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), которая вызвала неоднозначную оценку как у научного юридического сообщества, так и в структурах государственной власти.

Речь идет о принятии Пленумом Верховного Суда Постановления № 42 от 31 октября 2017 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка“» [1]. В соответствии с данным актом был внесен законопроект в Государственную Думу Российской Федерации, но еще до внесения на него был представлен 24 июля 2018 г. отрицательный отзыв Правительством Российской Федерации [2]. С 20 декабря 2018 г. по октябрь 2020 г. законопроект находился на рассмотрении нижней палаты парламента. Однако 13 октября 2020 г. Верховным Судом Российской Федерации был внесен новый проект упомянутого федерального закона [3].

В обоснование необходимости законодательной инициативы по введению категории «уголовный проступок» Председатель ВС РФ В. Лебедев приводит следующие аргументы:

— система уголовной ответственности должна быть приведена в соответствие с принципами справедливости и гуманизма, установленными в ст. 6 и 7 УК РФ, а также учитывать требование о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового воздействия характеру, степени общественной опасности преступного деяния и субъекту, его совершившему;

— в настоящий момент меры уголовной ответственности за преступления, которые предлагается перевести в категорию уголовных проступков, не соответствует важнейшим отправным началам уголовного законодательства в виде идей справедливости и гуманизма;

— введение понятия «уголовный проступок» в уголовное законодательство является последовательным продолжением работы по либерализации системы уголовной ответственности, по дальнейшей дифференциации и индивидуализации уголовного наказания, по декриминализации деяний и сокращению числа случаев применения заключения под стражу в качестве меры пресечения;

— дифференциация уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки проводится по степени общественной опасности, последние следует признавать более опасными, чем административные правонарушения, но менее опасными по сравнению с преступлениями, что позволяет, учитывая совершение проступка впервые и отсутствие тяжких последствий такого деяния, осуществлять исправление виновного лица без применения традиционных мер уголовного наказания;

— установление конструкции «уголовный проступок» позволит смягчить последствия совершения таких деяний для лица ввиду отсутствия института судимости, который в обычном порядке предусматривает для осужденного около 80 правовых ограничений, включая ряд запретов в профессиональной деятельности, а также ограничения в избирательных и гражданских правах;

— именно наличие судимости за преступления небольшой тяжести создает существенные препятствия в дальнейшей социализации виновного лица, не способствует его трудоустройству и материальному благополучию, а реализация представленной законодательной инициативы потенциально будет способствовать безболезненному прохождению молодыми гражданами, впервые совершившими подобные деяния, этапов социализации и таким образом косвенно обеспечивать противодействие их вовлечению в преступную среду [4].

В итоге, совершая попытку совершенствования собственной первоначальной концепции уголовного проступка, ВС РФ предлагает перевести 112 составов преступлений в категорию уголовных проступков в целях гуманизации важнейшей подсистемы института юридической ответственности в России.

При этом фактически ВС РФ открыто признает дисбаланс системы уголовной ответственности в виде нарушения ранее упомянутых двух ее основополагающих принципов в отношении значительного числа составов преступных деяний. Вторгаясь в системные начала построения юридической ответственности как межотраслевого института, нам представляется важным и обязательным учет всех его структурных и функциональных связей. Анализируемые законодательные новеллы косвенно и прямо увязаны не только с перестройкой мер уголовно-правового воздействия, но и с инструментами административной ответственности. Неверные или не вполне проработанные шаги в данном направ-

лении могут самым существенным образом негативно отразиться на всей системной организации юридической ответственности в российском законодательстве, не только не устранив уже наличествующие ее дефекты, но и добавив ряд новых, которые вкупе со «старыми болезнями» вполне способны привести к состоянию стойкого дисбаланса охранительной подсистемы права.

С учетом отмеченных обстоятельств полагаем, что спешить с окончательным внедрением в действующее уголовное законодательство рассматриваемых новаций не стоит. Представляется весьма точной и заслуживающей пристального внимания оценка, даваемая Н. А. Лопашенко, согласно которой дифференциация преступных деяний ввиду законодательных предложений становится не вполне логичной и искусственно усложненной. Одновременно автор дает и более жесткую характеристику возможному негативным последствиям такой инициативы: «В связи с введением понятия уголовного проступка Верховный суд РФ предлагает изменить ряд норм Общей части, и многие из этих изменений, на мой взгляд, обрушивают остатки системности российского уголовного закона» [5, с. 230].

В подтверждение своей достаточно резкой критики Н. А. Лопашенко указывает на ряд противоречий, содержащихся, по ее мнению, в новациях законопроекта (отметим отдельно, что исследователь изложила свои замечания в отношении первоначального варианта законодательной инициативы Верховного Суда РФ, но они во многом справедливы и для последней версии законопроекта, поскольку существенных различий между обоими вариациями по опорным вопросам не наблюдается):

- в полной мере не продуманы критерии отграничения уголовных проступков от преступлений;

- избран излишне сложный способ градации преступных деяний, устанавливающий фактически их триаду в виде «преступные деяния небольшой и средней тяжести без наказания в виде лишения свободы (уголовные проступки) — те же деяния, но при других обстоятельствах, влекущие за собой применение лишения свободы, — все иные преступления (тяжкие, особо тяжкие, средней и небольшой тяжести, не попавшие в первую группу)»;

- не учтен позитивный опыт других стран (например, Казахстана) по введению конструкции «уголовный проступок» в систему уголовной ответственности, который предполагает иной вариант дифференциации по схеме «уголовное правонарушение делится по степени опасности на два вида — проступок и преступление» и не содержит «искусственного» третьего звена;

- условия и процедура освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, более сложны и менее выгодны для них в сравнении с порядком освобождения от уго-

ловной ответственности граждан (имеется в виду сопоставление с институтом освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), виновных в совершении преступных деяний других категорий при выполнении ими более понятных требований, что вступает в противоречие с самой целью законодательной новации по гуманизации уголовного законодательства (речь идет не о полном освобождении от ответственности, а о замене на такие меры, как судебный штраф, видоизмененные обязательные и исправительные работы) [5, с. 230].

Анализируемый нами в настоящей статье пример законодательного переустройства уголовной ответственности по ряду системных параметров свидетельствует об актуальности и научно-практической значимости продолжения общетеоретических изысканий по проблеме баланса и дисбаланса юридической ответственности в целом. Поскольку недооценка юридической наукой и следом за ней законодательной практикой необходимости выверенного и детально проработанного подхода в обеспечении равновесия прямо противоположных тенденций в развитии системы юридической ответственности может быть чревата такими негативными последствиями, как ее разбалансированность и утрата ею системного единства.

Принципиальным представляется учет в процессе законодательной трансформации института ответственности баланса между такими тенденциями, как: стабильность и изменчивость законодательства; унификация и специализация в нормативной регламентации юридической ответственности; гуманизация и ужесточение наказания за различного рода правонарушения; криминализация и декриминализация деяний; межотраслевая интеграция и отраслевая дифференциация мер охранительного воздействия.

Предлагаемая Верховным Судом РФ законодательная инициатива по введению уголовных проступков в систему уголовного законодательства сама по себе заслуживает положительной оценки, поскольку потенциально способна служить действенным инструментом по снижению репрессивного воздействия со стороны уголовного закона, устранению диспропорции, создаваемой административной преюдицией, приведению уголовной ответственности в сбалансированное состояние. Однако столь системное преобразование важнейшего вида юридической ответственности требует более тщательной проработки целого ряда фундаментальных вопросов, к числу которых следует отнести:

- определение четкого соотношения уголовного проступка и преступления, а также, что не менее важно, первого с административным правонарушением в целях недопущения межотраслевой разбалансированности института юридической ответственности;

— установление специфики наказания за уголовные проступки с одновременным выявлением пределов такого наказания;

— разрешение проблемы освобождения от уголовной ответственности за совершение уголовного проступка с определением оснований и видов данного освобождения;

— обязательное признание особой значимости факта отсутствия судимости в случае привлечения лица к ответственности за совершение уголовного проступка, в противном случае дисбаланс неизбежен.

Для недопущения на практике системного несогласования норм юридической ответственности полагаем целесообразным и даже необходимым разработку в юридической доктрине понятия «дисбаланс юридической ответственности», которое позволило бы описать в теории ряд значимых «пороговых» нарушений в формировании нормативной основы данного института, которые представляют прямую угрозу для его системной организации. Одним из первых с подобным предложением о внедрении понятийной конструкции «дисбаланс юридической ответственности» выступил И. Н. Сенякин, не обозначив ее дефиницию напрямую, но инициировав ее понимание через категорию законодательного дисбаланса, трактуемого как «обусловленную практикой общественного развития рассогласованность в системе действующего законодательства, выражающуюся в различного рода расхождениях и коллизиях как в его содержании, так и форме, создающих затруднения в правовом урегулировании общественных отношений» [6, с. 128—129; 7, с. 276].

Помимо общего определения законодательного дисбаланса и приведения ряда примеров из действующего российского законодательства, ярко свидетельствующих о разбалансированности института юридической ответственности в содержательном и структурном аспектах, И. Н. Сенякин также обозначает и целый ряд общих причин возникновения подобного состояния. В их числе автор называет: диспропорцию в виде преобладания процессов дифференциации норм об ответственности над противоположной тенденцией по их унификации; нарушение принципов системности в установлении норм об ответственности в законопроектной деятельности; наличие пробелов и коллизий в праве; политическую предвзятость законодателя; дефекты юридической техники; игнорирование принципа соразмерности запрещаемого деяния и устанавливаемых за его совершение мер юридической ответственности; неэффективность экспертизы законопроектов об ответственности [6, с. 128—129; 7, с. 276].

В целом соглашаясь с представленной И. Н. Сенякиным теоретической моделью детерминации дисбаланса юридической ответственности, отметим,

что действительно ряд дефектов нормативных правовых актов порождает состояние разбалансированности юридической ответственности как сложного межотраслевого института российского законодательства. Однако далеко не все дефекты в виде противоречия, пробела или несоблюдения правил юридической техники с неизбежностью вызывают дисбаланс с юридической ответственностью, что делает, на наш взгляд, проблему соотношения дефекта и дисбаланса нормативного выражения ответственности достаточно актуальной и научно-практически значимой.

В связи с этим представляется уместным предложить следующее собственное определение дисбаланса юридической ответственности как обусловленное объективными, а отчасти и субъективными факторами состояние рассогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности правонарушениям, диспропорции между тенденциями интеграции и унификации данного межотраслевого института законодательства, нарушения внутри него генетических, иерархических и координационных связей, вызывающего в итоге существенное снижение эффективности охранительного действия права.

Для более детального понимания сути представленной выше дефиниции определим ряд исходных моментов в понимании дисбаланса ответственности, которые также будут способствовать, на наш взгляд, ограничению его от статичных, «локализованных» дефектов рассматриваемого института.

1. Важнейшим признаком и одновременно внешним проявлением дисбаланса юридической ответственности следует признавать присутствие диспропорции, несоразмерности в противоположных тенденциях развития данного института. Это не только рассогласование между унификацией и специализацией норм об ответственности, но и расхождение между тенденциями криминализации и декриминализации деяний, несогласованность действий законодателя по ужесточению и, напротив, гуманизации наказания, нарушение баланса публичных и частных интересов, несоразмерность темпов развития материальной и процессуальной составляющих института ответственности.

2. Формирование угрозы в отношении утраты целостности системой юридической ответственности, что проявляется в нарушении ее основополагающих принципов (справедливости, законности, неотвратимости, соразмерности запрещенного деяния и последующего за его совершение наказания, виновности, индивидуализации мер ответственности, недопустимости удвоения ответственности, гуманизма) и одновременно в разрушении ее генетических, предметных и функциональных связей.

3. Дисбаланс юридической ответственности представляет собой системное нарушение ее связей, принципов, что в интегрированном виде есть не просто отдельно взятый в статике дефект, а развивающийся во времени динамический процесс разбалансированности нормативных правовых предписаний, усугубляющийся до тех пор, пока не будет комплексно разрешен посредством соответствующей правотворческой деятельности. Дефект юридической ответственности при этом преимущественно носит достаточно локализованный характер, например, в виде конкретной коллизии двух норм, что в итоге позволяет обнаружить его четко выраженные внешние признаки в законодательстве [8; 9]. Дисбаланс же в системе юридической ответственности характеризуется отсутствием строго определенных параметров в содержательном и структурном плане, определяется лишь в ходе системного толкования и применения нормативной правовой основы ответственности.

К примеру, ранее обозначенная проблема по введению в систему уголовной ответственности понятия «уголовный проступок» не имеет локализованного характера, обнаруживает себя лишь в ходе системного сопоставления значительного числа норм УК РФ, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, УИК РФ, а также соотношения данной законодательной новеллы с рядом предписаний КоАП РФ. Установление возможного дисбаланса функциональных межотраслевых связей в системе юридической ответственности зачастую сопряжено с проведением целого ряда специализированных исследований [10, с. 55—61]. Отдельные же дефекты нормативной основы ответственности устанавливаются посредством совершения существенно меньшего числа операций, а также, как правило, не требуют комплекса мер по их устранению.

4. Между дефектом в системе юридической ответственности и ее дисбалансом существует диалектическая связь, которая выражается в возможности их взаимного порождения. Так, накапливаясь в рамках института ответственности, коллизии, пробелы и иные дефекты способны запустить процесс его разбалансированности. В свою очередь, уже существующий дисбаланс в виде нарушения системности, целостности юридической ответственности нередко служит «питательной почвой» для появления все новых и новых дефектов в последующей правотворческой практике, поскольку вносить в системно дезорганизованный межотраслевой институт права законодательные изменения уже достаточно непросто и чревато новыми правотворческими ошибками. Еще раз подчеркнем при этом, что далеко не всякий дефект ответственности вызывает устойчивый процесс ее разбалансированности. Как правило, лишь совместное негативное действие ряда дефектов законодательства способно продуцировать дисбаланс, который, безусловно, становится разрушительно опасным для функционирования всего пораженного им института. В этом смысле дисбаланс юридической ответственности есть феномен, потенциально способный полностью нейтрализовать или ограничить в существенной части охранительное действие права в целом.

Таковым нам представляется в самом общем виде соотношение понятий «дефект» и «дисбаланс» в изучении проблем современного состояния юридической ответственности как сложноорганизованного межотраслевого института современного российского законодательства. С учетом непрекращающегося усложнения нормативно-правовой основы юридической ответственности, ее количественного и качественного роста, думается, что со временем проблема ее дисбаланса будет лишь еще больше актуализироваться.

1. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42. (Документ не был опубликован). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/20/789933-ugolovnogoprostupka> (дата обращения: 01.11.2020).

3. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

1. The resolution of Plenum of the Supreme Court No. 42 on 31 October 2017. "On introducing to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the draft Federal law "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of criminal misconduct". (The document was not published). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

2. Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/20/789933-ugolovnogoprostupka>. Accessed: 1 November 2020. (in Russian).

3. Available from: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf. Accessed: 1 November 2020. (in Russian).

4. Осуждению не подлежит. URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 14.10.2020).

5. Лопашенко Н. А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2019. С. 229—232.

6. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 127—138.

7. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности (техничко-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 274—281.

8. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21—26.

9. Лаврентьев А. Р. Коллизии института юридической ответственности в России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 200 с.

10. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 499 с.

4. Available from: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html>. Accessed: 14 October 2020. (in Russian).

5. Lopashenko N. A. Criminal misconduct in modern Russia: projects, problems, and forecasts. In: Criminal law impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal law readings). Collection of articles based on the materials of the IV all-Russian scientific and practical conference. General editorship of N. A. Lopashenko. Saratov: Saratov State Law Academy; 2019: 229—232. (in Russian).

6. Senyakin I. N. Disbalance of legal responsibility in the legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Saratov state law Academy. 2015; 4: 127—138. (in Russian).

7. Senyakin I. N. Disbalance of legal responsibility (technical and cultural determination and reasons). Legal technique. 2016; 10: 274—281. (in Russian).

8. Vlasenko N. A. Logical and structural defects of the Soviet law system. Jurisprudence. 1991; 3: 21—26. (in Russian).

9. Lavrentiev A. R. Conflicts of the Institute of legal responsibility in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 1999: 200. (in Russian).

10. Belousov S. A. Legislative imbalance (doctrine, theory, practice). Dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2015: 499. (in Russian).

© Кушнир И. В., 2021

© Kushnir I. V., 2021

Кушнир Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры
теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии;
e-mail: irinavkushnir@mail.ru

Kushnir Irina Vladimirovna,

senior lecturer at the department
of theory of state and law
of Saratov State Law Academy;
e-mail: irinavkushnir@mail.ru

* * *

В. В. Попов**СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО КАК ЭЛЕМЕНТ
НЕПРЕДПИСЫВАЮЩЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОК:
ОЦЕНКИ ANTE LEGEM И PRE LEGEM
(начало)**

Субъективные права относятся к средствам идеологического влияния как ценностно-ориентирующего этапа алгоритма социального управления, включающего в себя правовое регулирование. Это верно для любых систем права в силу того, что любая правовая норма является семантическим симбиозом аксиологических оценок. Социальные оценки алгоритмически предшествуют любой норме права, хотя появление правовой нормы не является необходимым этапом в каждом алгоритме социального (само)управления. Наиболее точным описание данных процессов представляется лишь при использовании управленческого контекста. Это требует введения таких терминов, как «контрольные и непосредственно управляемые параметры» (протекания социального процесса), а также «средства изменения управляемых параметров». Это позволяет осуществить сообразную объективной реальности теоретическую реконструкцию места и роли субъективных прав в правовом регулировании, что является полноценной теоретической основой не только для эффективного обеспечения данных прав, но и для эффективного использования их регулятивного потенциала в государственном управлении.

Ключевые слова: субъективное право, непредписывающее правовое регулирование, социально-правовые оценки, контрольные параметры, управляемые параметры, средства изменения управляемых параметров.

V. V. Popov**SUBJECTIVE RIGHT AS AN ELEMENT
OF NON-PRESCRIPTIVE LEGAL REGULATION
IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND LEGAL ASSESSMENTS:
ANTE LEGEM AND PRE LEGEM ASSESSMENTS
(beginning)**

Subjective rights refer to the means of ideological influence as a value-oriented stage of the algorithm of social management, which includes legal regulation. This is true for all legal systems, because any legal norm is a semantic symbiosis of axiological assessments. Social assessments algorithmically precede any rule of law, although the appearance of a legal norm is not a necessary stage in every algorithm of social (self-directed) management. The most accurate description of these processes is provided only when using the management context. This requires the introduction of such terms as "control and directly managed parameters" (of the social process course), as well as "means of changing of the controlled parameters". This makes it possible to carry out a theoretical reconstruction of the place and role of subjective rights in legal regulation in accordance with objective reality, which is a full-fledged theoretical basis not only for effective legal regulation, but also for an effective usage of their regulative potential in state administration.

Key words: subjective law, non-prescriptive legal regulation, socio-legal assessments, control parameters, controlled parameters, means of changing controlled parameters.

Несмотря на то что вопросам понятия и признаков, места и роли субъективных прав в правовом регулировании посвящен довольно обширный круг научной литературы как в нашей стране, так и за рубежом, анализ существующих научных воззрений по данной проблематике позволяет выявить довольно серьезные ошибки и неточности. В свою

очередь, это порождает сложности в адекватной теоретической реконструкции механизма правового регулирования, что не позволяет создать полноценную теоретическую основу для эффективного социального управления.

В более ранних работах автор показал, что субъективное право было бы неверно рассматри-

вать ни как меру возможности / свободы, ни как самостоятельную правовую норму, обладающую триединством собственного знака, значения и смысла, ни как метанорму, выполняющую функцию иерархизации нормативных систем. В связи с этим автором было предложено определение субъективного права как *указания на юридически непредписанное пользование определенным благом, а также специфическое (дублирующее или косвенное) указание на юридически обязательное поведение и/или воздержание от поведения в пользу притязającego субъекта со стороны того субъекта, чье поведение (и/или воздержание от поведения) алгоритмически необходимо в контексте установленной субъектом правотворчества модели социального взаимодействия* [1].

Вместе с тем неправильно полагать, что субъективное право вообще не имеет отношения к юридическим предписаниям помимо того, что оно является дублирующим или косвенным экспонентом юридической обязанности / запрета [2].

Если признавать, что помимо предписывающего существует также непредписывающее правовое регулирование [3], то можно увидеть, что субъективное право, анализируемое не в семантическом, но в прагматическом аспекте, вполне можно отнести к малоизученным средствам идеологического влияния как ценностно-ориентирующего этапа алгоритма социального управления не только государственного, но и надгосударственного уровня. В рамках непредписывающего правового регулирования субъективное право следует рассматривать как элемент системы социально-правовых оценок, имеющих существенный регулятивный потенциал [4].

Начиная рассмотрение субъективных прав в системе социально-правовых оценок, следует обратиться к тому факту, что сами правовые нормы — это частный случай аксиологических оценок, и в особенности к тому, что данные оценки алгоритмически предшествуют норме. Однако названный факт не отражен в должной мере в научно-юридических исследованиях. Представляется, что вопрос о соотношении оценок и норм в логико-философских исследованиях был достаточно полно и обоснованно решен еще в 70-е гг. XX в. А. А. Ивиным. В частности, ученый показал, что нормы есть частный случай оценок [5; 6]. Именно в данном контексте можно и говорить, что оценки алгоритмически предшествуют норме, если понимать алгоритм здесь как последовательность шагов преобразования информации. В связи с этим начнем рассмотрение не с более общей оценки, которую мы будем называть «*ante legem*», но с оценки, которую мы будем называть «*pre legem*». Выбор подобного именованья обусловлен следующими соображениями. Автор принимает за данность тот факт, что право, как объектный язык, включает

в себя как минимум систему норм, вне зависимости от типа правопонимания, т. е. от метаязыка права, которым пользуется исследователь как интерпретатор объектного языка права. Вместе с тем саму правовую норму автор условно определяет как отправную точку, относительно которой можно производить теоретическую реконструкцию алгоритмов преобразования социально-правовой информации. Используя сложившиеся обыкновения словопотребления в академической среде (см., например: [7, с. 94—95]), указанную точку в рамках данной работы мы и назовем «*lex*» («закон»), хотя речь фактически будет идти не столько о законе, сколько о любых нормах (позитивного) права. Отсюда оценки можно условно разделить на группы, присвоив им имена «*ante legem*», «*pre legem*», «*praeter legem*», «*secundum legem*», «*post legem*» [4].

Оценки *pre legem* предшествуют любым правовым нормам, точнее предшествуют появлению правовых норм, в связи с чем и предложена такая их характеристика, как «генетическое предшествование нормам», т. е. эти оценки есть алгоритмически необходимый элемент (логического) генезиса правовых норм. Речь идет о том, что любая норма фактически представляет собой своеобразный симбиоз двух аксиологических оценок. Например, оценка № 1 — «хорошо (позитивно ценно), когда платят налоги». Оценка № 2 — «хорошо (позитивно ценно), когда наказывают того, кто не платит налоги». Соединение этих двух оценок порождает норму — «обязательно (запрещено не) платить налоги». И если уточнить, что в данном случае речь идет об алгоритме преобразования информации в семантическом контексте ее анализа, то можно говорить о том, что норма права — это семантический симбиоз оценок *pre legem*.

Оценки *pre legem* — это оценочные высказывания «о вещи» (в нашем контексте — о социальном явлении, поведении), т. е. это так называемое высказывание *de re*, имеющее логическую форму, модальную (аксиологическую) оценку субъектно-предикатного высказывания: М (S есть Р). Поскольку правовая норма — это частный случай оценок (точнее — их семантический симбиоз), то видно, что данные оценки можно относить к сфере *объектного языка права*.

Из этого следует, что *любая* правовая норма *по определению* связана с оценкой (ценностью), причем это оценка социальных явлений, т. е. социальная оценка. Иными словами, дискуссия о том, связано ли право с ценностями, например, между представителями естественно-правовой школы и представителями юридического позитивизма, в целом ряде случаев представляется лишней рациональных оснований в силу очевидности такой связи, очевидности неразрывности связи права и оценок. В связи с этим можно отметить, что в рассматриваемом контексте совершенно прав В. Е. Чет-

вернин, когда указывает, что конституция — это идеологический документ, что любая конституция строится на основе каких-то идеологических постулатов и выражает их [8, с. 80], М. Л. Давыдова, отмечая, что освобождать закон от идеологических установок бессмысленно [9, с. 87], и другие ученые.

Итак, оценки *pre legem* (генетически) предшествуют (позитивному) праву, т. е. существуют в той ветке алгоритмов развития социальных процессов, которая привела на некий момент к созданию правовой нормы. Соответственно, по отношению к такой оценке субъективное право может рассматриваться как дублирующий или косвенный экспонент предписания [3], которое само по себе есть соединение двух оценок *pre legem*, т. е. субъективное право в таком случае прямо отражает данные оценки. Но следует подчеркнуть, что в данном случае субъективное право фактически является *лишь отраженной юридической обязанностью / запретом*, т. е. дублирующим или косвенным экспонентом нормативного юридического предписания, и именно в этом качестве принадлежит к системе средств именно *предписывающего* правового регулирования.

Вместе с тем следует понимать, что две социальные оценки не всегда институционализируются в правовую норму. Можно сказать и так: не всякая оценка *ante legem* превращается в оценку *pre legem*, т. е. появление правовой нормы *не является необходимым* этапом в каждом алгоритме социального (само)управления. Уточним при этом, что необходимость здесь понимается в смысле не причинной (номологической), но в смысле программной детерминации. Это лишь алгоритмически *возможный* этап управления.

Таким образом, можно сказать, что оценки *pre legem* — это такие оценки *ante legem*, которые были восприняты субъектом, издавшим правовую норму. Из этого видны, во-первых, определенная условность и относительность границ между рассматриваемыми оценками, а во-вторых, видны также и количественные различия данных оценок. Границы множества норм *pre legem* довольно четко определены и соответствуют количеству правовых норм (разумеется, если понимать их именно как предписания, причем общего характера, т. е. как правовые обязанности / запреты).

Вопрос о выделении в множестве оценок *ante legem* подмножества потенциальных оценок *pre legem* по качественным параметрам довольно сложен в силу целого ряда факторов. Одним из таких факторов является отсутствие общепринятой (хотя бы в рамках отечественной юридической науки) терминологии, позволяющей сформировать семантическое поле для теоретической реконструкции соответствующих социально-правовых явлений.

Вместе с тем в первом приближении можно выделить проблематику, позволяющую понять, на каком основании мы можем выделять в множестве оценок *ante legem* подмножества потенциальных оценок *pre legem*. В частности, к подобной проблематике можно было бы отнести дискуссионные вопросы понятия и признаков правоотношений, понятия и границ предмета правового регулирования, объективности системы права, пробелов в праве и ряд других. Своими корнями данные вопросы уходят в такую фундаментальную политико-идеологическую проблему правотворчества, которая выражена в вопросе: «законодатель формирует или лишь формулирует право?». Эту же проблему сформулировать несколько иначе, переведя в плоскость понятия и признаков права и, в частности, такого (часто выделяемого) признака права, как его нормативность (см., например: [10; 11; 12]), однако уточним — в *непредписывающей интерпретации* нормативности [13].

В свою очередь, данная проблематика производна от более общих дискуссионных вопросов (являющихся фундаментальными вообще для всех гуманитарных наук) о мере управления и самоуправления в различных процессах социальной жизни. Фундаментальность данных вопросов обусловлена тем, что содержание ответов на них позволяет выявить (реальные или мнимые) алгоритмы управления социальной жизнью любого уровня (внутригосударственного, регионального, глобального), различать реальные, декларируемые и потенциальные цели социального управления (самоуправления). Соответственно, это позволяет прогнозировать направленность реального развития отдельных государств, их объединений, цивилизации в целом (либо создает лишь иллюзию такого прогноза), а значит — позволяет либо управлять государством, регионом, цивилизацией в целом, либо пребывать в иллюзии подобного управления.

Если включать в теоретическую реконструкцию рассматриваемой ситуации терминологию Р. Давида и ряда иных ученых, то можно сказать, что в *некоторых* случаях речь идет о таких оценках *pre legem*, которые в семантическом симбиозе формируют правовой обычай *praeter legem*.

Если включать в теоретическую реконструкцию рассматриваемой ситуации терминологию марксизма, то следует вспомнить «...внутренние законы духовных отношений», которым законодатель придает форму закона [14, с. 162]. Соответственно, те из социальных оценок, которые выражают «...внутренние законы духовных отношений» (на основании которых законодатель формулирует законы), и можно относить к оценкам *pre legem*, в случае если они образуют норму права (через семантический симбиоз), или к оценкам *ante legem*, если они не складываются в норму права.

Развивая еще на заре советской юриспруденции идеи марксизма в работе «Общая теория права и марксизм», Е. Пашуканис отмечал, что «юридическое отношение — это первичная клеточка правовой ткани...» и далее признавал возможность существования правоотношения при отсутствии соответствующей правовой нормы (цит. по: [15, с. 20—21]). Если интерпретировать данные идеи Е. Пашуканиса посредством модели с оценками, то можно сказать, что так называемое правоотношение, *существующее до юридической нормы* (хотя при этом вовсе не обязательно признавать такое отношение правоотношением), — это отношение, генерируемое оценками *ante/pre legem*, существующими в (право)сознании субъектов данного отношения. Вместе с тем думается, что при этом следует избегать таких крайностей, как признание наличия отношений, возникающих *независимо от воли и сознания людей* (экономических, производственных отношений) (см., например: [16, с. 587]).

Используя подобный ход рассуждения (связанность законодателя фактически сложившимися отношениями) в целях признания за системой права свойств объективности (как основание утверждения о том, что право не является плодом произвола законодателя), Н. Н. Вопленко указывает, что «при издании очередного нормативного акта правотворец озабочен, в первую очередь, необходимостью урегулировать актуализированные в общественной практике общественные отношения» [16, с. 13]. Как видно, интерпретация подобных идей посредством модели с оценками позволяет сказать (даже имея иное мнение насчет того, что на самом деле составляет предмет «озабоченности правотворца»), что так называемые актуализированные в общественной практике общественные отношения — это отношения, генерируемые оценками *ante/pre legem*, существующими в (право)сознании субъектов данного отношения.

Сама идея объединения так называемых юридической формы и социального (в том числе классового) содержания находит свое выражение и в «широком понимании нормативности». Если описывать оценки *ante/pre legem* посредством терминологии «широкого понимания нормативности», выделяя, в частности, «...нормативность реальной жизни (ее упорядоченность, нормальность, объективно сложившийся ход вещей)» [11, с. 101], то данную «нормальность» и можно считать такой характеристикой социальных обстоятельств, которая в нашем контексте будет конституировать типичность предмета и критериев, а также массовость субъектов оценок *ante/pre legem*.

Полагаем, что в общегуманитарном контексте подобные идеи «широкой нормативности» довольно обстоятельно представлены у В. Д. Плахова. Характеризуя так называемую нормативную ситуацию,

В. Д. Плахов выделяет «имманентную норму» — объективную закономерность, являющуюся объектом познания и отражения в так называемом нормообразе как «аутентичном гносеологическом образе имманентной нормы» [18, с. 16]. Уточняя механизм отражения «имманентной нормы» в сознании, а затем и воплощения ее в жизнь, ученый вводит также понятия нормы — информационного кода, нормы модели, нормы поведения и нормы деятельности [18, с. 22]. В силу этого считаем, что «имманентная норма», «норма — информационный код», «норма-модель» могут быть с соответствующими уточнениями охарактеризованы посредством оценок *ante/pre legem*, «нормы поведения» — как семантический симбиоз оценок *pre legem*, а «норма-деятельность» — как деятельность, генерируемая либо оценками *pre legem*, либо их семантическим симбиозом.

Следует обратить внимание на источник массовости соответствующего социального поведения, поскольку отчасти верно, что «нормативной переработке подлежат, как правило, массовые ряды социальных явлений, это способствует созданию устойчивых моделей общественного порядка» [10, с. 11]. Соответственно, с определенными оговорками можно признать, что именно эта массовость и побуждает соответствующих субъектов формулировать право, регулятивная статическая функция которого состоит в закреплении «...в соответствующих нормах и правовых институтах того, что реально достигнуто и составляет экономический, политический, социально-культурный фундамент общества и государства, основу их последующего развития» [19, с. 437]. Ценность предписания массового поведения при этом рассматривается как одна из основ правопорядка: «Два нормативных потока — правовой и реальной жизни должны слиться в единое русло урегулированности социальной практики. Если это происходит на всех этапах развития правовой материи, то в обществе процветает правопорядок» [10, с. 25].

Итак, по мнению В. Д. Плахова, массовость порождается в силу достаточности гомеоморфного и топологического подобия элементов нормы-кода с элементами отображаемых объектов, что в итоге ведет к превращению так называемого нормообраза в «суверенное идеальное образование» в результате утери в социальной памяти реальных связей модели и отражаемого объекта. Далее происходит массовое тиражирование нормообраза, его «транспортировка по информационным каналам связи в процессах социальной коммуникации», в результате чего «укоренившиеся в массовом сознании нормообразы живут самостоятельной жизнью как „след“ прошлого отражения... даже тогда, когда материальные условия, породившие их, уже переменились или вовсе исчезли» [18, с. 18—19].

Примечателен тот факт, что дальнейший анализ социальных норм В. Д. Плахов проводит через понимание нормы как кибернетической модели, как элемента кибернетической системы, т. е. в управленческом контексте. Думается, что это совершенно правильный подход, хотя вполне можно согласиться с тем, что фактически он незаслуженно предан забвению, по меньшей мере в юриспруденции [20, с. 183]. В связи с этим считаем, что в управленческом контексте идеи В. Д. Плахова можно переформулировать несколько точнее. В частности, вполне очевидным представляется тот факт, что любая деятельность является целеориентированной.

Цель можно интерпретировать как желаемое изменение параметров функционирования любого процесса, при том что весь универсум можно интерпретировать как совокупность процессов (медленное и / или циклическое изменение параметров которых обычно принято называть «состояние»). Цель является субъективной, так как субъективным является как выбор статуса параметра (контрольный, управляемый, свободный), так и выбор меры его изменения.

Введение терминов «контрольный параметр» (КП), «управляемый параметр» (УП), «свободный параметр» (СП) помимо термина «цель» обусловлено тем, что данные термины характеризуют процессы, которые информационно-алгоритмически связаны между собой, и учет данного обстоятельства обязателен для подробного анализа явления, называемого «цель». В свою очередь, подобный анализ позволит различать а) иерархию целей, б) этапы достижения цели, в) средства и методы достижения цели (в том числе на разных этапах).

Сам изменяемый процесс (как фрагмент объективной реальности, например, в социальной сфере) можно интерпретировать как предмет соответствующей деятельности, т. е. любая деятельность направлена на изменение соответствующих параметров неких процессов, хотя при этом значимым может представляться материальный либо информационно-алгоритмический аспект функционирования данного процесса. Иными словами, целеориентированность любой социальной деятельности делает ее предметной. В то же время следует учитывать различие:

- 1) между реальными, декларируемыми и потенциальными целями;
- 2) деятельностью субъекта-управленца и деятельностью субъекта-инструмента «в руках» субъекта-управленца, при этом, например, субъект-инструмент может не осознавать реальных целей даже своей деятельности, несмотря на ее целеориентированность.

Далее, любую социальную деятельность можно интерпретировать как преемственную последовательность соответствующих операций, ведущих

к достижению определенной цели, т. е. к изменению желаемых (т. е. контрольных) параметров функционирования соответствующего процесса в желаемой мере. Уровень детализации операций (условно говоря — выявление элементарного первоэлемента, «кванта деятельности») предопределяется характером управления данной деятельностью, а также характером исследования этого управления. Иными словами, любая социальная деятельность алгоритмична.

Итак, существуют определенные алгоритмы деятельности, которые ведут к достижению определенных целей. Как уже отмечалось, цель субъективна, т. е. она ставится субъектом социального управления или субъектом социальной деятельности (если это режим самоуправления). Однако алгоритмы поведения, которые ведут к субъективной цели, существуют *объективно*.

Кроме того, несмотря на то что цель является субъективной, логическая разница между поставленной целью и достигнутым результатом является объективной. Данная логическая разница может интерпретироваться как уровень или качество достижения цели. Но точнее — как качество управления (самоуправления) соответствующей целеориентированной деятельностью. Данное качество можно характеризовать, например, как оптимальное, допустимое и аварийное. Можно сказать, что в таком случае речь идет об эффективности, хотя неудобство термина «эффективность» обусловлено неоднозначностью толкования эффективности.

Соответственно, есть объективные алгоритмы поведения, которые статистически детерминировано, объективно ведут к достижению целей с определенным качеством (т. е. с определенной логической разницей между желаемым и достигнутым). Данные алгоритмы (само)управления оптимального качества (т. е. с минимальными ошибками) и можно считать так называемой имманентной нормой как объективной закономерностью. «Степень познания» данной нормы, т. е. то, что в итоге приводит к «нормообразу», можно было бы отнести к осознанию соответственно тех алгоритмов, которые объективно (по объему ошибок управления) являются оптимальным, допустимым или же аварийным управлением.

Включение оценок *ante/pre legem* в такую теоретическую реконструкцию позволяет говорить о том, что цель как совокупность контрольных параметров функционирования соответствующего социального процесса — это нечто желаемое / желательное для соответствующего субъекта. Данную желаемость / желательность вполне можно оценивать как аксиологическую оценку *ante/pre legem*. Данная желаемость / желательность вполне соответствует положению аксиологической логики о субъективном характере данных (аксиологических) оценок. Это *ante/pre legem* оценка контроль-

ного параметра. Но данный параметр достижим как результат соответствующей деятельности. В таком случае эту деятельность можно интерпретировать как управляемый параметр, воздействие на который изменяет значение контрольного параметра. Управляемые параметры характеризуют состояние объекта управления (УПО), социальной среды (УПС) и собственно управляющего воздействия (УПВ). Изменение значений непосредственно управляемых параметров и может быть названо управлением.

Например, если контрольным параметром является изменение траектории движения автомобиля, то управляемым параметром будет (например) поворот рулевого колеса.

Если же вести речь о социальном управлении как об управлении сознательно-волевым поведением людей, то управляемым параметром будет являться сознание (а через него и воля, поскольку она всегда проявляется с уровня сознания) человека. Определенное «состояние сознания и воли» (хотя точнее говорить не о характеристиках состояния, а о характеристиках процессов обработки (в том числе преобразования) информации в сознании) и будет более или менее статистически вероятно порождать соответствующее поведение. Соответственно, то, что было названо УПО, УПС, УПВ, в социально-управленческом контексте можно

охарактеризовать как «состояние сознания и воли» человека — субъекта управления, человека — объекта управления (разумеется, речь можно вести и об элементах множества людей, составляющих объект управления и социальную среду). Можно выделить при этом группу средств управления, т. е. средств, с помощью которых повышается вероятность изменения значений УП.

Поскольку контрольный и управляемый параметры информационно-алгоритмически связаны между собой (причем не только объективно, но и субъективно-управленчески), постольку информационно-алгоритмически связаны и желаемость / желательность, т. е. оценки данных параметров. Иными словами, информационно-алгоритмически связаны *ante/pre legem* оценки контрольных и управляемых параметров. А поскольку существуют средства, с помощью которых повышается вероятность изменения значений УП, то информационно-алгоритмически связаны *ante/pre legem* оценки УП и средств изменения данных параметров. И чем больше вероятность изменения значений УП, тем выше аксиологическая ценность таких средств. Однако для краткости мы далее будем называть средства, с помощью которых повышается вероятность изменения значений УП, — средствами изменения управляемых параметров (СИУП).

(Продолжение следует).

1. Попов В. В. Понятие субъективного права: критический анализ // Юрист-Правоведъ. 2019. № 2. С. 21—27.

2. Попов В. В. Субъективное право как дублирующий либо косвенный экспонент нормативного юридического предписания // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 27—32.

3. Попов В. В. Соотношение правового регулирования и правового воздействия: методологические ошибки теории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2. С. 22—31.

4. Грачев Н. И., Попов В. В. Права человека как элемент непредписывающего правового регулирования: методологические основы теоретической реконструкции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6 (137). С. 15—26.

5. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.

6. Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973. 121 с.

7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с.

8. Четвернин В. Е. Конституционное право России. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 496 с.

1. Popov V. V. The concept of subjective law: a critical analysis. Yurist-Pravoved. 2019; 2: 21—27. (in Russian).

2. Popov V. V. Subjective right as a duplicate or indirect signifier of a normative legal prescription. Journal of The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 1: 27—32. (in Russian).

3. Popov V. V. Correlation of legal regulation and legal impact: methodological errors of theory. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 2: 22—31. (in Russian).

4. Grachev N. I., Popov V. V. Human rights as an element of non-prescriptive legal regulation: methodological foundations of theoretical reconstruction // Saratov State Law Academy Bulletin. 2020; 137 (6): 15—26. (in Russian).

5. Ivin A. A. The foundations of the logic of estimates. Moscow: Publishing house of Moscow University; 1970: 230. (in Russian).

6. Ivin A. A. Logic of norms. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1973: 121. (in Russian).

7. David R., Joffre-Spinosi K. Basic legal systems of modernity. Translate from french by V. A. Tumanov. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya; 1999: 400. (in Russian).

8. Chetvernin V. E. Constitutional law of Russia. 6th ed., repr. and add. Moscow: Norma; 2009: 496. (in Russian).

9. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2009. 216 с.

10. Липатов Э. Г. Нормативность правовых явлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 1996. 26 с.

11. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности // Конфликтология. 2011. № 4. С. 100—108.

12. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.

13. Мингес И. А., Попов В. В. Две стороны нормативности права: решение в семантическом аспекте // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3. С. 25—29.

14. Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 698 с.

15. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.

16. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 640 с.

17. Вопленко Н. Н. Понятие системы права // Вестник ВолГУ. Сер. 5, Юриспруденция. 2009. № 11. С. 11—16.

18. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 255 с.

19. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. Волгоград: Волгогр. гуманит. ин-т; М.: Зерцало-М, 2018. 876 с.

20. Костюченко Н. И. Проблемы государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 182—187.

© Попов В. В., 2021

Попов Виктор Викторович,
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lkj5@mail.ru

9. Davydova M. L. Normative-legal prescription. Nature, typology, technical and legal design. Saint Petersburg: Law Center — Press; 2009: 216. (in Russian).

10. Lipatov E. G. Normative character of legal phenomena. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov: Saratov State Academy of Law; 1996: 26. (in Russian).

11. Davydova M. L. Legal normative prescription as a primary level of legal normativity // Konfliktologiya. 2011; 4: 100—108. (in Russian).

12. Kudryavtsev V. N. Legal behavior: norm and pathology. Moscow: Nauka; 1982: 287. (in Russian).

13. Popov V. V., Minges I. A. Two aspects of the normality of law: a solution in the semantic aspect. Journal of The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018; 3: 25—29. (in Russian).

14. Marx K. Draft law on divorce. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1955: 698. (in Russian).

15. Khalfina R. O. General doctrine of legal relations. Moscow: Yuridical literature; 1974: 340. (in Russian).

16. Marchenko M. N. Theory of State and Law. Textbook. 2nd ed., repr. and supplemented. Moscow: Prospekt; 2015: 640. (in Russian).

17. Voplenko N. N. The System of Law Concept. Vestnik of VolSU. Series 5, Jurisprudence. 2009; 11: 11—16. (in Russian).

18. Plakhov V. D. Social norms. Philosophical foundations of general theory. Moscow: Mysl; 1985: 255. (in Russian).

19. Theory of State and law. Textbook. Ed. by N. I. Grachev. Volgograd: Volgograd Humanitarian Institute; Moscow: Zertsalo-M; 2018: 876. (in Russian).

20. Kostyuchenko N. I. Problems of public management associated with the absence in the Russian Federation speciality "management science". Journal of The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 1: 182—187. (in Russian).

© Popov V. V., 2021

Popov Viktor Viktorovich,
associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lkj5@mail.ru

* * *

УДК 32
ББК 66

DOI 10.25724/VAMVD.SNOP

А. А. Редько, Д. В. Бойко**МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье с авторского ракурса рассматриваются понятие и содержание государственной молодежной политики. Молодежная политика является одним из направлений правовой политики современного государства, она играет огромную роль и имеет глобальное значение в формировании будущего российской государственности. Выделяются и рассматриваются концепции и подходы к формированию молодежной политики: нормативный, теоретический и другие. Любое государственно-правовое явление должно функционировать в соответствии с целью и задачами. В связи с этим анализируется целесообразность молодежной политики в рамках построения государственной политики в целом. Важнейшей целью молодежной политики любого государства выступает активизация инициативы молодого поколения. Это необходимо для создания новых и совершенствования существующих общественных и государственных институтов. В статье приведен анализ распространенных проблем, связанных с реализацией государством молодежной политики, что аргументирует ее важность для функционирования государства.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная деятельность, правовая политика, правоприменительная политика, государство, право, молодежная политика.

A. A. Redko, D. V. Boiko**YOUTH POLICY: THE CONCEPTUAL AND THEORETICAL ASPECT**

The concept and content of state youth policy are analyzed in the article from the authors' point of view. Youth policy is one of the directions of legal policy of a modern state. It plays a huge role and has a global significance in shaping the future of the Russian statehood. The authors distinguish and consider conceptions and approaches to the formation of youth policy: normative, theoretical, etc. Any state legal phenomenon must function in accordance with the purpose and objectives. In this regard, the authors analyze the expediency of youth policy within the framework of building state policy in general. The most important purpose of youth policy of any state is the intensification of activities and initiatives of the younger generation. It is necessary to create new institutions as well as to improve the existing social and state ones. The article contains the analysis of common problems related to the state's implementation of youth policy. This circumstance proves the importance of youth policy for the state's functions.

Key words: law enforcement, law enforcement activity, legal policy, law enforcement policy, state, law, youth policy.

В настоящее время особенно остро стоит вопрос реализации концепции государственной молодежной политики. Об указанной категории политико-правового пространства было известно еще в СССР, а фундаментальность и значимость изучаемой сферы подтверждается фактом того, что буквально через несколько месяцев после принятия действующей Конституции Российской Федерации в 1993 г. [1] было принято Постановление Верховного Совета Российской Федерации (ВС РФ) от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [2].

Можно согласиться с С. Р. Сулеймановой в том, что «одним из приоритетных направлений как федеральных, так и региональных органов госу-

дарственной власти является грамотная и продуманная государственная молодежная политика, так как именно молодежь является основой будущего гражданского общества Российской Федерации, и к представителям государственной власти постепенно приходит понимание того, что инвестиции в молодежь — это инвестиции в будущее России» [3].

К сожалению, до настоящего времени не сформировалось четкой трактовки молодежной политики, не обозначена черта, отделяющая этот вид правовой политики от иных правовых и политических явлений в государстве, не определены ее принципы, признаки и основная цель. Остаются открытыми вопросы правового мониторинга и актуализации действующего законодательства в указанной сфере.

Сегодня общеизвестны ошибки прошлых десятилетий, допущенные при реформировании правовой, политической, правоприменительной и других сфер деятельности государства, следствием чего явилось ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной правовой политики, снижение духовно-нравственного уровня общества, нарастание преступности и коррупции. Осознание роли и места отдельных видов политических реалий позволят избежать подобных ошибок в будущем.

Наша страна переживает переломный момент, среди молодежи наблюдается рост патриотической активности, выросла гражданская сознательность отдельных граждан, молодежных общественных движений и объединений, прослеживается рост заинтересованности грантодателей в молодежных проектах. Поэтому формирование долгосрочной, выверенной и современной государственной молодежной политики давно носит не только теоретико-научный, но и приоритетно-государственный характер.

Термин «молодежная политика» появился в юридической литературе около пятидесяти лет назад. За этот период времени значимость данного явления осознали почти все юристы, правоведа, а также люди, обладающие поверхностными знаниями в области права. Обусловлено это прежде всего тем фактом, что определяющую роль в жизни любого современного общества играет политика. В научной литературе встречается все больше статей, монографий, публикаций, посвященных этой теме; чаще наблюдается появление термина «молодежная политика» в нормативно-правовых актах, названиях государственных органов и учреждений, работах ученых, средствах массовой информации.

Молодежная политика имеет большое значение для общей теории государства и права, других отраслей юриспруденции, практики правотворчества, правоприменительной деятельности, правового воспитания. Она, безусловно, является частью правовой политики страны и впитывает в себя все ее составляющие.

Как отмечает Н. И. Матузов, «правовая политика есть особая форма выражения государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров» [4, с. 647]. Правовую политику можно определить как комплекс идей, мер, задач, целей, программ, методов, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права [4]. Позднее Н. И. Матузов и А. В. Малько под правовой политикой стали понимать целенаправленную планомерную деятельность государства и его органов в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность

которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей стратегического характера [5].

Политика в целом (греч. *politikó* — государственные или общественные дела, от *pólis* — государство) — сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти [6].

Таким образом, политика и правовая политика — а равно и молодежная — это, в первую очередь, деятельность уполномоченных субъектов. В этом разрезе Постановление ВС РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» определяет ее как деятельность государства, направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив [2].

Представляется, что данное понимание молодежной политики концептуально устарело. Ее следует рассматривать как деятельность прежде всего государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений, граждан, включающую систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правовых механизмов, перспектив развития законодательства, создание, поддержание и развитие условий для осуществления интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями [7]. Молодежная политика подразумевает деятельность субъектов правовой политики, направленную на защиту прав, стимулирование активности, поддержку инициатив, формирование заинтересованности в правовой и политической жизни государства у самой идейно уязвимой части населения — у молодежи.

Представляется, что молодежная политика — это особая форма выражения государственной правовой политики, концепция преобразования общества для вовлечения молодого поколения в жизнь страны на всех уровнях — от создания рабочих мест до реального формирования социальных лифтов. С ее помощью происходит юридическое закрепление и осуществление политического курса страны, процесс демократизации, стабилизации, гарантирующей уверенность молодого поколения в завтрашнем дне.

Таким образом, среди разновидностей правовой политики свое особое место занимает государственная молодежная политика. Учитывая, что государственная молодежная политика проводится в отношении граждан Российской Федерации, включая лиц с двойным гражданством, в возрасте от 14 до 30 лет, можно сформулировать следующее рабочее определение этого явления.

Государственная молодежная политика представляет собой выраженную в системе политико-правовых идей, правотворческих установок, организационно-управленческих средств стратегическую концепцию деятельности уполномоченных субъектов, должностных лиц и общественных формирований, направленную на стимулирование активности, поддержание инициатив, формирование заинтересованности в правовой и политической жизни государства у граждан Российской Федерации, включая лиц с двойным гражданством, в возрасте от 14 до 30 лет.

Для глубокого и всестороннего понимания молодежной политики важно рассмотреть ее не только саму по себе, но и в контексте различных теоретических подходов ее формирования.

Среди ученых, пишущих о молодежной политике и ее видах, существует плюрализм мнений по поводу значимости данного явления в политической системе общества. Среди авторов, пишущих о проблемах собственно молодежной политики, трезвые оценки также сочетаются с попытками преувеличения ее роли в обществе, идеализации ее возможностей в качестве инструмента социальных реформ.

Первый подход к пониманию молодежной политики — нормотворческий. Исходя из Распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 506-р «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года» [8] Концепция — это основа для организации работы органов государственной власти и местного самоуправления при решении вопросов, связанных с реализацией государственной молодежной политики. Координация мероприятий по реализации Концепции осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере молодежной политики.

В Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной приказом Минспорттуризма РФ от 23 декабря 2008 г. № 72, четко сформулирована цель государственной молодежной политики, которая заключается в создании условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, а также использовании потенциала молодежи в интересах инновационного развития страны [9].

Безусловно, молодежная политика должна пронизывать все правовое пространство государства, присутствовать в сфере действия всех ветвей власти и органов надзора за властью, выполнять свою защитную функцию, воплощаться в материально-правовых и процессуальных формах. Молодежная политика современной России все еще

не приведена в систему и отличается своей непоследовательностью. В стране пока нет полноценного правового пространства; решения подчас принимаются скоропалительно, спонтанно; отсутствует мониторинг всего позитивного и негативного в развитии регионального законодательства. Специфика российского правотворчества часто приводит к принятию необдуманных и недействующих в реальности законных и подзаконных нормативных правовых актов.

Второй подход к пониманию концепции молодежной политики — теоретический. В настоящее время реализация государственной молодежной политики приобретает все большую значимость, что связано с повышением роли человеческого фактора в решении задач развития нашей страны. В. Е. Семенов полагает, что с точки зрения развития системы государственной молодежной политики «принципиальное значение имеет совершенствование нормативно-правовой базы» [10, с. 20]. Е. А. Певцова утверждает, что «наиболее существенной является разработка идеи об общественной молодежной политике, выдвижение концепции „прав молодежи“» [11, с. 34].

Как считает А. В. Кочетков, «серьезные проблемы для развития российского законодательства о молодежной политике создает отсутствие в действующей Конституции России термина „молодежь“ и образованных на его основе словосочетаний. Несмотря на это отношения в сфере молодежной политики представляют интерес с точки зрения разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в вопросах формирования и реализации целостной государственной политики» [12, с. 13].

Сегодня в этой области отношений необходим новый уровень теоретического знания, который обобщил бы современные данные о государственно-правовых и иных социальных институтах. Для дальнейшего развития названного научного направления целесообразно рассмотреть вопросы, относящиеся к политико-правовой основе политической системы, а также роли и статусу молодежи в этой системе. С учетом новых политических и государственно-правовых реалий в научной литературе продолжают обсуждаться вопросы о повышении возраста молодежи с 30 до 35 лет.

Главной задачей молодежной политики в этом контексте является создание надлежащих условий, гарантий и механизмов для реализации прав молодежи.

Немаловажно разграничивать цели и задачи молодежной политики. На наш взгляд, цель — это устойчивое и емкое понятие, она предполагает конечный результат, к которому стремится молодежная политика, путем решения тех или иных задач. Возможно классифицировать цели на достижимые, недостижимые и теоретически дости-

жимые. Задачи — это временные препятствия, устранив которые мы приблизимся к достижению своей цели. *Целью молодежной политики* выступает создание условий политико-правовой активности молодежи во всех сферах общественных отношений, для этого необходимо решение ряда политических, правовых, экономических, культурных и иных задач. Молодежная политика — это отдельный вид правовой политики, она ставит перед собой конкретную социальную цель, а средством достижения этой цели выступают правотворчество, правовая культура и правоприменение.

«На сегодняшний день цели государственной молодежной политики, реализуемой на территории Российской Федерации, находят отражение в Постановлении Верховного Совета РФ № 5090-1 „Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации“ от 3 июня 1993 г. и распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р „Об основах государственной молодежной политики в период до 2025 года“. Среди них, например, можно выделить следующие цели: содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодежи; недопущение дискриминации молодых граждан по мотивам возраста; создание условий для более полного включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества; расширение возможностей молодого человека в выборе своего жизненного пути, достижения личного успеха; реализация инновационного потенциала молодежи в интересах общественного развития и развития самой молодежи и т. д. В большинстве случаев именно эти цели в более детализированных и уточненных вариантах и представлены в уставных целях молодежных общественных объединений Российской Федерации. В связи с вышеизложенным перед нами стоит важная задача изучения двойственной природы целевой деятельности молодежных объединений» [13, с. 22].

Так, С. Р. Сулейманова объединяет цели молодежной политики с целями общественных молодежных формирований и выделяет следующие их разновидности:

- участие в общественно-политической жизни государства;
- помощь в реализации социальных и политических прав молодежи;
- поддержание физического здоровья молодежи и формирование здорового образа жизни;
- приобщение молодежи к культурным и духовным ценностям;
- оказание помощи незащищенным слоям населения;
- патриотическое воспитание молодежи.

Представляется, что это утверждение не совсем корректно, а перечисленные «цели» являются исключительно временнообусловленными задачами.

В связи с этим можно дополнить список приоритетных задач современной молодежной политики государства:

- актуализация законодательства, регулирующего сферу молодежной политики;
- увеличение количества грантодателей в указанной сфере;
- повышение престижа статуса молодого ученого;
- развитие институтов социальных лифтов;
- борьба с правовым и политическим нигилизмом и инфантилизмом.

Цель молодежной политики при этом останется неизменной — это создание благоприятных условий в государстве для вовлеченности в ее политическую, правовую, культурную, духовную и иные сферы большого количества граждан и бипатридов от 14 до 30 лет.

Все очевидней становится невозможность успешного преодоления сложившихся глубоких противоречий и целой системы негативных отношений, явлений и тенденций в жизни страны без научно обоснованной и социально одобренной общей стратегии дальнейшего развития российского общества в сфере молодежной политики.

Важной задачей для современного обустройства политико-правовой жизни страны, равно как и экономической, культурной, духовно-нравственной, становится выработка новых перспективных моделей, алгоритмов развития общества. Подвергаются качественному изменению ценности и приоритеты, обозначенные государством. На смену экономическим критериям успешности страны приходят новые условия, отражающие уровень вовлечения молодых и перспективных ребят в правовую и политическую жизнь страны. Современная эпоха требует новых подходов к государственной молодежной политике и дальнейшего ее совершенствования, так как она должна отвечать требованиям развития науки и техники, двигаться в унисон с ними. Стимулирование активности, поддержание инициатив, формирование заинтересованности в правовой и политической жизни государства у молодежи в настоящее время сопряжены со значительными трудностями. Ситуация крайне сложна и противоречива. Смена стандартов успешности в общественной жизни обусловила возникновение явления непричастности молодых граждан к жизни страны. Наблюдается несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социальная и политическая поляризация общества. Нельзя не считаться с отмечаемой в последнее десятилетие активацией усилий ряда государств, направленных на ослабление позиции России и навязывание своей социокультурной парадигмы.

В связи с этим первостепенное значение имеет не только разработка новой эффективной молодежной политики, но и сопряженная с ней защита национальных интересов России.

1. Конституция Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Сулейманова С. Р. Проблема соотношения федерального и регионального законодательства Российской Федерации в сфере государственной молодежной политики // Юрист. 2016. № 8. С. 31—36.

4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: курс лекций. М., 2000.

5. Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и жизнь. 2004. № 1. С. 28—30.

6. Большая советская энциклопедия. М., 1969—1978.

7. Рыбаков О. Ю. Правовая политика и защита прав личности // Современное право. 2004. № 10. С. 26—31.

8. Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 506-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации: приказ Минспорттуризма Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Семенов В. Е. Актуальные проблемы молодежной политики на Северном Кавказе // Общество и право. 2009. № 3. С. 271—274.

11. Певцова Е. А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. 2007. № 20. С. 23—24.

12. Кочетков А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010.

13. Сулейманова С. Р. Типологизация правовых моделей деятельности молодежных объединений мира посредством анализа их целей и задач // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 13—15.

© Редько А. А., Бойко Д. В., 2021

1. Constitution of the Russian Federation. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

2. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5090-1 on 3 June 1993. "On the main directions of state youth policy in the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

3. Suleimanova S. R. The problem of correlation of federal and regional legislation of the Russian Federation in the sphere of state youth policy. Jurist. 2016; 8: 31—36. (in Russian).

4. Matuzov N. I., Malko A. V. The theory of state and law: the course of lectures. Moscow; 2000. (in Russian).

5. Matuzov N. I., Malko A. V., Shundikov K. V. Legal policy of modern Russia: proposing a draft conception for discussion. Legal Policy and Legal Life. 2004; 1: 28—30. (in Russian).

6. Great Soviet Encyclopedia. Moscow; 1969—1978. (in Russian).

7. Rybakov O. Yu. Legal policy and protection of individual rights. Contemporary Law. 2004; 10: 26—31. (in Russian).

8. The Decree of the Government of the Russian Federation No. 506-r on 17 April 2012. "On the approval of the Conception of state youth policy in the regions of the Russian Federation which are part of the North Caucasian Federal District (valid until 2025)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

9. The Order of the Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation No. 72 on 23 December 2008. "On the approval of the Conception of development of personnel potential of youth policy in the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

10. Semenov V. E. Current problems of youth policy in the North Caucasus. Society and Law. 2009; 3: 271—274. (in Russian).

11. Pevtsova E. A. From the history of development of legislation on youth rights in Russia. History of State and Law. 2007; 20: 23—24. (in Russian).

12. Suleimanova S. R. The typologization of legal models of activity of youth associations of the world through the analysis of their goals and objectives. Constitutional and Municipal Law. 2019; 1: 13—15. (in Russian).

13. Kochetkov A. V. The theory of legal regulation of state youth policy in Russia. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2010: 13—15. (in Russian).

© Redko A. A., Boiko D. V., 2021

Редько Александр Александрович,
начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Бойко Дмитрий Валентинович,
заместитель начальника кафедры
огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Redko Alexander Alexandrovich,
head of the research department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Boiko Dmitry Valentinovich,
deputy head of the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 340.132
ББК 67.022.11

DOI 10.25724/VAMVD.SOPQ

Н. И. Сухова

**ОБХОД ЗАКОНА КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ:
ПОПЫТКА ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБОБЩЕНИЯ**

Предметом интереса автора статьи выступает одна из многих законодательных конструкций, отличающихся оценочностью и неопределенностью, отсутствием установленных критериев ее определения, порождающая споры и сомнения в среде ученых и некоторое боязливое отношение в среде правоприменителей. На основании диалектического, формально-юридического, системно-функционального подходов, синхронного и диахронного сравнительно-правового анализа автором предпринята попытка обобщить на уровне общей теории права материал об обходе закона и сформировать позицию, максимально соответствующую положению дел и тенденциям в сфере практической реализации правил об обходе закона. При написании статьи обращено внимание на использование разнообразных схем, которые можно отнести к действиям в обход закона, запутанность научных трактовок рассматриваемого явления, частый отказ в позиционировании обхода закона в качестве автономного неправомерного деяния со своими признаками, формами выражения, содержательными элементами. Теоретический и практический инструментарий позволил автору выразить скептическое отношение в полезности присутствия этой конструкции в действующем российском законодательстве.

Ключевые слова: действие закона, обход закона, неправомерные действия, противодействие осуществлению закона, меры защиты, юридическая ответственность, юридическая конструкция, правоприменительная практика.

N. I. Sukhova

**CIRCUMVENTION OF LAW AS A FORM OF COUNTERACTION
TO ITS IMPLEMENTATION:
AN ATTEMPT OF THEORETICAL AND LEGAL
GENERALIZATION**

The author devoted the article to a legislative construction, characterized by evaluativity and uncertainty, lack of established criteria of its definition, the construction generating doubts and disputes among scholars and a certain fearful attitude among law-enforcers. Using dialectical, formal-legal, system-functional approaches as well as synchronous and diachronic comparative-legal analysis the author made an attempt to summarize information on circumvention of law at the level of a general theory of law and to form a position that best corresponds to the current state of affairs and trends in the field of implementation of circumvention of law rules. Special attention is paid to the usage of a variety of schemes that can be considered as acts of circumvention of the law; to the intricacies of scientific interpretations of the phenomenon, to frequent refusal to position the circumvention of law as an autonomous unlawful act with its own features, forms of expression, substantive elements. Theoretical and practical tools allowed the author to express skepticism in usefulness of this construction in the current Russian legislation.

Key words: operation of law, circumvention of law, unlawful acts, counteraction to implementation of law, protective measures, legal liability, legal construction, law enforcement practice.

Одной из конструкций действий, оказывающих неконструктивное влияние на осуществление закона, его статус и место в правовой системе общества, на состояние всей правовой сферы, выражающей один из множества вариантов противодействия закону, выступает конструкция обхода закона. Кажущаяся простой на первый взгляд, она вызывает весьма неоднозначное отношение к себе как в юридической теории (вплоть до непризнания

ее полезности и разумности включения в категориальный аппарат права) [1, с. 192—195; 2], так и в практике, где она в условиях отсутствия четкого законодательного определения, границ и критериев воспринимается средством подавления ненужной для экономико-политической элиты конкуренции [3, с. 3—5]. В ситуации теоретической неопределенности и непризнанной полезности включения этой категории в нормативный массив, выразим

свое видение этого феномена с учетом и позитивного, и негативного отношения к нему в научной среде, а также на основе обращения к формирующейся практике его использования.

Проведя диахронный сравнительно-правовой анализ обхода закона и современное состояние правовой науки и практики, отметим, что наибольшее внимание этому феномену уделялось и уделяется в цивилистической науке, где ведутся споры о его природе и формулируются варианты теоретических конструкций, которых на сегодняшний день насчитывается порядка десяти [4]. В рамках науки гражданского права сформулированы и предложены основные признаки обхода закона как явления [5; 6].

Однако полагаем, что решить задачу получения объективных знаний путем обращения только к одной отрасли юридической науки и отрасли законодательства затруднительно; она требует междисциплинарного анализа и внимательного изучения практики.

По вопросу о распространенности понятия «обход закона» в российском законодательстве существует два противоположных мнения: одно выражает неустойчивость конструкции «обход закона» в законодательстве. Кроме того, не спешит использовать ее и практика [7, с. 74]; второе, напротив, декларирует широкое применение обхода закона почти во всех отраслях российского права, законодательства, а также в практике деятельности не только органов правосудия, но и других государственных органов [1, с. 47—51].

Естественно, ситуация «по-разному об одном и том же» рождает сомнения в каждом из представленных мнений, тормозит процесс обобщения материала и формулирования выводов, требует дополнительной проверки. Изучение эмпирической составляющей исследования обхода закона показало, что действующее российское законодательство, за исключением Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), не содержит установлений, норм или принципов, касающихся конструкции «обход закона», чего нельзя сказать о правоприменительной практике. В решениях судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Конституционного Суда Российской Федерации, в обзорах судебной практики «обход закона» — часто встречающееся понятие. Чаще всего оно используется в смысле ст. 10 ГК РФ [8] и реже — как некая теоретическая модель совершения действий, направленных на предотвращение действия закона на отношения, участниками которых являются субъекты обхода.

Выходит, ни у первого автора, ни у второго не получилось объективно и в полной мере представить картину с обходом закона в законодательстве и практике его применения. Первый ошибся в том, что в судебные органы редко в своей дея-

тельности используют понятие «обход закона». Оказалось, часто. Второй слишком широко обрисовал границы законодательного использования данного понятия. В законодательстве оно — явление крайне редкое.

С учетом сказанного провести междисциплинарный анализ и на уровне общей теории права обобщить данные о рассматриваемом явлении нелегко, как и определиться с его пониманием. Однако остается еще один путь решения поставленной выше задачи — анализ вариантов и схем обхода закона, квалификации действий в качестве обхода закона субъектами правоприменения, совместность использования обхода закона и других конструкций права. Это даст представление о разноаспектной оценке обхода закона наряду с другими явлениями, имеющими отношение к реализации нормативных положений, что впоследствии станет незаменимым подспорьем в формировании авторской позиции.

В отечественной юридической практике одной из самых богатых на примеры обхода закона выступает сфера налогообложения, где возникают и применяются самые различные схемы нейтрализации закона: от уменьшения налогооблагаемой базы до незаконного возмещения из федерального бюджета уплаченных налогов.

Например, сотрудник официально работает на предприятии, получает небольшую заработную плату и крупные выплаты с альтернативной формулировкой, не облагаемые единым социальным налогом (далее — ЕСН). Одним из вариантов описанной ситуации является выплата «черной заработной платы», когда большая часть заработной платы раздается в конвертах без свидетелей. Этот пример демонстрирует действия работодателя, избегающего исполнения обязанности уплаты налога, носит ярко выраженный криминальный характер. Работник, согласившись с такой формой заработной платы, соглашается на будущее умаление своих прав, в частности на пенсионное обеспечение, на кредитование. В данном случае есть не что иное как противодействие осуществлению императивных положений закона, а также противодействие будущей реализации прав граждан.

Создание условий для осуществления компенсационных выплат — вариант обхода налогового закона, например путем направления работника в командировку и выплаты суточных. Компенсации — денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) и другими федеральными законами (ст. 164 ТК РФ [9]). Поскольку суточные являются компенсацией, то обложению ЕСН они не подлежат.

Удобными формами противодействия осуществлению закона путем его обхода выступают компенсации, выплачиваемые работникам, которые учатся, чтобы повысить профессиональный уровень; выплата компенсации за задержку заработной платы, предусмотренная ТК РФ, и др.

Еще пример. Директор одного из закрытых акционерных обществ (ЗАО) три года подряд приобретал лес у физических лиц и индивидуальных предпринимателей за наличный расчет, не отражая указанные сделки в бухгалтерской отчетности. Это лишало компанию возможности реализации права, предусмотренного ст. 171, 172 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) [10], т. е. возмещать суммы НДС из бюджета Российской Федерации. Для восполнения этих упущенных возможностей директор заключил несколько фиктивных договоров поставки леса с подставными юридическими лицами, через расчетные счета которых перечисленные от ЗАО средства проходили транзитом и обналичивались. Так было организовано внесение в регистры бухгалтерского и налогового учета сведений о сделках, при которых у ЗАО возникло право применить ставку по НДС в размере 0 % и в порядке ст. 171, 172 НК РФ заявить к возмещению из государственного бюджета суммы НДС, якобы уплаченные поставщикам лесопродукции и перевозчикам, около 2 млн руб.

Встречаются случаи, когда органы Федеральной налоговой службы (ФНС) прибегают к обходу закона при формировании доказательственной базы недобросовестности налогоплательщика. Схема довольно проста и рассчитана, скорее, на невнимательность субъекта налогообложения и на непродолжение истории с ним в судебных органах. Речь идет об использовании процедуры участия специалиста в проведении налоговых проверок (ст. 96 НК РФ) вместо процедуры назначения экспертизы (ст. 95 НК РФ). Часто, о чем свидетельствует судебная практика [11; 12; 13], налоговые органы привлекают специалиста в ходе проведения проверок, просят составить заключение, заменяют им заключение эксперта с последующим включением его в материалы налоговой проверки и в число полученных в ходе нее доказательств.

Примером обхода закона может выступать изменение подсудности путем ряда манипуляций, разрешенных процессуальным законодательством, по-разному квалифицируемых на практике (один суд признает обходом закона и применяет соответствующие меры, другой — не усматривает в действиях заинтересованных лиц факта обхода закона) [14; 15]. Суть приведенного примера состоит в заключении дополнительного соглашения, наличие которого и позволяет изменить неудобную подсудность дела. Так, по договору поставки, с условием о 50 %-й предоплате, а 50 % — через

10 дней после приемки предмета договора, поставщик поставил товар, но оставшиеся 50 % цены товара так и не получил. Иск должен подаваться по месту нахождения ответчика. Однако если ответчиков по обязательству два, то по месту нахождения одного из них. Истец пользуется правом заключить договор поручительства. Так в деле появляется второй ответчик, находящийся в месте удобной подсудности. Согласно разъяснениям Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ) [16] заключение договора поручительства после наступления срока исполнения основного обязательства, не исполненного должником, не является основанием для признания такого договора недействительной сделкой, так как закон не содержит запрета на установление обеспечения по просроченному обязательству (п. 3). Договор поручительства может быть заключен без согласия или уведомления должника; названное обстоятельство не влияет на действительность договора поручительства (п. 5).

В связи с расширением областей применения автоматизированных систем управления технологическими процессами (Robotic Process Automation) и увеличением предоставляемых ими возможностей распространенным в последнее время стало использование роботов при организации и проведении торгов. Усилиями антимонопольных органов выявлена проблема картелизации торгов путем использования аукционных роботов с целью реализации сговоров на торгах. Роботы, являясь информационно-технологическими программными средствами, располагают богатейшим функционалом, который позволяет участникам торгов запрограммировать их определенным образом в зависимости от желаемых результатов. Например, на автоматическую подачу ценовых предложений на аукционе от имени участника аукциона до заданного предела ценового предложения, что ведет к поддержанию определенного уровня цены на торгах, являющегося антиконкурентным поведением [17]. Несомненно, «виновного» робота привлечь к ответственности нельзя, поскольку он не является субъектом права и правоотношений. Федеральная антимонопольная служба склонна считать указанную ситуацию обходом закона антимонопольного законодательства [18].

В сфере осуществления государственных и муниципальных закупок частой является схема выполнения работ, в том числе дополнительных, без заключения контракта и соблюдения процедур предварительного определения подрядчика. Такую форму хозяйственной деятельности и поведения участников названных правоотношений судебные органы толкуют как обход закона.

В соответствии со ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [19] ряд следственных действий должен быть

произведен только по постановлению судьи. Речь идет о производстве осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложении ареста на имущество. Однако этой же статьей предусмотрены случаи, допускающие производство указанных следственных действий на основании постановления следователя без получения судебного решения. Эти случаи поименованы как не терпящие отлагательства. Искключительное указание закона на практике не носит такого характера, следственные действия часто проводятся без судебного решения и обосновываются именно характером ситуации.

Приведенные примеры схем обхода закона многочисленны и разнообразны, разрабатываются и применяются практически во всех сферах правового регулирования, отражают скепсис в отношении закона, одобряют умения и навыки его обойти, подтверждают факт постоянного сосуществования действия закона и противодействия его осуществлению со всеми вытекающими из него диалектическими взаимодействиями. Поэтому рассмотренные ситуации обхода закона ценны для данного исследования в связи с подтверждением ранее высказанных нами гипотез. Кроме того, совместно с результатами анализа юридической практики они способствуют формированию отношения к феномену обхода закона, его полезности / бессмысленности закрепления в действующем законодательстве. Основными пунктами авторской позиции являются следующие.

1. Конструкция обхода закона закреплена в действующем законодательстве явно неудачно, что становится причиной научной, практической путаницы, не способствующей формированию объективного взгляда на явление и его оценки. Она размыта, носит неоднозначный характер, потому и связана с трудностями академического и практического определения. Наиболее удачная с технической стороны формулировка содержалась в ст. 1231 «Последствия обхода закона» проекта части третьей ГК РФ: «Недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых настоящим Кодексом, направленные на то, чтобы в обход правил настоящего раздела о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом», однако в действующей редакции ГК РФ ее нет [20].

Думается, невозможность законодательного закрепления критериев, пределов, содержания обхода закона имеет под собой причины, не позволившие в свое время римлянам, а в настоящее время немецким правоведам сделать это. По нашему мнению, верна мысль о зыбкой и неуловимой грани между запретом обхода закона и нарушением

принципов автономии воли сторон, свободы договора, свободы предпринимательской деятельности и т. д. [6].

Кроме того, неопределенность явно проявляет себя в отношении разграничения действий в обход закона и злоупотребления правом. Это становится причиной того, что в научной литературе часто без должной продуманности и недостаточной аргументации два этих феномена отождествляются, определяются одно через другое [21], одно позиционируется формой выражения другого и т. д. Конечно, такую исследовательскую неопределенность провоцирует содержание п. 3. ст. 10 ГК РФ. Полагать, что вся семиотическая и семантическая составляющая законодательных актов выверена, не стоит. В то же время, например, ст. 10 ГК РФ критически оценивается только с точки зрения излишней оценочности и не более. Меж тем обход закона и злоупотребление правом — явления хоть оба расположившиеся в периферийных рядах теорий правоотношения, юридической ответственности, правоотношения [22, с. 10], призванные организовать выстраивание правоотношений на принципах права, все же не находятся в описываемых публикациями связях. Попыток установления разницы между обходом закона и злоупотреблением правом сделано недостаточно.

В иностранной литературе вполне корректно определены критерии разграничения обхода закона и злоупотребления правом: злоупотребление правом выражается в выходе за рамки его действительного содержания и смысла, а также вопреки его функциональной цели. При обходе закона имеет место претензия на обоснование полностью действующего права, когда посредством частных усилий создаются правоустанавливающие факты. Но с точки зрения правопорядка это обоснование является искусственной конструкцией, и эти факты не могут иметь последствий, которыми их должна была бы наделить предписанная норма права. Таким образом, правопорядку противоречит не осуществление субъективного права, а способ его оформления [23, с. 742].

Слабость законодательной конструкции проявляется и в формулировке запрета обхода закона с противоправной целью, которая сразу же вызывает несколько вопросов.

Первый из них — об обходе закона с правомерной целью — логически следует из варианта законодательного словосочетания. Если законодатель специально оговаривает, что запрещается обход закона с противоправной целью, то возникает мысль о разрешении обхода закона в иных, правомерных целях. Конечно, это выглядит несколько комично даже в обыденном понимании, в котором обход закона всегда несет негативную с точки зрения общих интересов нагрузку, хотя умения обходить закон оцениваются положительно в народной среде.

Появление в законодательстве указания на противоправность цели повлекло исследования этого признака обхода закона. Цель противоправна, если она выражается в нарушении основополагающих принципов права, в посягательстве на публичные интересы, в противопоставлении принципу добросовестности. Однако наряду с объяснением противоправной цели при совершении действий в обход закона делаются попытки рассмотреть правомерный обход закона [24], что не может не вызвать удивления. Кроме того, П. А. Кабанов сетует на отсутствие исследований правомерного обхода закона, в частности в сфере реализации антикоррупционного законодательства. Сложно представить последствия правомерного обхода закона в деле борьбы с коррупционными проявлениями — и без того очень несовершенной сфере правового регулирования.

Второй вопрос кроется в существе понимания всякого противоправного. В науке о праве общепринято считать, что противоправность — одно из основных свойств правонарушения. Значит, и обход закона с противоправной целью — разновидность правонарушения. Однако исследователи, предлагающие концептуально-целостный взгляд на рассматриваемое явление, утверждают, что оно — не правонарушение, не связано с нарушением конкретной нормы, а потому не вызывает последствий, как правонарушение [21, с. 5]. Это следует и из содержания нормы ст. 10 ГК РФ, в соответствии с п. 2 которой органы правосудия с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывают лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяют иные меры, предусмотренные законом. А поскольку п. 3 этой же статьи привязывает злоупотребление правом к обходу закона, то и обход закона влечет применение тех же мер.

Судебная практика также не признает обход закона в качестве правонарушения; к фактам пришествия обхода закона в ходе исполнения обязательств суды применяют меры защиты [25; 26; 27].

Вывод: если обход закона представляет собой запретительную конструкцию, то любые действия в обход закона должны признаваться неправомерными, что исключит кривотолки по поводу противоправности / правомерности целей этого явления и его характера. Неправомерность обхода закона объясняет применение мер юридической защиты. Обход закона — не злоупотребление правом и наоборот.

2. Обход закона, как разновидность неправомерного поведения, характеризуется объективной и субъективной стороной. Объективная сторона обхода закона выражается в совершении активных действий. Кстати говоря, для законодателя и тех, кто позиционирует злоупотребление правом формой обхода закона, полезно отметить, что зло-

употребление правом может иметь место и в случае пассивного поведения управомоченного субъекта. При обходе закона поведение выражается в активной форме, а субъектом соответствующих действий выступает не только носитель субъективного права, но и обязанная сторона правоотношения.

Субъективная сторона неправомерного деяния, называемого обходом закона, раскрывается через желание субъекта правоотношения преодолеть требования, положения закона, создать для себя максимально выгодные условия развития отношений по сравнению с другими их участниками. Объектом такого преодоления при этом выступают императивные нормы права, не предполагающие выбор поведения, а потому при определенных условиях становятся «тяжелыми» для участников правоотношений. Тогда и возникает умысел на то, чтобы преодолеть, нивелировать, нейтрализовать императивное требование закона путем совершения действия или цепочки действий.

Доктрина и практика регулирования отношений в сфере международного частного права, где обход закона более привычен, подтверждают, что именно императивные требования о применяемом порядке подлежат обходу в целях создания условий применения правопорядка, предоставляющего преимущества. Как раз императивный характер правового предписания подчеркивался в упомянутом проекте части третьей ГК РФ, где обход имел место в отношении норм о подлежащем применению праве.

Обращение к российской судебной практике показало, что органы правосудия нередко прибегают к использованию в составляемых ими правоприменительных актах понятия «обход закона». В них усматривается, что обход закона возможен только путем совершения активных действий, направленных на преодоление либо положений закона, либо предписаний подлежащих исполнению судебных актов [28; 29]. Вместе с тем и положения нормативного акта, и, конечно же, предписания решения по делу имеют обязательный, не допускающий вариантов поведения характер.

Выбор поведения в рамках диспозитивного регулирования может вызвать злоупотребление правом, но не может квалифицироваться как обход закона. Поэтому, полагаем, каждый случай создания императивной нормы должен сопровождаться прогнозированием риска противодействия ее реализации.

Вывод: обход закона возможен только в активной форме, что отличает его от других конструкций противодействия осуществлению закона, с умыслом на достижение желаемой цели, выражающейся в получении преимуществ путем исключения регулирующего воздействия императивной нормы на конкретное правоотношение, а также предписания судебного акта, вынесенного для регулиро-

вания конкретной ситуации. Можно ли считать обход судебного решения, подлежащего исполнению, обходом закона? Представляется, что да, но с учетом сказанного ниже.

3. Статутифицированный в активной форме обход закона представляет собой явление, которое находит свое место среди юридических фактов. Считаем верной точку зрения, согласно которой обход закона позиционируется в таком качестве [30, с. 45; 31, с. 6]. Исходя из этого, обход закона подлежит доказыванию как любое обстоятельство, имеющее значение по делу, влияющее на квалификацию и правовые последствия. Обход закона выражается в поведении участников правоотношения, направленного на изменение и возникновение юридического состава, отраженного в гипотезе желаемой для применения нормы.

Оценка и квалификация преднамеренного обхода закона, если это явление автономно, должны сопровождаться установлением ряда условий (назовем его предметом доказывания): а) правовых предписаний, регламентирующих отношения между субъектами, которым вменяется обход закона. Предписания, в отношении которых стороны совершают действия в их обход, при этом характеризуются императивным характером; б) намерения названных субъектов избежать применения этих предписаний; в) факт совершения субъектами не запрещенных законом действий, изменяющих фактическую сторону (в смысле юридических фактов) сложившихся между ними отношений, что и позволило изменить их правовую регламентацию; г) получение заинтересованными субъектами преимуществ вследствие изменения фактической стороны правоотношения; д) установление причинно-следственной связи между действиями в обход закона и результатом в виде получения преимуществ по сравнению с другими участниками соответствующего рода правоотношений.

Как видно, предмет доказывания при утверждении наличия обхода закона сложен и сложен, но практически никогда, как показывает судебная практика, его стройность не выдерживается. В различных судебных актах, подвергшихся анализу при написании статьи, в мотивировочной части не уделяется внимание всем выделенным нами элементам, подлежащим установлению, в лучшем случае расписывается содержание действий, направленных на обход закона. И вот что привлекло внимание: суды в условиях законодательной неопределенности обхода закона, отсутствия его законодательных критериев, отношения к нему в качестве автономного, например, от мнимых и притворных сделок явления не делают самостоятельных, внушительных и вразумительных обоснований обхода закона в конкретном случае. Действия, квалифицируемые ими как направленные на обход закона, отождествляются с фиктив-

ными, притворными сделками. Суды не раскрывают логического пути формулирования и понимания обхода закона в конкретной ситуации, не указывают признаки действий субъектов правоотношений, указывающих на наличие в квалифицируемой ситуации обхода закона, т. е. не наполняют конкретным содержанием это оценочное понятие. Обычно акты судов имеют весьма размытые формулировки об обходе с противоправной целью, обремененном совершением указанных видов дефектных сделок.

Отмеченная особенность судебной практики в аспекте рассматриваемого вопроса дает возможность согласиться с выводом, сделанным в упоминавшейся работе представителя цивилистической науки В. Л. Вульфсона. Он отметил, что для того, чтобы согласиться с существованием самостоятельной научной теорией обхода закона, необходимо, чтобы она представила для изучения явления, не сводимые к фиктивным и притворным сделкам. Пока же есть только доказательства, что обход закона и есть суть фиктивные сделки [31, с. 7]. И судебная практика подспудно этот вывод подтверждает. Так, согласно п. 8 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 68 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ)» [32], а также ст. 169 ГК РФ.

В рамках нашего третьего замечания об обходе закона следует обратить внимание на то, что совершая действия, направленные на создание условий применения желаемой нормы права, участники общественных отношений, естественно, пользуются правами и реализуют их. В связи с этим возникает необходимость разграничения обхода закона и злоупотребления правом. Сделать это, по нашему мнению, объективно не так просто, отчасти по причинам, описанным выше. Однако есть основания предположить, что связь названных явлений состоит в том, что злоупотребление правом выступает здесь способом, средством обхода закона. Понимая обход закона как абстрактную оценочную форму поведения, мы смеем утверждать, что злоупотребление правом есть элемент содержания поведения в обход закона.

Вывод: в правовой практике обход закона представляет собой поведение сторон правоотношения, выраженное в совершении ими не запрещенных законом действий, направленных на изменение и возникновение юридического состава, отраженного в гипотезе желаемой для применения нормы.

Обход закона, будучи сложным юридическим составом, детерминирует необходимость доказывания ряда имеющих значение для дела обстоятельств. Однако, как показывает судебная практика, закрепленное в формате оценочного понятие «обход закона» не наполняется конкретным содержанием применительно к рассматриваемой ситуации, а используется в качестве дополнительного когнитивно-убеждающего приема констатации совершения фиктивных сделок. Автономное значение обхода закона практика не развила и не подтвердила. В этом ключе можно утверждать о связи обхода закона и злоупотребления правом, когда последнее вполне может позиционироваться как элемент совокупности действий, направленных на обход действия невыгодной, создающей неудобные условия развития отношений нормы права. Изменить фактический состав правоотношения возможно только используя субъективное право, с нарушением пределов реализации которого связывается феномен злоупотребления правом.

4. Изложенная в этом пункте идея является продолжением предыдущего рассуждения и состоит в поддержании позиции о ненужности и неоправданности включения в действующее законодательство конструкции обхода закона. Ни сам закон, ни практика его применения не предлагают понятных критериев квалификации действий участников правоотношений как совершенных в обход закона. В связи с этим становится понятной логика иностранного правотворца, отказавшегося от формального закрепления рассматриваемой конструкции. Она действительно хороша в пределах толкования права. И даже когда исследователи пытаются аргументировать самостоятельное значение обхода закона, все же высказывают несколько предостережений, указывающих на внимательное отношение к соблюдению свободы, например, договора, и на приоритетную сферу использования обхода закона — толкование.

В начале статьи мы упоминали мнение об использовании конструкции «обход закона» для предотвращения здоровой конкуренции и ограничения допуска к определенной сфере отношений неугодных субъектов, что само по себе не должно упускаться из внимания при исследовании обхода закона. Однако помимо этого есть еще одно немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство, заставляющее с большой осторожностью продолжать

настаивать на необходимости присутствия конструкции обхода закона в действующем законодательстве. Речь идет об обходе закона в правомерных и по форме и по содержанию действиях участников отношений, которые используют недостатки права или его пробельность для создания для себя условий максимально удобной реализации своих прав и эффективной защиты своих интересов. В то же время мы выступаем против того, чтобы выделять для характеристики таких действий «позитивный обход закона, путем которого предпринимается попытка обхода нормы, которая вследствие своей дискриминационности не обладает качеством правовой, а также архаичной и не отвечающей потребностям современной жизни правовой нормы» [33, с. 55]. Такие рассуждения могут приводить к оправданию любых целесообразных, но незаконных самих по себе действий. В отношении явлений правовой действительности нужно высказывать определенную позицию: либо они правомерны, либо противоправны. Обход закона, как бы это понятие ни использовалось, в когнитивном или нормативном аспекте, имеет негативную с точки зрения права оценку, а потому идея о положительном обходе закона лишь усложнит и без того сложную ситуацию вокруг этого феномена.

С учетом изложенного выше, основываясь на результатах анализа практического применения законодательной конструкции «обход закона», изучении аргументов сторонников и противников ее присутствия в законе, наша позиция на данный момент — пополнение в ряду противников обхода закона. Представляется, что неразвитость и практическая невостребованность этого явления в римской юриспруденции, редкость использования в действующем законодательстве большинства современных стран, размытость законодательной дефиниции или ее отсутствие, противоречивость судебной практики, запутанность научных трактовок этого явления не делают его эффективным средством создания условий реализации закона, установления законности и справедливости. Наоборот. Закрепляя его как один из путей противодействия осуществлению закона, ни правотворческие органы, ни правоприменители не застрахованы от того, чтобы самим стать противодействующими закону субъектами.

1. Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 271 с.

2. Лазарев В. Можно ли закон обойти? // Новая адвокатская газета. 2011. № 6. С. 4—5.

1. Muranov A. I. The problem of "circumvention of law" in substantive law and conflict of laws: Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1999: 271. (in Russian).

2. Lazarev V. Can a law be circumvented? New Attorneys' Newspaper. 2011; 6: 4—5. (in Russian).

3. Камышанский В. П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 101 (07). С. 1—9.

4. Волков А. В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 67—81.

5. Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 87—115.

6. Подшивалов Т. П. Обход закона в международном частном праве // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 145—153.

7. Мордасов Е. В. Квалификация действий как совершенных в обход закона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. С. 73—78.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 50 (ч. 1). Ст. 8072.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.12.2020.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // СЗ РФ. 2002. № 32. Ст. 3340; 2020. № 48. Ст. 7627.

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью ТПО «Татгидромаш» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 11 пункта 1 статьи 31 и статьей 96 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 1749-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС СЗО от 29 октября 2009 г. по делу № А56-58081/2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление ФАС Поволжского округа от 18 сентября 2008 г. по делу № А57-4045/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление 11ААС от 29 октября 2012 г. по делу № А65-17489/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Постановление 16ААС от 17 декабря 2013 г. по делу № А63-7896/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42.

3. Kamyshansky V. P. The category of "circumvention of law" in the Russian civil law. Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. 2014; 07 (101): 1—9. (in Russian).

4. Volkov A. V. The "circumvention of law" concept in civil law doctrine and practice. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013; 1: 67—81. (in Russian).

5. Podshivalov T. P. Prohibition of circumvention of law in the Russian civil legislation and judicial practice. Bulletin of Civil Law. 2015; 15; 2: 87—115. (in Russian).

6. Podshivalov T. P. Circumvention of law in international private law. Journal of Russian Law. 2016; 8: 145—153. (in Russian).

7. Mordasov E. V. Qualification of activities as committed in circumvention of law. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2012; 3-2: 73—78. (in Russian).

8. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ on 30 November 1994 (ed. of 08.12.2020). Lawbook of Russian Federation. 1994; No. 32; Art. 3301; 2020; No. 50 (part 1); Art. 8072. (in Russian).

9. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ on 30 December 2001 (ed. of 29.12.2020). Lawbook of Russian Federation. 2002; No. 1 (part 1); Art. 3; Official Website of legal information: <http://pravo.gov.ru> (29.12.2020). (in Russian).

10. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ on 5 August 2000 (ed. of 23.11.2020). Lawbook of Russian Federation. 2002; No. 32; Art. 3340; 2020; No. 48; Art. 7627. (in Russian).

11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1749-O on 29 September 2016. "On refusal to accept for consideration the complaint of limited liability company TPO "Tatgidromash" against violation of constitutional rights and freedoms by subsection 11 of section 1 of article 31 and article 96 of the Tax Code of the Russian Federation". Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

12. Resolution of Federal Antitrust Agency of North West district on case No. A56-58081/2008 on 29 October 2009. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

13. Resolution of Federal Antitrust Agency of Povolzhskiy district on the case No. A57-4045/08 on 18 September 2008. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

14. Resolution of the 11 Arbitral Court of Appeal in case No. A65-17489/2012 on 29 October 2012. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

15. Decision 16 Arbitrazhnyi Court of Appeal in case No. A63-7896/2013 on 17 December 2013. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

16. Resolution of the Plenum of the Highest Arbitrazhnyi Court of Russian Federation No. 42 on 12 July

Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

17. Картели: итоги работы ФАС России за 2017 год и планы на 2018 год: [интернет-интервью с А. П. Тенишевым, начальником Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Решение Комиссии ФАС России по рассмотрению дела № 1-11-166/00-22-17 от 27 апреля 2018 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ats-30960-18> (дата обращения: 12.01.2021).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Рос. газ. 2020. 11 дек.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2019. № 12. Ст. 1224.

21. Сурков Е. Д. Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

22. Баранов В. М. Обход закона: сущность и проблемы взаимодействия // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23—24 мая 2019 г.). Н. Новгород, 2019. С. 8—34.

23. Справочник Европейского частного права. 2009. Т. 1. 824 с.

24. Кабанов П. А. Злоупотребление правом в форме правомерного обхода закона при реализации государственной политики противодействия коррупции // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23—24 мая 2019 г.). Н. Новгород, 2019. С. 202—208.

25. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 07.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

26. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

2012. "On some issues of dispute resolution related to the surety". Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

17. Cartels: results of work of Federal Antitrust Agency of Russia for 2017 and agenda for 2018. Internet-interview with A. P. Tishchev, the head of the Department on struggle against cartels of the Federal Antimonopoly Agency of the Russian Federation. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

18. Decision of the Commission of the Federal Antimonopoly Agency of Russia on consideration of case No. 1-11-166/00-22-17 on 27 April 2018. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ats-30960-18/>. Accessed: 12 January 2021. (in Russian).

19. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ on 18 December 2001 (ed. of 08.12.2020). Lawbook of Russian Federation. 2001; No. 52 (part 1); Art. 4921; Ros. Gazeta. 2020. December 11. (in Russian).

20. Civil Code of the Russian Federation (part three) No. 146-FZ on 26 November 2001 (ed. of 18.03.2019). Lawbook of Russian Federation. 2001; No. 49; Art. 4552; 2019; No. 12; Art. 1224. (in Russian).

21. Surkov E. D. Problems of legal qualification of transactions and other activities performed in circumvention of law: Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2009; 27. (in Russian).

22. Baranov V. M. Circumvention of law: essence and problems of interaction. In: Combating law abuse: theory, practice, technique. Collection of International scientific conference papers (Nizhny Novgorod, May 23—24, 2019). Nizhny Novgorod; 2019: 8—34. (in Russian).

23. Handbook of European Private Law. 2009; Vol. 1: 824. (in Russian).

24. Kabanov P. A. Abuse of law by lawful circumvention of law within the state anti-corruption policy implementation. In: Counteraction to abuse of law: theory, practice, technique. Collection of International scientific conference papers. (Nizhny Novgorod, May 23—24, 2019). Nizhny Novgorod; 2019: 202—208. (in Russian).

25. Order of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 on 24 March 2016. "On the application by the courts of some provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations" (ed. of 07.02.2017). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016; 5. (in Russian).

26. Order of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 on 22 November 2016. "On some issues of application of general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations and their execution". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017; 1. (in Russian).

27. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

28. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2019 г. № 305-ЭС19-14833 по делу № А41-76628/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2019 г. № 307-ЭС19-22520 по делу № А56-54176/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Суворов Е. Д. Действия в обход закона: правовая квалификация и последствия // Закон. 2013. № 9. С. 44—49.

31. Вульфсон В. Л. О притворности, мнимости, лжеатрибуции: «обход закона» как когнитивная деформация фиктивных сделок // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 14. № 1. С. 4—22.

32. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

33. Цыреторов А. И. Обход закона как явление правовой действительности // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 54—57.

© Сухова Н. И., 2021

Сухова Надежда Ивановна,

доцент кафедры теории права и государства Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Sukhova777@yandex.ru

27. Order of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 on 14 March 2014. "On freedom of contract and its limits". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014; 5. (in Russian).

28. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES19-14833 on 1 October 2019 on case No. A41-76628/2018. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

29. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES19-22520 on 9 December 2019 in case No. A56-54176/2018. Available from reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

30. Suvorov E. D. Acting in circumvention of law: legal qualification and consequences. Law. 2013; 9: 44—49. (in Russian).

31. Wolfson V. L. On bogusness, ostensibility, and pseudo-attribution: "circumvention of law" as a cognitive deformation of fictitious transactions. Bulletin of Saint Petersburg University. 2015; Ser. 14; 1: 4—22. (in Russian).

32. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 on 23 June 2015. "On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part I of the Civil Code of the Russian Federation". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015; 8. (in Russian).

33. Tsyretorov A. I. Circumvention of law as a phenomenon of legal reality. Russian Justice. 2018; 8: 54—57. (in Russian).

© Sukhova N. I., 2021

Sukhova Nadezhda Ivanovna,

associate professor at the department of theory of state and law of Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Sukhova777@yandex.ru

* * *

О. С. Гузеева**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ И ОГРАНИЧЕНИЕ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ**

Тесная связь широко распространенных в уголовно-правовой доктрине понятий «уголовно-правовой запрет» и «ограничение прав человека» является на первый взгляд столь очевидной и понятной, что не требует специального внимания. Однако при ближайшем рассмотрении сквозь призму конституционных принципов регулирования правового статуса человека она демонстрирует целый ряд таких содержательных аспектов, которые еще не были предметом самостоятельного анализа в науке и потому настоятельно требуют отдельного исследования, открывая новые перспективы для развития теории уголовного права.

Предваряя содержательный анализ поставленной проблемы, отметим, что его объем и основные направления закономерно зависят от понимания исходных понятий темы — «уголовно-правовой запрет» и «права человека». Несмотря на то что они активно используются в уголовно-правовых и конституционно-правовых сочинениях, единого, универсального толкования их не существует. Не имея целью провести полноценное исследование данных понятий и выраженных ими социально-правовых явлений, полагаем достаточным обратить внимание лишь на некоторые значимые для продолжения нашей работы подходы к толкованию уголовно-правового запрета и прав человека.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, ограничение прав и свобод человека, санкция уголовно-правовой нормы, субъект уголовно-правовых отношений.

О. S. Guzeeva**CRIMINAL PROHIBITION AND RESTRICTION
OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS:
PROBLEMS OF CORRELATION**

The close connection between the concepts of "criminal law prohibition" and "restriction of human rights" widespread in the criminal law doctrine is, at first glance, so obvious and understandable that it does not require special attention. However, upon closer examination through the prism of constitutional principles of regulating the legal status of a person, it demonstrates a number of such substantive aspects that have not yet been the subject of independent analysis in science and therefore urgently require a separate study, opening new perspectives for the development of the theory of criminal law.

Anticipating a meaningful analysis of the problem posed, it should be noted that its scope and main directions naturally depend on the understanding of the initial concepts of the topic — "criminal law prohibition" and "human rights". Despite the fact that they are actively used in criminal-legal and constitutional-legal writings, there is no single universal interpretation of them. Not aiming to conduct a full-fledged study of these concepts and the socio-legal phenomena expressed by them, we believe it is sufficient to pay attention only to some, significant for the continuation of our work, approaches to the interpretation of criminal law prohibition and human rights.

Key words: criminal law prohibition, restriction of human rights and freedoms, sanction of criminal law norm, subject of criminal law relations.

Уголовно-правовой запрет в отечественной науке трактуется:

а) в контексте рассуждений о механизме правового регулирования, где он позиционируется либо как метод регулирования собственно уголовно-правовых отношений [1, с. 13], либо шире — как уголовно-правовой метод регулирования всех общественных отношений [2, с. 33—37];

б) в контексте содержания уголовного закона, где он ассоциируется либо с диспозитивной ча-

стью уголовно-правовых норм [3, с. 111—117], либо с уголовно-правовой нормой в целом [4, с. 136—138].

Что касается понятия «права человека», то наиболее значимая для нас дискуссия в его толковании состоит в допустимости двух концептуальных вариантов их действия — «вертикального» и «горизонтального». В первом случае утверждается, что концепция прав человека может быть применима исключительно для характеристики

взаимоотношений государства и личности [5]; во втором случае предполагается, что такая концепция не может быть ограничена лишь властными отношениями и применима в качестве основы для определения взаимоотношений всех субъектов гражданского общества и частных лиц, в том числе при отсутствии между ними отношений власти и подчинения [6, с. 12].

Должно быть очевидным, что опираясь на различные концептуальные подходы к толкованию уголовно-правового запрета и прав человека, можно «выстроить» различающиеся системы их взаимной связи и аргументировать различающиеся теоретические построения. Вместе с тем наиболее существенными для развития уголовно-правовой доктрины в любом случае выступают рассуждения по следующим проблемам:

— если права человека имеют лишь «вертикальное» действие, то концепт «ограничение прав человека» применим для характеристики исключительно действий государства по конструированию уголовно-правового запрета;

— однако если уголовно-правовой запрет выражен только в диспозиции уголовно-правовой нормы, то ограничение прав человека справедливо рассматривать лишь в качестве запретительного метода регулирования существующих в обществе отношений;

— если же уголовно-правовой запрет выражен также и в санкции уголовно-правовой нормы, то концепция ограничения прав человека может быть основой для конструирования метода регулирования собственно уголовно-правовых отношений;

— если установление уголовно-правового запрета рассматривать с точки зрения учения об ограничении прав человека, то для оценки действий государства в рассматриваемой практике допустимо использовать при необходимости концепт «нарушение прав человека»;

— если права человека имеют и «горизонтальное» действие, то проблема их ограничения и нарушения должна обсуждаться не только при характеристике закона, но и при описании преступления, причем в двух аспектах: преступление как нарушение прав человека и конструирование состава преступления как ограничение прав человека.

Весь этот комплекс теоретических и правовых проблем следует рассматривать в качестве значимого компонента концепции конституционализации уголовного права, поскольку он детализирует и конкретизирует «точки соприкосновения» двух базовых доктрин — доктрины уголовно-правового запрета в уголовно-правовой науке и доктрины прав человека и их ограничения в конституционно-правовой науке.

Связь уголовно-правового запрета и ограничения прав человека в структурном отношении вполне отчетливо распадается на три компо-

нента, которые в методическом плане должны быть проанализированы отдельно, но содержательно лишь в своей совокупности позволяют составить целостное представление о сути данной связи. Такими компонентами выступают: а) оценка преступления и уголовно-правового запрета с точки зрения нарушения прав человека; б) оценка диспозиции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав человека как субъекта охраняемых уголовным законом отношений; в) оценка санкции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав субъекта уголовно-правового отношения.

Преступление как нарушение прав человека

Вопрос о том, можно ли рассматривать преступление как нарушение прав человека, является дискуссионным. Заметим, что, пожалуй, впервые он был поднят не в уголовно-правовой, а в криминологической литературе. С развернутым обоснованием тезиса о том, что преступность есть форма массового нарушения прав человека, выступил В. В. Лунеев [7, с. 216—242]. Это положение было развито Е. Н. Рахмановой, которая указала, что не только разворачивающиеся в рамках «вертикальных» отношений между государством и личностью деяния, такие как преступления против мира и безопасности и криминальные злоупотребления властью со стороны представителей государства, должны расцениваться в качестве нарушения прав человека, но и все иные, в том числе и «общеуголовные преступления» [8, с. 24—25].

При всей привлекательности такого подхода и его безусловной значимости для решения задач криминологической оценки преступности и разработке мер ее предупреждения, стоит заметить, что для целей уголовно-правового регулирования и совершенствования уголовно-правовой теории он нуждается в существенной корректировке. Дело в том, что если любое преступное посягательство рассматривать изначально как нарушение прав человека, то оценка деятельности государства по формулированию уголовно-правовых норм приобретает несвойственный ей ракурс. В частности, мы вынуждены будем признать, во-первых, что конструирование именно уголовно-правового запрета на нарушение прав человека со стороны «частных» лиц является безусловной обязанностью государства, неисполнение которой со стороны государства само по себе есть нарушение прав человека; и во-вторых, что диспозитивная часть уголовно-правового запрета в качестве реакции на нарушение прав человека не подлежит конституционной проверке на предмет соответствия самого этого запрета правам и свободам личности. Однако такие излишне категоричные рассуждения будут неправильными.

Исходная ошибка криминологов, по нашему убеждению, кроется в том, что они по большому

счету не разграничивают понятий «основные права человека» и так называемые отраслевые права. Первые относятся к области конституционного права, составляя ядро и сущность правового статуса личности, характеризую институциональный статус человека, основанный на его природе. Отраслевые права являют лишь конкретизацию конституционных прав, причем во многом заданную праворегламентирующей деятельностью государства. Важно напомнить при этом, что основные права и свободы человека не должны пониматься исключительно как зафиксированные в Конституции Российской Федерации (Конституция РФ). Согласно ч. 1 ст. 55 Конституции РФ «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» [9].

Различение «основных» и «отраслевых» прав принципиально значимо в контексте понимания преступления. Повод для такого утверждения дает широко известная практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в части разработки им понятия «уголовно-правовая сфера», в рамках которой одним из критериев отнесения деяния к разряду «уголовных» признается характер нарушаемой им нормы — носит ли она «общий» характер [10, с. 502]. Экстраполируя этот признак «уголовного» на процессы криминализации нарушений прав человека, Ю. Е. Пудовочкин пишет: «Если деянием нарушаются универсальные права человека, то оно является преступлением вне зависимости от того, в законе какой отраслевой принадлежности за него установлена ответственность (а по большому счету — независимо от того, установлена ли вообще за него ответственность в национальном праве); если же деянием нарушаются иные по характеру права, то оно может быть признано преступлением только в случае, когда на национальном уровне ответственность за него в виде уголовного (а не какого-либо иного) наказания предусмотрена именно уголовным законом» [11, с. 30].

С такой логикой, на наш взгляд, стоит согласиться. Между преступлением и нарушением прав человека, при всей плотности связи, нельзя ставить знак равенства. *Понятие нарушения прав человека охватывает собой деяния, не относящиеся к сфере преступного, равно как далеко не все преступления могут расцениваться как нарушение прав человека.*

Различение сути и механизма уголовно-правового запрета на совершение деяний, посягающих и не посягающих на основные права и свободы граждан, имеет существенное значение для развития теории преступления в уголовном праве.

Нарушения основных прав и свобод человека всегда должно быть криминализировано. Как ука-

зал Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия [12]. Однако здесь возникает иной вопрос — что именно считать основными правами и свободами. Вопрос этот всецело расположен в области конституционного права и теории прав человека, а потому его полноценное обсуждение по определению не может входить в разряд наших задач.

Оценка диспозиции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав человека как субъекта охраняемых уголовным законом отношений

Изложенное выше понимание связи преступлений и нарушений прав человека позволяет с новых позиций рассмотреть вопрос о соотношении уголовно-правового запрета и нарушения прав человека. Полагаем, есть все основания для следующих рассуждений.

1. Деяния, которые посягают на основные права и свободы человека, подлежат обязательной криминализации (разумеется, при соблюдении известных требований, предъявляемых к их общественной опасности и виновности). Противоправность таких деяний определена именно тем, что они нарушают общие конституционные предписания о недопустимости посягательств на основные права и свободы. Отсутствие уголовно-правового запрета на совершение такого рода деяний, а равно неэффективность механизма его реализации справедливо рассматривать как неисполнение государством возложенной на него позитивной обязанности обеспечить неприкосновенность и гарантированность этих прав и свобод, и следовательно, как их нарушение. Показательны в этом отношении решения ЕСПЧ, которыми была зафиксирована обязанность государства обеспечивать права, гарантированные Европейской конвенцией, путем возложения ответственности за их нарушение со стороны «частных лиц». Так, в деле А. против Соединенного королевства (1998 г.) было установлено, что государства обязаны предпринимать меры по обеспечению того, чтобы лица в пределах ответственности государства не подвергались бы жестокому обращению, «включая обращение со стороны частных лиц» [10, с. 365—366.]; а в деле М. С. против Болгарии (2003 г.) провозглашено, что государства имеют позитивное обязательство защищать граждан от сексуального насилия со стороны частных лиц путем принятия и приведения в действие уголовного законодательства, предусматривающего наказание за насильственные действия сексуального характера [10, с. 317].

Наличие прямой обязанности установить именно уголовно-правовой запрет на общественно опасное нарушение основных прав и свобод человека вытекает из взаимосвязанных положений ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»; ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [9]. А потому сам *уголовно-правовой запрет на нарушение основных прав человека «частными лицами» не может рассматриваться как ограничение свободы этих «частных лиц»*. Норма об ответственности за убийство не ограничивает свободу самовыражения человека, норма об ответственности за кражу не ограничивает свободу экономического поведения, равно как норма об ответственности за изнасилование не ограничивает свободу сексуального поведения личности. *К правомерному ограничению прав и свобод человека диспозитивная часть таких уголовно-правовых запретов не имеет отношения; следовательно, она не может подлежать конституционной проверке на предмет того, правомерно или неправомерно она ограничивает права и свободы человека. Проверке здесь может подлежать лишь диспозитивная часть такого запрета на предмет адекватности санкции общественной опасности преступления, однако такая проверка предполагает иной предмет и иные критерии оценки.*

2. Деяния, которые не посягают на основные прав и свободы человека, могут быть криминализованы в соответствии с усмотрением законодателя. Их противоправность не predetermined природой самого посягательства и зависит всецело от уголовно-политических настроений и тенденций, а механизм регламентации ответственности за такие деяния гораздо сложнее, нежели у преступлений первой группы. Установление уголовно-правового запрета здесь предварительно опосредовано конструированием отраслевых правовых ограничений для субъектов охраняемых уголовным законом отношений. Такие отраслевые правовые ограничения подчинены требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и могут выражаться, как отмечают специалисты, в двух своих основных формах: либо как полный запрет определенного права (свободы), обусловливаемый в силу различного рода объективных или субъективных обстоятельств, либо как уменьшение вариантов возможного, дозволенного поведения (в рамках конкретного права или свободы) путем установления органами государственной власти, прежде всего субъектами законотворчества, различного рода пределов (пространственных, временных рамок, субъектных и др.) такого поведения [13, с. 18]. Ограничение предполагает установле-

ние особого порядка реализации права, возложение каких-либо обязанностей, формулирование тех или иных запретов, дифференциацию содержания и порядка реализации права для отдельных групп населения и т. д. Нарушение этих ограничений подкрепляется санкциями, в том числе при соблюдении определенных условий и уголовно-правовыми. Уголовную ответственность надлежит рассматривать в качестве санкции за наиболее опасные виды и формы нарушения отраслевых правовых ограничений.

Такая «двухступенчатость» правовой регламентации позволяет признать, что *уголовно-правовой запрет, будучи по своей природе вторичным правовым образованием, не может рассматриваться как ограничение прав или свобод участников охраняемых отношений, поскольку такое ограничение задано отраслевым правовым регулированием.*

Из этого вытекает принципиально значимый тезис о том, что и в этом случае диспозитивная часть уголовно-правового запрета сама по себе не подлежит конституционной проверке на предмет соответствия конституционным стандартам ограничения прав человека. Не случайно КС РФ во многих своих решениях неоднократно подчеркивал, что установление уголовной ответственности находится в исключительном усмотрении федерального законодателя, который обладает широкой свободой в конструировании состава преступления. Сказанное, однако, не должно восприниматься как полное отсутствие возможности провести такую конституционную проверку. С учетом системных свойств права и вытекающей отсюда связи уголовного и регулятивного законодательства, *конституционность диспозитивной части уголовно-правового запрета может быть поставлена под сомнение с точки зрения стандартов ограничения прав человека в случае, когда предшествующее уголовно-правовому запрету отраслевое правовое ограничение является неконституционным либо когда установление уголовно-правового запрета не соответствует отраслевым правовым ограничениям* (в последнем случае классической иллюстрацией служит Постановление КС РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта „а“ статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова».

Сказанное служит подтверждением и развитием важного положения теории криминализации. *Если то или иное общественно опасное деяние не нарушает основные права и свободы человека, установление уголовной ответственности за него требует предварительной правовой регламентации охраняемых общественных отношений нормами позитивного права, в том числе путем установления отраслевых право-*

вых ограничений. Об этом убедительно высказался А. Г. Безверхов: «В строгом соответствии с функциональным подходом УК РФ защищает не все особо значимые отношения, а ту их часть, которая в позитивном смысле урегулирована другими отраслями права. Отдельные социальные блага и интересы только тогда должны охраняться уголовным законом, когда они являются правовой ценностью, а социальные отношения — когда они становятся правоотношениями» [14, с. 79].

От себя добавим: *отсутствие предварительной отраслевой регламентации общественных отношений превращает уголовно-правовой запрет в отраслевое правовое ограничение. Такая трансформация означает, что уголовно-правовая норма становится средством регулирования «базисных», «позитивных» общественных отношений, а сами эти отношения включаются в предмет уголовно-правового регулирования.*

Как уже отмечалось, в науке такое мнение представлено. Специалисты указывают: «Как и все иные отрасли... права, уголовное право организует (регулирует) порядок общественных отношений, и в первую очередь, порядок обычных, „нормальных“ общественных отношений, а не только отношений, возникающих вследствие совершения преступлений» [15, с. 63, 85, 103]. Однако такой подход на деле «разрывает» социальную сущность уголовного права, превращая самостоятельную отрасль права со специфическим предметом и методом регулирования еще в метод регулирования иных, «обычных» отношений. Теоретическая интеграция уголовного права как отрасли и уголовного права как метода представляется малообоснованной и малоэффективной. Она означает допустимость подключения к регулированию «обычных» отношений в качестве одного из методов уголовного права, которое изначально не предназначено для регулирования этих отношений. Более того, в конституционно-правовом отношении такая «интеграция» означает не только возможность установления уголовно-правового запрета на совершение деяний, не оцененных отраслевым законодательством, но и требует, чтобы уголовно-правовой запрет в таком случае зависел от целей и принципов не уголовно-правового, а иноотраслевого правового регулирования. Это означает допустимость прямой конституционной проверки уголовно-правового запрета с точки зрения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в контексте оснований и пределов ограничения прав и свобод человека в иноотраслевых отношениях. Однако вряд ли будет справедливым и в принципе возможным проверять, например, оправданность установления именно уголовно-правового запрета на незаконную предпринимательскую деятельность с точки зрения его оправданности и необходимости для развития именно предпринимательских отношений, хотя бы

потому, что содержание уголовно-правового запрета подкреплено собственно уголовно-правовой санкцией. Это потребует от КС РФ проверки обоснованности установления уголовной ответственности, что не входит в предмет его компетенции. Как следствие, может возникнуть ситуация принципиальной невозможности проверки конституционности уголовно-правового запрета, что чревато недопустимым произволом в вопросах криминализации. Единственный мыслимый здесь вариант конституционного оспаривания запрета может иметь место в ситуации, когда сам запрет сформулирован таким образом, что лишает ограничиваемое право его смысла, приводит к невозможности пользования им.

Изложенное ранее закономерно подводит нас к сложному теоретическому вопросу о соотношении уголовно-правового запрета и ограничения прав. В науке этот вопрос прямо не обсуждался. Однако по близким аспектам темы высказаны различные суждения. Так, А. В. Малько, к примеру, пишет, что «всякий запрет есть ограничение, но не всякое ограничение в сфере права — запрет» [16, с. 20—21]. Применительно к нашей теме со второй частью цитаты следует согласиться полностью. Однако тезис о том, что уголовно-правовой запрет всегда есть ограничение права, вызывает сомнения. А. Г. Братко отмечает, что запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения. В отличие от запрета правовое ограничение в принципе невозможно нарушить. Оно всегда есть ограничение какого-либо субъективного права, причем такое, которое обеспечивается обязанностями соответствующих должностных лиц. К лицу, нарушившему запрет, могут быть применены юридические санкции. За нарушение правового ограничения ответственность несет не сам нарушитель, а соответствующие должностные лица, не обеспечившие осуществление ограничения. Правовое ограничение, распространяемое на то или иное лицо, в принципе исключает свободу выбора, а значит, и ответственность этого лица [17, с. 10—11]. С таким подходом в контексте нашей темы можно согласиться лишь при одном методологическом допущении — если считать запреты требованиями, обращенными к гражданам, а ограничения — требованиями к государству. Однако это допущение вряд ли действительно. Ограничения и запреты в равной степени обращены ко всем субъектам правоотношения, различие — лишь в содержании предъявляемых требований.

Гораздо ближе к истине, на наш взгляд, подошла В. М. Малиновская. Она указывает: «Право-

мерное ограничение необходимо отличать от запретов совершения преступных действий и, соответственно, мер ответственности, устанавливаемых за нарушение соответствующих запретов. Правомерное ограничение направлено на ограничение позитивной, а не негативной деятельности» [18, с. 7]. Такие рассуждения дают верный ключ к пониманию роли и места уголовно-правового запрета в системе правового регулирования. *Уголовно-правовой запрет может мыслиться как предписание, подкрепляющее требование о недопустимости наиболее опасных нарушений установленных в той или иной отрасли права правомерных ограничений. Таким образом, конституционность уголовно-правового запрета базируется на двух основаниях: конституционность установленных в позитивных отраслях права ограничений и конституционность собственно уголовно-правовой криминализации опасных нарушений этих ограничений.* Должно быть очевидным, полагаем, что критерии конституционности этих компонентов различны: если в первом случае они восходят к представлениям о сущности ограниченного права и значимости установленных ограничений для обеспечения его полноценной реализации и баланса интересов участников общественных отношений; то во втором случае они связаны с оценкой конституционных критериев криминализации и общественной опасности запрещенного деяния. Это означает в итоге, что сам по себе *уголовно-правовой запрет в его диспозитивной части не может подлежать конституционной проверке с точки зрения соблюдения критериев установления правовых ограничений, поскольку таковой запрет не является ограничением права. Проверке может подлежать лишь тот аспект уголовно-правового запрета, который связан с соблюдением правил криминализации, т. е. отбора и описания в законе наиболее опасных форм нарушения установленных правоограничений.*

В рассуждениях об уголовно-правовом запрете и ограничении прав человека надо обратить внимание и еще на один значимый вопрос. Речь идет, в частности, о том, что *необходимо принципиально различать, с одной стороны, уголовно-правовой запрет, а с другой — запрет в уголовном праве.* Если уголовно-правовой запрет, с известными допущениями, можно рассматривать в качестве содержания уголовного права, то запрет в уголовном праве — есть один из возможных методов регулирования уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступления. Он может принимать форму прямого запрещения некоторых видов поведения, возложения каких-либо обязанностей, не предусмотренных в законах иной отраслевой принадлежности, установления особого порядка реализации предусмотренных

в уголовном законе прав. Такие внутриотраслевые запреты и ограничения установлены нормами собственно уголовного права для упорядочения поведения участников уголовно-правовых отношений

Внимательный анализ текста уголовного законодательства показывает, что к государству как участнику уголовно-правовых отношений адресован прежде всего запрет в уголовном праве на определенные виды обращения с лицом, совершившим преступление. Он принимает форму различных по степени детализации уголовно-правовых предписаний: от установленных на уровне принципиальных положений кодекса запретов на применение закона по аналогии (ст. 3 УК РФ) или причинение физических страданий и унижение достоинства при конструировании и применении уголовных наказаний (ст. 7 УК РФ) до требований относительно частного характера — о запрете на применение некоторых видов наказаний к определенным категориям граждан (например, в ч. 5 ст. 50 УК РФ) или о запрете применять некоторые специальные правила назначения наказания в ряде случаев (например, в ч. 3 ст. 64 УК РФ). Нарушение таких запретов со стороны государства, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицировано как нарушение прав человека, как преступление, нарушающее права человека, как проявление судебной ошибки.

По отношению к лицу, совершившему преступление, как участнику уголовно-правовых отношений запретительный метод регулирования такого отношения выражается в установлении особого порядка реализации имеющихся у него «уголовно-правовых прав» (к примеру, ограничивая подтвержденное КС РФ право осужденного на смягчение наказания, ст. 79 УК РФ, ст. 80 УК РФ устанавливают требования, связанные с необходимостью отбыть определенную часть назначенного судом наказания для реализации возможностей, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания или заменой наказания более мягким видом) либо в возложении под угрозой применения санкций определенных обязанностей (ключевая обязанность в данном случае — претерпеть те меры государственного воздействия, которые такому лицу назначаются по приговору суда). Нарушение лицом, совершившим преступление, установленных для него правоограничений и запретов может иметь различные последствия. И если несоблюдение установленного порядка реализации права субъективно и объективно ничем не угрожает (здесь «работает» указанная выше теория А. Г. Братко), то несоблюдение уголовно-правовой обязанности претерпеть меры государственного воздействия чревато применением правовых санкций, вплоть до уголовно-правовых.

В теоретическом и прикладном отношении нарушение установленных для лица, совершившего преступление, правовых ограничений, связанных с обязанностью претерпеть назначенные меры ответственности, тесно связано с проблемой уголовно-правового реагирования на случаи уклонения, злостного уклонения от отбывания наказания или иных мер. Этот вопрос в последнее время оправданно привлекает повышенное внимание специалистов, в том числе в связи с насущной проблемой разграничения наказания и мер уголовно-правового характера. В контексте темы наших рассуждений проблема может быть поставлена следующим образом: допустимо ли установление уголовной ответственности и наказания за нарушение лицом, совершившим преступление, предусмотренных уголовным законом правоограничений либо реакция на такие нарушения требует отраслевой уголовно-правовой реакции, отличной от уголовного наказания? В частности, допустимо ли конструирование в Общей части УК РФ правил замены назначенного наказания на более строгий вид в случае злостного уклонения от его отбывания или же для этих целей необходимо конструирование специального состава преступления в Особенной части кодекса; допустимо ли установление уголовного наказания за нарушение собственно уголовно-правовых предписаний? Как известно, сегодня закон допускает оба варианта реагирования, хотя по мнению некоторых авторов, разрабатывающих этот вопрос, здесь допустим только один вариант реакции — установление уголовно-правового запрета путем конструирования состава преступления. По нашему представлению, исходя из разрабатываемой здесь концепции соотношения уголовно-правового запрета и ограничения прав, стоит признать, что с точки зрения механизма правового регулирования нет никаких принципиальных отличий между ситуациями подкрепления уголовно-правовой санкции запрета, установленного в той или иной отрасли позитивного права, и такой же санкции за нарушение запрета, установленного уголовным законом, ибо уголовное право в отношении уголовно-правовых отношений выполняет стандартную регулятивную функцию. А потому правовая реакция на нарушения уголовно-правовых запретов может быть различной и выражаться в форме специальных уголовно-правовых предписаний, в форме административной или дисциплинарной ответственности, а при наличии в содеянном признаков криминальной общественной опасности — и уголовной ответственности. Другое дело, что противоправность таких уголовно-правовых запретов требует специального толкования. Если истоки большинства уголовно-правовых запретов видятся нам в нормах иноотраслевого законодательства, то здесь они кроются в нормах самого Уголовного закона.

Оценка санкции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав субъекта уголовно-правового отношения

При рассмотрении вопроса о санкционной части уголовно-правового запрета с точки зрения теоретического и конституционно-правового учения об ограничении прав человека, пожалуй, с наибольшей степенью раскрывается та сторона уголовного права, о которой в подавляющей части научных сочинений либо не упоминается вовсе, либо даются лишь краткие пояснения. Суть его состоит в том, что уголовное наказание есть ограничение прав человека.

Предпосылкой к обсуждению данного вопроса служит прямое указание ч. 1 ст. 43 УК РФ, согласно которому наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного судом виновным в совершении преступления. Однако уже при первом приближении к конституционному осмыслению этой законодательной формулы возникает сомнение в самой возможности признания наказания разновидностью ограничения прав человека. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом» [9]. Таким образом, как пишет М. В. Баглай, по смыслу конституционных положений, допустимы только общие ограничения прав и свобод для всего населения путем принятия соответствующего закона [19, с. 166]. В связи с этим актуализируется поставленный М. В. Баглаем вопрос о том, что по буквальному смыслу Конституции РФ исключается возможность ограничения прав и свобод в отношении отдельных лиц. А ведь именно таковым, не общим, а сугубо индивидуальным является уголовное наказание, которое хотя и предусмотрено законом, но назначается строго по приговору суда.

Противоречие между предписаниями ч. 1 ст. 43 УК РФ и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ не является надуманной теоретической абстракцией. При последовательном обсуждении поставленной М. В. Баглаем интеллектуальной проблемы и разрешении этого противоречия можно существенно уточнить ряд положений конституционной и уголовно-правовой науки.

Прежде всего надо отметить, что *конституционное правило ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, подчеркивая всеобщий, законодательный характер ограничения прав и свобод человека, предполагает строгий запрет на принятие правоограничительных законов в отношении конкретного лица*. Уголовно-правовой запрет, равно как и иные запреты или ограничения на уровне закона, не могут касаться каких-либо конкретных граждан. Соответствующая мысль предельно четко сформулирована в ч. 1 ст. 19 Конституции ФРГ, где сказано: «Если согласно настоящему Основному закону какое-либо основное право может быть ограничено

законом или на основании закона, такой закон должен носить общий характер, а не касаться лишь отдельного случая». Оставим в стороне интересные уголовно-политические рассуждения над ситуациями, когда уголовный закон принимается в ответ на разовую опасную акцию, на какой-либо вопиющий прецедент. В любом случае он должен иметь всеобщее действие, распространяться на всех лиц, совершающих такие акции, и на все акции подобного рода. Всеобщность при этом не должна трактоваться узко, как исключаящая учет при установлении уголовно-правового запрета тех или иных специфических обстоятельств совершенного преступления или личности преступника. Законодатель вправе и обязан при наличии к тому предпосылок провести дифференциацию уголовной ответственности. Но дифференциация, опять-таки, осуществляется на уровне закона в качестве всеобщего правила и, как указывал КС РФ в Постановлении от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда», должна не только соответствовать требованиям принципа справедливости, но и не нарушать принципы равенства и правовой определенности.

Далее. Рассуждая о наказании с позиций конституционного учения об ограничении прав и свобод человека, *необходимо четко различать, с одной стороны, наказание как элемент санкции, подкрепляющей тот или иной правовой запрет, и наказание как реальную меру государственного воздействия, назначенную по приговору суда, или иными словами — различать установление уголовного наказания и применение уголовного наказания.* Такое различие значимо не только для уточнения конституционной природы наказания, но и для согласования целей ограничения прав человека, установленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, с целями наказания, которые закреплены в ч. 2 ст. 43 УК РФ. При сопоставлении целевых установок правоограничений и наказания очевидны кардинальные различия, которые, на первый взгляд, делегитимируют институт наказания как таковой, поскольку с точки зрения конституционных целей ограничения прав человека наказание не может преследовать цель восстановления справедливости, исправления осужденного и предупреждения преступлений, но должно иметь своей целью защиту конституционных ценностей. Между тем такая дискредитация наказания вытекает, во-первых, из неразличения наказания как части запрета и наказания как меры, а во-вторых, из допущенных законодателем неточностей при наименовании ст. 43 УК РФ, которые остались без внимания со стороны уголовно-правовой науки.

Обратим внимание, что хотя ст. 43 УК РФ называется «Понятие и цели наказания», в ч. 2 ст. 43 УК РФ говорится не о целях наказания как такового, а о целях применения наказания («наказание применяется в целях...»). Представляется, что это совершенно разный уровень целей. Игнорирование и недооценка этого обстоятельства приводит к широкой дискуссии по поводу эффективности и целесообразности уголовного наказания. Ее методологическая ущербность состоит в том, что специалисты пытаются определить эффективность наказания как социального института с позиций достижения или недостижения целей наказания как средства воздействия на конкретное лицо, совершившее конкретное преступление, т. е. решить общие вопросы на основе анализа частного случая, что заведомо непродуктивно. В связи с этим различение акцентов в понимании наказания приобретает дополнительный смысл.

Представляется, что *если анализировать уголовное наказание как реальную меру воздействия в отношении лица, совершившего преступление, следует четко понимать:*

а) такое наказание не является видом или формой ограничения прав человека, это именно мера воздействия, причем карательная, что предопределяет необходимость либо исключения из определения наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ слов «и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица» либо в замене этой фразы более точной с точки зрения конституционной теории формулой — «и заключается в применении предусмотренных настоящим Кодексом лишения или ограничения прав и свобод этого лица»;

б) как индивидуальная мера воздействия наказание закономерным образом устанавливается не в законе, а в приговоре суда;

в) как мера воздействия на конкретное лицо наказание применяется в целях, отличных от тех, что закреплены в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, пространство этих целей ограничено конкретным лицом и конкретной ситуацией (в связи с чем такие цели применения наказания, как восстановление справедливости и предупреждение преступлений должны трактоваться ограничительно: восстановление справедливости следует понимать как восстановление прав и интересов потерпевшего, а предупреждение — исключительно как частную превенцию);

г) эффективность применения наказания может быть рассчитана только для частного случая, в котором это наказание применено, и для конкретного виновного лица;

д) как индивидуальная мера государственного воздействия наказание не подлежит контролю и проверке со стороны КС РФ.

Иной взгляд диктует *исследование наказания с точки зрения восприятия его как части уголовно-правового запрета*:

а) установление наказания имеет всеобщий характер и осуществляется на уровне закона, в связи с чем наказание допустимо рассматривать в качестве одного из вариантов ограничения прав и свобод человека;

б) установление наказания санкционирует отраслевую противоправность описанного в диспозитивной части уголовно-правового запрета поведения, а потому преследует цели, общие с этим запретом, цели, predetermined ч. 3 ст. 55 Конституции РФ;

в) эффективность наказания как части уголовно-правового запрета должна базироваться не на учете целей применения наказания, а рассчитываться исходя из представлений о степени защищенности конституционных ценностей и уровня криминологической безопасности в обществе;

г) само по себе наказание (как оно описано в ст. 46—47, ст. 59 УК РФ) может подлежать конституционной проверке на предмет соответствия критериям ограничения прав человека (при этом важно отметить, что не может оцениваться с точки зрения соответствия конституционным стандартам размер санкции той или иной статьи Особенной части УК РФ, поскольку его определение находится в усмотрении законодателя).

Таким образом, с точки зрения конституционных представлений об ограничении прав и свобод человека уголовное наказание может анализироваться только в одном, строго определенном аспекте — как исходящие от государства и имеющие всеобщий характер установления, подкрепляющие уголовно-правовой запрет.

Подводя итог исследованию проблем, связанных с анализом уголовно-правового запрета сквозь призму конституционно-правового учения об ограничении прав и свобод человека, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

— при тесной связи преступления и нарушения прав человека, уголовно-правового запрета и ограничения прав человека отождествлять эти феномены недопустимо;

— в качестве нарушения прав человека может расцениваться лишь определенная группа преступных посягательств на основные (конституционные) права личности, predetermined биологической и социальной природой человека, а также деятельность государства, состоящая в отказе от криминализации таких посягательств либо в криминализации деяний, лишаящих человека его ос-

новных прав или умаляющих возможность реализации этих прав до такой степени, что само право перестает существовать;

— общественно опасные деяния, которые не нарушают основные права и свободы личности, могут быть криминализированы государством при соблюдении обязательного условия предварительного опосредования такой криминализации установлением правовых ограничений в соответствующих отраслевых законах, в связи с чем описание преступного деяния в диспозиции уголовно-правовой нормы не может расцениваться как ограничение прав человека;

— отсутствие предварительной отраслевой регламентации общественных отношений превращает уголовно-правовой запрет в правовое ограничение, рассчитанное на регулирование «базисных», «позитивных» общественных отношений, и включает эти отношения в предмет уголовно-правового регулирования либо, что равнозначно, превращает уголовное право в метод регулирования таких отношений, что недопустимо с точки зрения теоретического учения о критериях разграничения отраслей права в правовой системе;

— уголовно-правовой запрет может мыслиться как предписание, подкрепляющее требование о недопустимости наиболее опасных нарушений установленных в той или иной отрасли права правомерных ограничений; следовательно, уголовно-правовой запрет в его диспозитивной части не может подлежать конституционной проверке с точки зрения соблюдения критериев установления правовых ограничений, поскольку сам по себе не является ограничением права; проверке может подлежать лишь тот аспект уголовно-правового запрета, который связан с соблюдением правил криминализации, т. е. отбора и описания в законе наиболее опасных форм нарушения установленных правоограничений;

— уголовное наказание как мера принуждения, назначаемая по приговору суда, не должно расцениваться как ограничение прав и свобод человека в силу того, что имеет индивидуальный характер и predetermined этим специфические цели применения; как ограничение прав и свобод человека можно оценивать наказание лишь с точки зрения восприятия его в качестве элемента уголовно-правового запрета (его санкционной части), предусмотренного в законе социального инструмента, подкрепляющего действие системы отраслевых правоограничений.

1. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
2. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
3. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
4. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012.
5. Марек Новицкий о правах и свободах человека. URL: <https://hro.org/node/181> (дата обращения: 22.04.2020).
6. Банашак Б. Права личности и механизмы их защиты в конституциях некоторых стран / пер. с польск. А. Горелика. Варшава: [Б. и.], 2001.
7. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007.
8. Рахманова Е. Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Университетская книга, 2008.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека / пер. с англ. В. А. Власихина и др.; науч. ред. А. И. Ковлер. М.: Развитие правовых систем, 2016.
11. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2010.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 4018 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2019 г. № 2318-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Ашимхина А. В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
14. Безверхов А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // LexRussica. 2015. № 10.
15. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1999.
1. Naumov A. V. Russian criminal law. Lecture course. In 3 vol. Vol. 1. A common part. 4th ed., rev. and add. Moscow: Walters Klover; 2007. (in Russian).
2. Prokhorov V. S., Kropachev N. M., Tarbagayev A. N. The mechanism of criminal law regulation: the norm, legal relationship, responsibility. Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University; 1989. (in Russian).
3. Markuntsov S. A. The theory of criminal law prohibition. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2015. (in Russian).
4. Pudovochkin Yu. E. Teaching about the basics of criminal law. Lectures. Moscow: Jurlitinform; 2012. (in Russian).
5. Marek Nowicki on human rights and freedoms. Available from: <https://hro.org/node/181/>. Accessed: 22 April 2020. (in Russian).
6. Banashak B. Rights of the individual and mechanisms of their protection in the constitutions of some countries. Translate from polish by A. Gorelik. Warsaw: [S. n.]; 2001. (in Russian).
7. Luneev V. V. The era of globalization and crime. Moscow: Norma; 2007. (in Russian).
8. Rakhmanova E. N. Protection of human rights from criminal threats in the context of globalization: criminological and criminal legal analysis. Moscow: University book; 2008. (in Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).
10. Harris D., O'Boyle M., Warbrick K. Law of the European Convention on Human Rights. Transl. from English by V. A. Vlasikhin et al.; ed. by A. I. Kovler. Moscow: Development of legal systems; 2016. (in Russian).
11. Pudovochkin Yu. E. The doctrine of crime. Selected lectures. Ed. 2nd, amend. and add. Moscow: Jurlitinform; 2010. (in Russian).
12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2318-O on 27 September 2019. "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Nikolaevich Ismakayev on violation of his constitutional rights by the provisions of part one of Article 161 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 4018 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).
13. Ashimkhina A. V. Constitutional and legal mechanism for limiting the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2008. (in Russian).
14. Bezverkhov A. G. On the operation of the criminal law in the context of intersectoral relations. LexRussica. 2015; 10. (in Russian).

16. Малько А. В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 20—21.

17. Братко А. Г. Запреты в советском праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1979.

18. Малиновская В. М. Правомерное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

19. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 1997.

© Гузеева О. С., 2021

15. Kropachev N. M. Criminal law regulation: mechanism and system. Saint Petersburg: St. Petersburg State University; 1999. (in Russian).

16. Malko A. V. Legal restrictions: from sectoral understanding to theoretical. Jurisprudence. 1993; 5. (in Russian).

17. Bratko A. G. Prohibitions in Soviet law: theoretical questions. Abstract of dissrtation of candidate of juridical sciences. Saratov; 1979. (in Russian).

18. Malinovskaya V. M. Legal restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. Abstract of dissrtation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007. (in Russian).

19. Baglai M. V. Constitutional law of the Russian Federation. Textbook. Moscow: Norma: Infra-M; 1997. (in Russian).

© Guzeeva O. S., 2021

Гузеева Ольга Сергеевна,
судья Арбитражного суда
Московской области,
кандидат юридических наук;
e-mail: olga3520@list.ru

Guzeeva Olga Sergeevna,
judge of the Arbitration court
of the Moscow region,
candidate of juridical sciences;
e-mail: olga3520@list.ru

* * *

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров, С. А. Гордейчик

**НОВЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВОПРОСАМ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ**

В статье рассмотрены наиболее значимые для правоприменительной практики новации, внесенные в декабре 2019 г. в Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» и № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Дана оценка правовым позициям высшей судебной инстанции по вопросам перечня коррупционных преступлений; определения момента окончания посредничества во взяточничестве (коммерческом подкупе); квалификации названных преступлений при размере взятки (предмета подкупа), не достигающем значительного; квалификации мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ст. 290 и 204 Уголовного кодекса Российской Федерации; понимания добровольности сообщения взяткодателя (лица, передавшего предмет коммерческого подкупа), посредника о совершенном преступлении и др. Обращается внимание на отсутствие в рассматриваемых постановлениях разъяснений по ряду актуальных проблем. Сделан вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в анализируемые акты толкования права.

Ключевые слова: коррупционное преступление; получение взятки; дача взятки; коммерческий подкуп; посредничество во взяточничестве; злоупотребление должностными полномочиями.

N. A. Egorova, A. G. Egorov, S. A. Gordeichik

**NEW EXPLANATIONS OF THE PLENUM
OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
CONCERNING THE CLASSIFICATION OF CRIME
AGAINST THE SERVICE**

This article reviews the most meaningful improvements for the law enforcement practice that were entered into resolutions of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in December 2019 under No. 19 of 16.10.2019 "On litigation practice with regard to cases for abuse of power and exceeding official powers" and No. 24 of 09.07.2013 "On litigation practice with regard to cases for bribery and other corruption-related offences". It is given an appraisal of legal opinions of the supreme judicial authority concerning list of corruption-related offences; determination of intermediation termination in bribery (corrupt payments); classification of mentioned crimes depending on bribery amount (bribery subject matter) below major level; classification of minor bribery and minor corrupt payments based on qualifying features, stipulated in the articles 290 and 204 of the Criminal Code of the Russian Federation; understanding of voluntariness of briber statement (person which gave a matter of bribery), intermediate party concerning the crime committed etc. The attention has been drawn to the lack of explanations with regard to a number of actual issues in the resolutions under review. It is drawn a conclusion concerning required amendments and extensions of act of law interpretation under review.

Key words: corruption-related crime; taking bribe; giving bribe; corrupt payments; bribery intermediary; abuse of power.

Для эффективного противодействия служебным преступлениям необходимы не только адекватное современным реалиям уголовное законодательство, но и основанная на этом законодательстве относительно единообразная судебная практика. В последние годы правоприменительная практика по делам о названных преступлениях

формировалась с учетом положений двух актов толкования права, которые сравнительно недавно претерпели изменения, — Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 16 октября 2009 г. (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении

должностных полномочий» (далее — ППВС РФ № 19) и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 9 июля 2013 г. (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — ППВС РФ № 24). Новые редакции постановлений уже подвергались детальному рассмотрению на страницах юридических изданий [1; 2]. Но хотелось бы отметить те новшества, которые способны каким-либо образом (положительно или отрицательно) повлиять на правоприменительную практику, а также обратить внимание на спорные разъяснения и те вопросы, которые остались нерешенными в указанных постановлениях.

В целом редакции обоих документов приведены в соответствие с действующим законодательством — как уголовным, так и иноотраслевым, и особенностями современного этапа развития экономики (см., например, обновленный перечень коррупционных преступлений в преамбуле ППВС РФ № 24; упоминание о бездокументарных ценных бумагах, цифровых правах, электронном кошельке в пп. 9 и 10 этого же постановления); в документах устранены отдельные редакционные недочеты (так, в абз. третьем п. 30 указано, что если имела место передача предмета взятки (коммерческого подкупа) под контролем с целью задержания получателя незаконного вознаграждения с поличным, то «деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат возвращению их законному (курсив наш. — Н. Е., А. Е., С. Г.) владельцу»).

В абзаце шестом преамбулы Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ПВС РФ) относит к коррупционным преступлениям «взяточничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и иные коррупционные преступления (в частности, предусмотренные ст. 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ)». Как следует из приведенного фрагмента, авторы текста ППВС РФ № 24 не ставили задачу перечислить все коррупционные преступления. В настоящее время вопрос о видах коррупционных преступлений на уровне уголовного закона не решен; определение коррупционного характера преступлений основано на положениях подзаконного нормативного правового акта — Перечня № 23 преступлений коррупционной направленности (утв. указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11 и МВД России № 1 от 24 января 2020 г. в ред. от 13.07.2020) (далее — Перечень № 23) и во многом поставлено в зависимость от ведения статистического учета преступлений. Однако нельзя не заметить, что поименованные в абзаце шестом преамбулы ППВС РФ № 24 преступления, как и в прежней редакции постановления, не относятся к какому-либо одному из трех видов преступлений

коррупционной направленности, выделенных в Перечне № 23, — в абз. шестом преамбулы упомянуты преступления безусловно коррупционные (ст. 290, 291, 291.1, 291.2, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) — см. п. 2 Перечня № 23), условно коррупционные (ст. 292 УК РФ — см. п. 3.3 Перечня № 23; ст. 159, 160 УК РФ — см. п. 3.6 Перечня № 23) и даже преступления, могущие способствовать коррупционным (ст. 159 УК РФ, за исключением случаев, указанных в п. 3.6 Перечня № 23, — см. п. 4 Перечня № 23). Более того, ПВС РФ называет коррупционным преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, которое не считается таковым согласно Перечню № 23. Несмотря на то что содержащиеся в анализируемом постановлении разъяснения ПВС РФ по вопросам квалификации провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд имеют непосредственное отношение к проблемам противодействия преступлениям коррупционной направленности, вряд ли это может быть основанием для отнесения провокации различных видов подкупа к коррупционным преступлениям. Поэтому указание на ст. 304 УК РФ следовало бы исключить из абзаца шестого преамбулы ППВС РФ № 24.

Уточнена позиция ПВС РФ по вопросу о моменте окончания посредничества во взяточничестве (коммерческом подкупе) в виде непосредственной передачи взятки, или физического посредничества (абзац третий п. 13.2): теперь данный момент не всегда связывается со временем получения специальным субъектом хотя бы части вознаграждения — преступление признается оконченным «с момента получения ценностей посредником», если между взяткополучателем и посредником была договоренность о том, что предмет взятки (коммерческого подкупа) остается у посредника. Логично предположить, что и получение взятки (пассивный коммерческий подкуп) в рассматриваемом случае должно считаться оконченным преступлением (хотя в ППВС РФ № 24 нет разъяснений по этому вопросу).

Иначе решается вопрос о стадии совершения преступления, если такой договоренности не было. Как указано в абзаце третьем п. 13.2, «в иных случаях посредничество в виде непосредственной передачи взятки или предмета коммерческого подкупа квалифицируется как оконченное преступление при условии фактической передачи хотя бы их части лицу, которому они предназначены». Такого варианта толкования уголовного закона суды придерживались и ранее.

О. признан виновным в посредничестве во взяточничестве. Как следует из приговора Мещанского районного суда г. Москвы, после получения

4 декабря 2015 г. предмета взятки О. задержали сотрудники правоохранительных органов. 5 декабря 2015 г. О., действуя в рамках оперативно-разыскного мероприятия, т. е. под контролем оперативных сотрудников, передал денежные средства в качестве взятки взяткополучателю.

Суд апелляционной инстанции отметил, что суд первой инстанции, правильно установив фактические обстоятельства дела, неверно квалифицировал действия О. как оконченное преступление. По смыслу закона принятие предмета взятки посредником для последующей передачи должностному лицу еще не образует состава оконченного преступления (получения взятки), и в случае задержания посредника, не успевшего передать взятку должностному лицу, квалифицируется как покушение на получение взятки, а действия посредника — как покушение на посредничество во взяточничестве [3].

Как указано в абзаце втором п. 13.2 ППВС РФ № 24, при так называемом интеллектуальном посредничестве во взяточничестве (коммерческом подкупе) преступление считается оконченным с момента выполнения посредником одного из действий — способствования в достижении или реализации соглашения «независимо от достижения или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем, а равно между лицом, передающим предмет коммерческого подкупа, и лицом, его получающим». Фактическая передача предмета взятки (коммерческого подкупа) — полностью либо его части — при этом может и не состояться, что также не влияет на квалификацию содеянного посредником как оконченного преступления.

К. решила дать взятку должностным лицам за освобождение своего сына от уголовной ответственности и возврат изъятого у него органами следствия ноутбука. О. своим намерением она сообщила знакомому М., который работал старшим помощником руководителя *** СК России и согласился на ее предложение за деньги выступить посредником при передаче взятки. Согласно договоренности К. готова была заплатить *** долларов США, *** (эквивалентных *** рублям) из которых предназначались для М.

Реализуя преступный умысел, М. обратился к своему сослуживцу — оперуполномоченному 1 направления 2 отдела службы «***» УФСБ по г. Москве и Московской области П., предложив ему за взятку оказать содействие в прекращении уголовного преследования в отношении М. Добиваясь желаемого результата, М. неоднократно звонил П., действовавшему в условиях оперативного эксперимента, и несколько раз встречался с ним, в том числе в присутствии К.

29 мая 2017 г., действуя согласно договоренности, М., находясь в помещении туалета для

инвалидов, расположенного в здании *** магазина на *** по адресу: ***, получил от К. *** долларов США, эквивалентные *** руб., в качестве первой части взятки, предназначенной для передачи должностным лицам правоохранительных органов. 21 июня 2017 г. К. и М. были задержаны.

По приговору районного суда М. осужден по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ. Он признан виновным в посредничестве во взяточничестве, т. е. в ином способствовании взяткодателю и взяткополучателю в достижении и реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере.

Адвокат З. (защитник М.) в апелляционной жалобе, в частности, отметил, что действия М. не образуют состав оконченного преступления (посредничества во взяточничестве), поскольку М. не передал деньги П. Отклоняя доводы защиты, суд апелляционной инстанции указал, что посредничество во взяточничестве, совершенное путем иного способствования достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем о получении или даче взятки, признается оконченным с момента выполнения посредником какого-либо действия независимо от достижения или реализации такого соглашения [4].

Как видно из данного примера, действия посредника (М.) выразились не только в переговорах с потенциальным взяткополучателем, но и в получении от взяткодателя первой части взятки, передача которой так и не состоялась.

Приведенные правовые позиции ПВС РФ соответствуют специфике каждой из двух форм посреднических действий, указанных в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, а также ситуации, когда взятка или предмет коммерческого подкупа по указанию специального субъекта передается иному физическому или юридическому лицу (ч. 1 ст. 290, ч. 5 ст. 204 УК РФ).

Мыслимы следующие варианты оставления предмета взятки (коммерческого подкупа) у посредника при физическом посредничестве: 1) с согласия получателя незаконной выгоды посредник оставляет у себя предмет взятки (коммерческого подкупа) до некоего более удобного момента в будущем, чтобы передать в полном объеме деньги или иные ценности по назначению; 2) с согласия получателя посредник оставляет у себя часть предмета взятки (коммерческого подкупа) в качестве вознаграждения за свои услуги, а остальное должен передать получателю, когда для этого наступит подходящий момент; 3) с согласия получателя посредник оставляет у себя предмет взятки (коммерческого подкупа) «до лучших времен», но без одобрения получателя обращает в свою пользу часть взятки (предмета подкупа).

Юридически эти ситуации равнозначны, поскольку предмет взятки (коммерческого подкупа) уже принят посредником и будет находиться у него с согласия получателя взятки (предмета коммерческого подкупа) определенное или неопределенное время.

По смыслу анализируемых разъяснений ПВС РФ, не имеет значения, как долго (если не фактически, то хотя бы предположительно, согласно достигнутой между участниками коррупционных отношений договоренности) предмет взятки (коммерческого подкупа) остается у посредника — в любом случае следует констатировать совершение посредником (да и взяткополучателем тоже) оконченного преступления.

Ситуация, когда посредник без согласия получателя незаконного вознаграждения оставляет себе предмет взятки (коммерческого подкупа) и при этом даже часть ценностей фактически не передана получателю, не может расцениваться как оконченное преступление — посредничество во взяточничестве (а равно получение взятки или пассивный коммерческий подкуп) — согласно абзацу третьему п. 13.2, это «иной случай». К «иным случаям», видимо, относятся и ситуации, когда предмет взятки (коммерческого подкупа) какое-то время остается у посредника по просьбе или с согласия взяткодателя (лица, передающего предмет коммерческого подкупа) без договоренности с получателем взятки (предмета коммерческого подкупа).

Возникает вопрос: как определять размер взятки (предмета коммерческого подкупа) в ситуациях 2 и 3 — учитывать или нет часть незаконного вознаграждения, обращенную посредником в свою пользу? Ответ на данный вопрос имеет значение для квалификации действий участников коррупционной сделки: после вознаграждения («самовознаграждения») посредника размер взятки (предмета коммерческого подкупа) может уже не достигать значительного, крупного или особо крупного, который охватывался умыслом его получателя. Для посредника уменьшение суммы, предназначенной для передачи специальному субъекту преступления, до 25 тыс. рублей и менее может повлечь признание содеянного не содержащим состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204.1 или ч. 1 ст. 291.1 УК РФ.

Представляется, что квалификация содеянного должна зависеть от направленности умысла специального субъекта и посредника. В ситуации 2 общая сумма вознаграждения заведомо для соучастников преступления включает в себя часть, предназначенную для посредника, поэтому размером взятки (предмета коммерческого подкупа) будет оставшаяся сумма. В ситуации 3 содеянное получателем взятки (предмета коммерческого подкупа) следует квалифицировать как неоконченное преступление — покушение на получение

взятки (предмета подкупа) в значительном, крупном или особо крупном размере (при доказанности умысла на получение незаконного вознаграждения в указанных размерах) либо как оконченное получение взятки (пассивный коммерческий подкуп) в фактически переданном размере. Действия же посредника, обратившего в свою пользу (с согласия или вопреки воле получателя незаконной выгоды) часть предмета взятки (коммерческого подкупа), по передаче специальному субъекту оставшейся суммы, если эта сумма не превышает 25 тыс. рублей, не являются преступными [5].

Полагаем, что при этом возможна квалификация действий посредника, самовольно обратившего в свою пользу часть предмета взятки (коммерческого подкупа), по ст. 175 УК РФ. Указанная часть незаконного вознаграждения, предназначенного специальному субъекту коррупционного преступления, может рассматриваться как имущество, *добытое* коррупционером преступным путем, хотя еще и не переданное посредником. В науке и правоприменительной практике выработана позиция, согласно которой не содержат состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, получение или передача имущества на временное хранение [6, с. 548; 7]. По договоренности с получателем незаконного вознаграждения посредник берет предмет взятки (коммерческого подкупа) лишь на время. Однако ту часть незаконного вознаграждения, которую посредник без согласия получателя присваивает, следует оценивать как *приобретение* имущества, поскольку это имущество обращается посредником в свою пользу насовсем, без расчета на передачу получателю.

В ППВС РФ № 24 внесено уточнение о том, что предмет взятки (коммерческого подкупа) может быть зачислен на счет, *указанный* специальным субъектом (п. 10), что согласуется в поправками, внесенными в ч. 1 ст. 290 и ч. 5 ст. 204 УК РФ в 2016 г. (в прежней редакции данного пункта ППВС № 24 речь шла о счете, *владельцем которого является должностное лицо*).

П., старший оперуполномоченный отдела розыска оперативного управления ГУ ФСИН России, предложил осужденному ФИОЗ, отбывающему наказание в исправительной колонии ФКУ ИК-8, за взятку совершать в пользу ФИОЗ незаконные действия, выражающиеся в запрещенных Правилами внутреннего распорядка проносе на территорию указанного исправительного учреждения и передаче ФИОЗ средств связи и комплектующих к ним, а также незаконное бездействие, выражающееся в предоставлении ФИОЗ возможности при отбытии наказания в исправительном учреждении в нарушение Правил внутреннего распорядка иметь и систематически использовать средства связи, вести без ограничений телефонные переговоры без привлечения к дис-

циплинарной ответственности, а также в случаях получения сведений о совершении ФИОЗ правонарушений — в неприятии соответствующих мер реагирования и непредоставлении информации об этом другим субъектам ОРД. ФИОЗ согласился, при этом П. и ФИОЗ договорились, что взятка будет передаваться ФИОЗ, в частности, в виде денег путем перечисления их на банковские счета. После того, как П. незаконно пронес на режимную территорию исправительного учреждения и передал ФИОЗ мобильный телефон и комплектующие к нему, П. дал указание ФИОЗ организовать открытие банковского счета на подконтрольных лиц для осуществления перевода ему (П.) денежных средств. Во исполнение договоренности ФИОЗ совместно с другим осужденным, используя мобильный телефон, полученный от П., организовал открытие счета в ОАО «Сбербанк России» на имя своей матери, не осведомленной о преступных намерениях П. и других лиц, согласившейся по указанию сына осуществлять любые финансовые операции по данному банковскому счету, в том числе путем перевода не принадлежащих ей денежных средств. ФИОЗ сообщил П. об открытии банковского счета и готовности переводить денежные средства на подконтрольные П. банковские счета каждый раз в указанных П. размерах. П. с целью получения взятки получил у ранее знакомого старшего оперуполномоченного оперативного отдела данного учреждения, не осведомленного о преступных намерениях П., банковскую карту, подключенную к банковскому счету № ... При этом ФИОЗ сообщил П. идентификационный код (пин-код) к данной карте, дающий возможность П. самостоятельно снимать денежные средства со счета. После этого по требованию П. на указанный им счет матерью ФИОЗ, действовавшей по просьбе сына, неоднократно переводились денежные средства с ее счета (всего на сумму 17 500 рублей), которыми П. распорядился по своему усмотрению, после чего вернул ФИОЗ банковскую карту [8].

Добавлено положение о «бесконтактном» коррупционном подкупе, когда предмет взятки (коммерческого подкупа) по предварительной договоренности помещен в «условленное место», к которому у получателя незаконного вознаграждения имеется (или появляется) доступ (в том числе когда доступ обеспечивается другим лицом), и в этом случае имеет место оконченное преступление (п. 10).

В ППВС РФ № 24 указано, что посредничество во взяточничестве, если размер взятки не является значительным, не может быть квалифицировано как соучастие с распределением ролей в получении или даче взятки, а равно в мелком взяточничестве, мелком коммерческом подкупе (п. 13.3).

Такое разъяснение полностью согласуется с принципом законности (в ч. 1 ст. 204.1 и ч. 1 ст. 291.1 УК РФ значительный размер предмета подкупа выполняет роль криминообразующего признака), а также с правилом квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм (нормы о посредничестве во взяточничестве и посредничестве в коммерческом подкупе являются специальными по отношению к норме Общей части УК РФ о пособничестве преступлению — ч. 5 ст. 33 УК РФ).

ПВС РФ разъяснил, что мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ст. 204, 290 УК РФ, следует квалифицировать соответственно по ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ (п. 14 ППВС РФ № 24).

Приговором суда Ч. признан виновным в том, что являясь должностным лицом — начальником отдела государственного технического надзора Министерства сельского хозяйства и продовольствия Свердловской области, в период с ноября 2014 г. по 16 февраля 2018 г., действуя в составе организованной группы, получал взятки в виде денег за совершение в пользу взяткодателей незаконных действий, которые входили в круг его полномочий. Каждый факт получения взятки Ч. был квалифицирован по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (всего 32 эпизода).

Изменяя приговор районного суда, суд апелляционной инстанции отметил, что по двум преступлениям, совершенным в период с августа по 15 сентября 2017 г. и в декабре 2017 г., по фактам получения взяток от Ш. и И. соответственно в суммах 10 000 рублей суд первой инстанции не учел, что получение или дачу взятки в размере, не превышающем 10 000 рублей, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ как мелкое взяточничество, независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц), при наличии каких иных квалифицирующих признаков взяточничества они совершены [9].

До изменения в декабре 2019 г. редакции п. 14 ППВС РФ № 24 такая правовая позиция была отражена в ответах Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации на вопросы судов [10] и в судебных актах по конкретным уголовным делам [11; 12]. Данный подход следует признать совершенно правильным, сформулированным на основе правила конкуренции общей и специальной норм: в ст. 204.2 и 291.2 УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки, связанные с наличием группы лиц по предварительному сговору или организованной группы на стороне получателя взятки (предмета подкупа) или передающего взятку (предмет подкупа), вымогательством предмета взятки (коммерческого подкупа), получением вознаграждения

дения за заведомо незаконные действия либо бездействие специального субъекта. Специальный характер норм ч. 1 ст. 204.2 и ч. 1 ст. 291.2 УК РФ обусловлен только мелким (не свыше десяти тысяч рублей) размером незаконного вознаграждения, и именно данный признак основного состава обладает приоритетом. Поэтому наличие в содеянном, помимо мелкой суммы взятки (предмета коммерческого подкупа), также квалифицирующих признаков обычных (т. е. не являющихся мелкими) взяточничества и коммерческого подкупа не может быть основанием для применения ст. 204, 290, 291 УК РФ.

Из абзаца первого п. 15 ППВС РФ № 24 исключено указание на то, что при получении взятки (предмета коммерческого подкупа) группой лиц по предварительному сговору имеет место договоренность между соучастниками о совместном совершении преступления *путем принятия каждой из членов такой группы (специальных субъектов) части незаконного вознаграждения*. Как следует из новой редакции, между соучастниками должна быть предварительная договоренность о совместном совершении преступления *путем принятия незаконного вознаграждения*, т. е. фактическое принятие части вознаграждения каждым из членов группы необязательно для признания преступления оконченным. В абзаце втором п. 15 ППВС РФ № 24 указано: «Преступление признается оконченным с момента принятия взятки либо предмета коммерческого подкупа хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации». Общая сумма взятки (предмета коммерческого подкупа) может быть получена лишь одним участником группы лиц по предварительному сговору, при этом распределение данной суммы между всеми участниками группы факультативно (оно может состояться, а может быть отложено на неопределенный срок), главное — обусловленность незаконным вознаграждением служебного поведения каждого члена группы. Как указано в судебном решении по одному уголовному делу, «получение взятки группой лиц по предварительному сговору предполагает ее получение не менее чем двумя должностными лицами, между которыми достигнута договоренность до ее получения, при этом каждый из них получил *или намеревался получить* (курсив наш. — Н. Е., А. Е., С. Г.) хотя бы часть взятки» [13].

Существенно изменилась правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о том, когда заявление субъекта активного коммерческого подкупа и дачи взятки, а также посредника во взяточничестве или в коммерческом подкупе о совершенном преступлении нельзя признать добровольным. Как отмечалось в прежней редакции ППВС РФ № 24, не может призна-

ваться добровольным сообщение, сделанное в связи с тем, что о даче взятки, посредничестве во взяточничестве или коммерческом подкупе стало известно органам власти. Установить связь между сообщением и осознанием заявителем факта осведомленности правоохранительных органов о преступлении, действительно, непросто.

В редакции от 24 декабря 2019 г. указано, что «не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления» (абзац третий п. 29 ППВС РФ № 24). Следовательно, заявления лиц, не связанные с задержанием последних по подозрению в совершении указанных коррупционных преступлений, теперь могут рассматриваться как добровольные. Скорее всего, это вынужденная уступка субъектам активного подкупа и посредникам, обусловленная сложностями раскрытия взяточничества и коммерческого подкупа.

Так, суд апелляционной инстанции не согласился с доводами стороны защиты о наличии оснований для прекращения уголовного преследования в отношении Б. и Т. на основании примечания к ст. 291 УК РФ, поскольку объективных данных о добровольном сообщении подсудимыми о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, материалы дела не содержат; не представлены таковые и в суд апелляционной инстанции. Установлено, что Б. и Т. обратились в правоохранительные органы только после производства обыска в офисных помещениях, где они работали, и обыска в жилище их сотрудника Л., т. е. при обращении с заявлением о передаче взятки руководствовались не добровольным волеизъявлением, а сложившейся ситуацией. Согласно представленным материалам уголовного дела, на момент проведения обысков сотрудники полиции обладали информацией о получении Г. денежных средств ежемесячно в сумме 50 000 рублей, которые переводились, в том числе, с банковской карты Л. [14].

Руководствуясь приведенным выше разъяснением ПВС РФ в новой редакции, следует прийти к выводу, что в данном случае нет препятствий для признания заявления Б. и Т. о даче взятки добровольным и для освобождения указанных лиц от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291 УК РФ.

К сожалению, в рассматриваемых постановлениях ПВС РФ по-прежнему нет разъяснений по ряду актуальных вопросов.

Так, в процессе обсуждения проекта ППВС РФ № 24 на научно-практической конференции, состоявшейся в марте 2013 г. в Верховном Суде Российской Федерации, обсуждался вопрос о возможности признания предметом взятки (коммерческого подкупа) услуг, имеющих незаконный характер

(бесплатное написание диссертации, безвозмездное оказание услуг сексуального характера и т. п.) [15, с. 72—73; 16, с. 84—85]. Вариант разъяснений по данному вопросу имелся в проекте постановления, но они не вошли в окончательный текст, отсутствуют они и в редакции от 24 декабря 2019 г. О возможности квалификации как взяточничества (коммерческого подкупа) получения (передачи) имущественных выгод в широком смысле, имеющих как легальный, так и нелегальный характер, свидетельствует указание в абзаце втором п. 9 ППВС РФ № 24 на «любые имущественные выгоды», предоставление которых трактуется как незаконное оказание услуг имущественного характера.

Воздержался Пленум Верховного Суда Российской Федерации и от общей характеристики «иного способствования» в достижении либо реализации соглашения о получении взятки (коммерческого подкупа), отметив лишь два варианта такого способствования — организацию встречи сторон коррупционной сделки и ведение переговоров между ними (абзац первый п. 13.2). Представляется, что «иное способствование» в достижении либо реализации соглашения между получателем незаконного вознаграждения и лицом, передающим предмет взятки (коммерческого подкупа), о получении и передаче такого вознаграждения — это *любые, кроме фактической передачи предмета взятки (коммерческого подкупа), действия, непосредственно направленные на совершение сторонами коррупционной сделки преступлений, предусмотренных ст. 204, 290, 291 УК РФ*. Подобную формулировку целесообразно включить в п. 13.2 ППВС РФ № 24.

Не скорректированы, не приведены в соответствие с ч. 3 ст. 30 УК РФ и теорией уголовного права [17, с. 307, 311] разъяснения о моменте окончания взяточничества и коммерческого подкупа в значительном, крупном и особо крупном размерах (это положение переместилось из абзаца второго п. 10 в п. 11.1 ППВС РФ № 24 в новой редакции).

По буквальному смыслу ч. 1 ст. 290 и ч. 5 ст. 204 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ получение взятки и пассивный коммерческий подкуп не являются полностью корыстными (а значит, и коррупционными) преступлениями, поскольку взятка (предмет подкупа), согласно ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 204 УК РФ, может быть передана не только самому коррупционеру, но и другим физическим или юридическим лицам по его указанию. В науке констатировано выполнение Россией обязательств по международным договорам антикоррупционной направленности и необходимость признания взяточничеством спонсорской помощи [18, с. 55]. Такой подход подвергнут критике [19], предложены варианты толкования,

не позволяющие усмотреть состав преступления при отсутствии корысти у специального субъекта [20, с. 68—72].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дал никаких специальных разъяснений, связанных с данной новеллой 2016 г., однако неизменным осталось положение п. 23 о получении спонсорской помощи без извлечения имущественной выгоды должностным лицом или его близкими («Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь)»), а также о ее предоставлении — ни то, ни другое ПВС РФ по-прежнему не признает взяточничеством.

Из пункта 23 ППВС РФ № 24 исключен фрагмент о том, что действия должностного лица в подобных ситуациях могут быть квалифицированы по ст. 285 или 286 УК РФ — вероятно, потому, что это выходит за рамки тематики ППВС № 24, поскольку относится к составам злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Аналогичные разъяснения в ППВС РФ № 19 при этом не были включены.

Нет ничего негативного в том, что высшая судебная инстанция придерживается того же понимания получения взятки и пассивного коммерческого подкупа как корыстных преступлений, что и в прежней редакции ч. 1 ст. 290, ч. 5 ст. 204 УК РФ и ППВС РФ № 24. Но тогда остается непонятным смысл дополнения ч. 1 ст. 290 и ч. 5 ст. 204 УК РФ — для чего оно было нужно, если получение взятки в пользу других лиц не есть получение взятки? На наш взгляд, в анализируемом изменении указанных норм не было необходимости. Если участники коррупционных отношений рассчитывают на то, что предмет взятки все равно будет каким-либо образом передан должностному лицу, то иное физическое лицо, которому по указанию специального субъекта передан предмет взятки, выступает в роли посредника, а о получении незаконного вознаграждения специальным субъектом через посредника было указано в ч. 1 ст. 290 УК РФ и до изменений 2016 г.; получение предмета коммерческого подкупа через посредника также предусмотрено ст. 204.1 УК РФ. Ситуация, когда, допустим, безналичные денежные средства по указанию

должностного лица перечисляются на банковский счет другого физического или юридического лица, а затем в наличной или безналичной форме поступают на счет должностного лица (например, под видом оплаты фактически не оказанных данным лицом консультационных услуг), охватывается формулировкой «получение взятки через посредника» (и, соответственно, «дача взятки через посредника»). Если же по указанию специального субъекта денежные средства зачисляются на счет физического или юридического лица, и должностное лицо или его близкие не извлекают из этого никакой имущественной выгоды, то, как следует из п. 23 ППВС РФ № 24, состава получения взятки, пассивного коммерческого подкупа (а значит, и дачи взятки и активного коммерческого подкупа) нет. Таким образом, ПВС РФ дает ограничительное толкование уголовного закона в рассмотренной части.

По мнению В. Н. Боркова, аргументированному ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, в анализируемой ситуации под иным физическим или юридическим лицом имеется в виду не посредник, а кредитор, лицо, оказавшее или намеревающееся оказать возмездные услуги и т. п., перед которыми у должностного лица (лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации) имеются или могут возникнуть обязательства, т. е. речь идет об использовании схемы получения взятки самим специальным субъектом коррупционного преступления [21]. Однако ПВС РФ относит исполнение обязательств специального субъекта коррупционного преступления перед другими лицами к *незаконному оказанию услуг имущественного характера* («Под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств» — абзац второй п. 9 ППВС РФ № 24), причем эти услуги оказываются самому специальному субъекту, а не указанным им физическим или юридическим лицам. И предметом взятки здесь будут эти услуги, а не то, что передается иным физическим или юридическим лицам по указанию специального субъекта (в строгом смысле слова говорить о передаче «взятки» иным лицам в данном случае было бы неправильно).

Примечательно, что в ч. 1 ст. 204 УК РФ сказано не о передаче предмета подкупа иному физическому или юридическому лицу, а о передаче *имущества, оказании услуг имущественного характера, предоставлении имущественных прав такому лицу*, т. е. подразумевается предоставление выгоды (причем во всех возможных вариантах) иным лицам, помимо субъекта пассивного коммерческого подкупа. Нет оснований полагать,

что в ч. 1 ст. 290 УК РФ имеется в виду что-то другое, и мы снова приходим к выводу о допустимости некорыстного получения взятки (коммерческого подкупа). Поэтому разделяемая В. Н. Борковым позиция вряд ли безупречна.

Полагаем, что единственно возможным вариантом толкования ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 204 УК РФ, способным «примирить» содержание уголовного закона и п. 23 ППВС РФ № 24, остается понимание рассматриваемой ситуации как такого получения предмета взятки (коммерческого подкупа), когда данный предмет, независимо от его формы (имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав) предоставляется физическим лицам, являющимся близкими коррупционера, либо юридическим лицам, с деятельностью которых связано его личное и (или) его близких материальное благополучие. Осуществление данной коррупционной схемы возможно и без указания должностного лица (лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации), если это лицо в последующем одобрило предоставление имущественных выгод указанным физическим или юридическим лицам (и, возможно, рассчитывало на такие же действия со стороны субъекта активного подкупа в дальнейшем).

Анализируя новую редакцию ППВС РФ № 19, нельзя не отметить, что в данном постановлении не уделено внимание новым видам должностных лиц, упоминание о которых введено в примечание 1 к ст. 285 УК РФ Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ. Это касается, прежде всего, должностных лиц акционерных обществ, где контрольный пакет акций принадлежит государству или муниципальному образованию, поскольку определение уголовно-правового статуса именно данной категории субъектов должностных преступлений вызывает наибольшие сложности [22]. Не затронут вопрос об обратной силе уголовного закона при квалификации коррупционных преступлений в связи с изменением правового статуса специальных субъектов данных преступлений [23].

Сопутствующие основным разъяснения ситуаций, когда в содеянном специальными субъектами нет составов взяточничества (коммерческого подкупа), но могут быть составы преступлений, предусмотренных ст. 201, 285, 286 УК РФ, не вошли в текст постановления в редакции от 24 декабря 2019 г.

Не даны разъяснения по вопросам квалификации злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ) — вероятно, по причине отсутствия судебной практики. В новой редакции п. 21 ППВС РФ № 19 (о тяжких последствиях) появилось указание на п. «б» ч. 2 ст. 285.4 УК РФ, но этим

толкование признаков нового специального вида злоупотребления должностными полномочиями и ограничивается.

Все изложенное указывает на незавершенность процесса формирования судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных гл. 23 и 30 УК РФ, в связи с чем востребованы и ожидаемы очередные изменения и дополнения анализируемых постановлений ПВС РФ. В рамках возможных изменений ППВС РФ № 24 предлагаем исключить из абзаца шестого преамбулы упоминание о ст. 304 УК РФ; конкретизировать разъяснения об «ином лице», которому по указанию спе-

циального субъекта преступления может быть передан предмет взятки (коммерческого подкупа); указать, что полученные в качестве взятки (предмета коммерческого подкупа) имущественные выгоды могут иметь как легальное, так и незаконное (и даже преступное) происхождение; в абзаце первом п. 13.2 ППВС РФ № 24 привести общую характеристику посредничества в форме «иногo способствования достижению или реализации соглашения» между сторонами коррупционной сделки. ППВС РФ № 19 предлагаем дополнить разъяснениями по отмеченным выше актуальным проблемам.

1. Нагорная М. Пленум ВС конкретизировал постановления по делам о взяточничестве и злоупотреблении полномочиями // Адвокатская газета. 2019. 24 дек. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/plenum-vs-konkretiziroval-postanovleniya-po-delam-o-vzyatochnichestve-i-zloupotreblenii-polnomochiyami/> (дата обращения: 17.11.2020).

2. Пейсикова Е. В., Черепенникова Ю. С. Новые позиции Пленума ВС РФ по делам о взяточничестве и другим коррупционным преступлениям // Уголовный процесс. 2020. № 4. С. 31—37.

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 19 октября 2017 г. по делу № 10-16608/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 11 марта 2020 г. по делу № 10-3252/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Яни П. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // Законность. 2015. № 1. С. 20—25.

6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2015. 640 с.

7. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 17 августа 2017 г. по делу № (номер дела обезличен). URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/387618.html> (дата обращения: 10.11.2020).

9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27 мая 2020 г. по делу № 22-1676/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Nagornaya M. Plenum of the Supreme Court has specified rulings on cases for bribery and abuse of power. Lawyer newspaper. 2019; 24 December. Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/plenum-vs-konkretiziroval-postanovleniya-po-delam-o-vzyatochnichestve-i-zloupotreblenii-polnomochiyami/>. Accessed: 17 November 2020. (in Russian).

2. Peysikova E. V., Cherepennikova Yu. S. New points of view of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on cases for bribery and other corruption-related offences. Criminal proceedings. 2020; 4: 31—37. (in Russian).

3. Ruling on the appeal of Moscow city court in the case No. 10-16608/2017 on 19 October 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

4. Ruling on the appeal of Moscow city court in the case No. 10-3252/2020 on 11 March 2020. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

5. Yani P. Classification of a bribery intermediary "Self-Remuneration". Justifiability. 2015; 1: 20—25. (in Russian).

6. Lopashenko N. A. Crime in the area of economic activity: theoretical and application analysis. Monograph. Part II. Moscow: YurLitinform; 2015: 640. (in Russian).

7. Methodological recommendations on determination and suppression of crime in the sphere of economy as well as against the administrative order committed by parties to enforcement proceedings (approved by the Federal Bailiff Service 15.04.2013 No. 04-4). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

8. Decision of Tsentralny district court in the city of Chelyabinsk in the case No. (Not specified case No.) on 17 August 2017. Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/387618.html>. Accessed: 10 November 2020. (in Russian).

9. Ruling on the appeal of Sverdlovsk region court in the case No. 22-1676/2020 on 27 May 2020. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

10. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ–326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 2 ноября 2016 г. по делу № 22-6303/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wMMxfarOiBLO/> (дата обращения: 20.11.2020).

12. Постановление Президиума Самарского областного суда от 26 января 2017 г. № у-12/2017 (№ у-262/2017). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MEqvAJYx3J5w/> (дата обращения: 20.11.2020).

13. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. по делу № 48-О12-65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение Московского городского суда от 7 августа 2019 г. по делу № 10-12968/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

15. Иванов Н. К дискуссии о разъяснениях Пленума Верховного Суда о квалификации взяточничества // Уголовное право. 2013. № 5. С. 71–73.

16. Лопашенко Н. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. 2013. № 5. С. 83–88.

17. Энциклопедия уголовного права. Т. 5: Неоконченное преступление. СПб.: Изд-во проф. В. Б. Малинина, 2006. 462 с.

18. Яни П. С., Прохоров Н. В. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере: содержательный элемент // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 54–57.

19. Иванчин А. В. Расширение законодательных рамок взяточничества и коммерческого подкупа в 2016 году: критический анализ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 3–6.

20. Уголовная ответственность за взяточничество: учеб. пособие / под общ. ред. М. Г. Жилкина. М.: ДГСК МВД России, 2019. 175 с.

21. Борков В. Новое понимание взяточничества: проблемы и решение // Уголовное право. 2019. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Есаков Г. А., Шиткина И. С., Кудрявцев В. В. Должностные лица в акционерных обществах: уголовно-правовое и корпоративное понимание признаков специального субъекта // Уголовное право. 2018. № 6. С. 43–55.

10. Answers to questions came from courts with regard to application of Federal laws No. 323-FZ — 326-FZ on 3 July 2016, aimed to the improvement of the criminal liability for corruption-related offences and commercial crimes, as well as reasons and order of exemption from criminal liability (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.09.2016). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

11. Ruling on the appeal of Primorskiy territory court in the case No. 22-6303/2016 on 2 November 2016. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/wMMxfarOiBLO/>. Accessed: 20.11.2020. (in Russian).

12. Ruling of the Presidium of the Samara region court No. y-12/2017 (No. y-262/2017) on 26 January 2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MEqvAJYx3J5w/>. Accessed: 20 November 2020. (in Russian).

13. Cassational ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in the case No. 48-O12-65 on 9 August 2012. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

14. Ruling on the appeal of Moscow city court in the case No. 10-12968/2019 on 7 August 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

15. Ivanov N. Concerning discussion of explanations of the Plenum of the Supreme Court on bribery classification. Criminal law. 2013; 5: 71–73. (in Russian).

16. Lopashenko N. Concerning certain problems of understanding and interpreting of bribery and corrupt payments (classification issues). Criminal law. 2013; 5: 83–88. (in Russian).

17. Criminal law encyclopedia. Vol. 5: Unconsummated offence. Saint Petersburg: Editor — prof. V. B. Malinin; 2006: 462. (in Russian).

18. Yani P. S., Prokhorov N. V. Anti-corruption compliance criminal law sphere: content-related element. Russian justice. 2018; 9: 54–57. (in Russian).

19. Ivanchin A. V. Extension of legislative framework of bribery and corrupt payments in the year of 2016: critical analysis. Actual issues of struggle against crime. 2016; 3: 3–6. (in Russian).

20. Criminal liability for bribery: learning guide. General editorship of M. G. Zhilkin. Moscow: DGSK of MIA of Russia; 2019: 175. (in Russian).

21. Borkov V. New understanding of bribery: problems and solutions. Criminal law. 2019; 1. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

22. Esakov G. A., Shitkina I. S., Kudryavtsev V. V. Officials in joint-stock companies: criminal and corporative understanding of special subject features. Criminal law. 2018; 6: 43–55. (in Russian).

23. Павлюченко Ю. В. Изменение содержания признаков должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в организации, и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2017. № 6. С. 47—54.

© Егорова Н. А., Егоров А. Г.,
Гордейчик С. А., 2021

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры
основ экспертно-криминалистической
деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической
деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

Гордейчик Сергей Алексеевич,
судья Волгоградского областного суда,
кандидат юридических наук,
e-mail: pensero1@yandex.ru

23. Pavlyuchenko Yu. V. Change of the features content of an official as well as of a person performing administrative functions in an entity, and retroactive effect of the criminal law. Criminal law. 2017; 6: 47—54. (in Russian).

© Egorova N. A., Egorov A. G.,
Gordeichik S. A., 2021

Egorova Natalia Alexandrovna,
professor at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

Egorov Alexander Georgievich,
professor at the department
of foundations of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: egonatalex@yandex.ru

Gordeichik Sergey Alexeevich,
judge of the Volgograd regional court,
candidate of juridical sciences;
e-mail: pensero1@yandex.ru

* * *

С. А. Корнеев**ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА**

Современное законодательство, регламентирующее вопросы, связанные с установлением административного надзора в отношении определенной категории граждан, дает возможность неоднозначного толкования рассматриваемого феномена. В частности, возникают трудности при формулировании понятия административного надзора, его отраслевой принадлежности и определении свойственных ему существенных признаков. Это указывает на необходимость глубокого доктринального исследования административного надзора, а равно иных вопросов, связанных с его практической реализацией. Цель работы заключается в определении понятия, сущности административного надзора и его места в системе мер государственного принуждения. С учетом формальных и материальных признаков, присущих рассматриваемой категории, формулируется вывод о том, что административный надзор представляет собой меру государственного принуждения, назначаемую по решению суда. Административный надзор применяется в превентивных целях к лицу, освобожденному из мест лишения свободы и имеющему неснятую или непогашенную судимость за отдельные виды преступлений, и заключается в предусмотренных действующим законодательством лишении и ограничении прав и свобод этого лица.

Ключевые слова: административный надзор, уголовная ответственность, административная ответственность, мера государственного принуждения.

S. A. Korneev**DOCTRINAL DEFINITION AND ESSENCE
OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION**

Modern legislation regulating aspects of the administrative supervision imposition in relation to a certain category of citizens offers an opportunity of varying interpretations of the considered phenomenon. In particular there are difficulties by definition of the term of administrative supervision, its sectoral affiliation and its essential features. It determines the urgency of a complete doctrinal study of administrative supervision, as well as aspects related to its practical implementation. The aim of the research is to define the term, the essence of administrative supervision and its place in the system of state compulsion measures. Based on the formal and material characteristics of the investigated category it can be concluded that administrative supervision is a measure of state compulsion imposed by a court decision. Administrative supervision is applied for preventive purposes to a person with an unexpunged or unspent convictions for certain types of crimes released from places of confinement and consists in the stipulated by current legislation deprivation and restriction of his rights and freedoms.

Key words: administrative supervision; criminal liability; administrative liability; measure of state compulsion.

За последнее время проблема определения сущности, социально-правовой природы административного надзора и его места в системе мер государственного принуждения стала предметом повышенного внимания в специализированной литературе. К сожалению, на сегодняшний день юридической доктриной не выработаны необходимые критерии, способствующие отнесению административного надзора к определенной отрасли права в целом, либо к конкретной совокупности мер, применяемых в связи с нарушением правового запрета.

Законодательно административный надзор представлен в качестве *наблюдения* (курсив наш. — С. К.), осуществляемого органами внутренних дел (далее — ОВД) за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом обязанностей, а также временных ограничений его прав и свобод (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — ФЗ)) [1]. В то же время в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда административный

надзор представляет собой *меру* (курсив наш. — С. К.), назначаемую в превентивных целях в отношении лиц, имеющих судимость за определенные виды преступлений [2].

Приведенные дефиниции не позволяют сформулировать единого однозначного понимания административного надзора, так как в первом случае под ним понимается контрольно-надзорный процесс правоохранительных органов за конкретным гражданином, во втором — объем лишений и ограничений лица, освобожденного из мест лишения свободы и имеющего неснятую или непогашенную судимость за определенные законом преступления.

Сущность административного надзора проявляется в определенных законодательством лишениях и ограничениях (в том числе конституционного характера) лица, освобожденного из мест лишения свободы и имеющего неснятую или непогашенную судимость за совершение определенных действующим законодательством преступлений, которые находят свое выражение в обязательной явке в контролирующий орган, а также запрете:

- пребывания в определенных местах;
- посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- пребывания вне места жительства в определенное время суток;
- выезда за установленные судом пределы территории (ст. 4 ФЗ).

Заявленные ограничения устанавливаются в превентивных целях, а также в целях оказания индивидуального профилактического воздействия, защиты государственных и общественных интересов (ст. 2 ФЗ).

На первый взгляд, вариативность и содержание заявленных ограничений схожи с обязанностями, назначение которых предусмотрено уголовным законодательством в отношении условно осужденного лица (ч. 5 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), лица, условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания (ч. 2 ст. 79 УК РФ), лица, которому назначено наказание в виде ограничения свободы (ч. 1 ст. 53 УК РФ). В связи с этим возникает потребность в определении критериев для разграничения сферы административного и уголовного регулирования. В то же время не представляется возможным детализировать отраслевую принадлежность административного надзора в связи со следующими обстоятельствами:

1. Основания и порядок установления административного надзора регулируются федеральным (ст. 3, ст. 6 ФЗ) и уголовно-исполнительным законодательством (ст. 173.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)). Так, административный надзор устанавливается в отношении совершеннолетнего лица, освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

- тяжкого или особо тяжкого преступления;
- преступления при рецидиве преступлений;
- умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего;

— двух и более преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ч. 1 ст. 228, ст. 228³, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234¹ УК РФ).

Помимо этого основанием установления административного надзора служит юридически значимый факт в виде:

— признания лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

— совершения лицом, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющим непогашенную либо неснятую судимость, в течение одного года двух и более административных правонарушений.

2. Ответственность за уклонение от исполнения установленных судом обязанностей и ограничений предусмотрена как административным (ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)), так и уголовным законодательством (ст. 314¹ УК РФ), что может свидетельствовать о его межотраслевой принадлежности.

Итак, на законодательном уровне вопросы, связанные с понятием, сущностью, отраслевой принадлежностью административного надзора, а также его соотношением с той или иной совокупностью мер государственного принуждения имеют неоднозначное, а в ряде случаев противоречивое толкование. Вследствие чего полагаем, что данный пробел может быть восполнен только с учетом имеющихся научных исследований.

В специализированной литературе сущность административного надзора предлагается понимать по-разному. Отдельные исследователи представляют его в качестве института административного права [3, с. 9], правового института, находящегося на стыке уголовно-исполнительного и полицейского права [4, с. 35], другие склонны полагать, что административный надзор — это государственный контроль за неблагополучной в криминальном отношении личностью, реализуемый за рамками уголовной ответственности [5, с. 99]; государственно-управленческая деятельность государственных органов и их должностных лиц, имеющая особый характер правового воздействия, связанного с применением различных методов государственного управления и средств правового воздействия [6, с. 271]; профилактическая мера, применяемая к определенной категории осужденных [7, с. 145]; система временных мер надзора и контроля, осуществляемых ОВД в отношении определенной категории осужденных, освобожденных из мест лишения свободы

в превентивных целях [8, с. 9]; мера уголовной ответственности, самостоятельная форма ее практической реализации [9, с. 156].

Не вдаваясь в критический анализ и не умаляя значимости того или иного доктринального подхода, мы склонны соглашаться со специалистами, определяющими административный надзор в качестве меры. Действительно, административный надзор, равно как и наказание, представляет собой меру государственного принуждения, которая измеряется объемом лишений и ограничений, испытываемых лицом, совершившим преступление. Отметим, что приведенные в сравнение категории не являются тождественными, а, напротив, представляют собой обособленные друг от друга формы государственного воздействия. В то же время назревает вопрос о конкретизации обозначенной меры, определении ее сущностных признаков и отраслевой принадлежности.

Представляется, что административный надзор, несмотря на свое название, по своей сути более близок к сфере уголовно-правовых отношений, нежели административных.

Во-первых, непосредственным условием установления административного надзора является совершение преступления, осуждение лица, его совершившего, и назначение наказания.

Во-вторых, согласно действующему законодательству, предпосылками установления административного надзора являются условия уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера (ст. 3 ФЗ).

В-третьих, установление административного надзора зависит от категории и вида совершенного преступления, наличия рецидива, поведения как в период отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

В-четвертых, целевая установка административного надзора заключается в предупреждении совершения преступлений и других правонарушений, оказании на лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих неснятую или непогашенную судимость за определенные нормами ФЗ преступления, индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Представляется, что административный надзор является лишь средством достижения заявленного конечного результата, который, в свою очередь, может быть сопоставлен как с целями наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), так и с задачами УК РФ (ст. 2 УК РФ).

В-пятых, между административным надзором и институтом судимости прослеживается очевидная корреляция:

— специфические обременения устанавливаются исключительно в отношении лица, отбывшего наказание и имеющего *непогашенную или неснятую судимость* за определенные преступления (ст. 1 ФЗ);

— реализация административного надзора ограничена временными рамками судимости (ч. 1 ст. 5 ФЗ);

— погашение или снятие судимости является одним из оснований прекращения административного надзора (ч. 1 ст. 9 ФЗ).

В-шестых, административный надзор устанавливается исключительно на основании решении суда и, соответственно, носит принудительный характер.

В-седьмых, реализация контроля за исполнением возложенных судом обременений в рамках установления административного надзора, равно как при условно-досрочном освобождении, возлагается на ОВД.

По мнению отдельных исследователей, безусловная уголовно-правовая природа административного надзора отражается в характере обременений, испытываемых поднадзорным лицом [9, с. 156]. Действительно, рассматриваемые лишения и ограничения тождественны обязанностям, возлагаемым судом в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, — при назначении наказания в виде ограничения свободы, при условном осуждении, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Так, при совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления суд в качестве дополнительного вида наказания может назначить ограничение свободы. В рамках последнего после освобождения из мест лишения свободы осужденный испытывает определенные нормы уголовного закона ограничения (ч. 1 ст. 53 УК РФ), на момент окончания реализации которых устанавливается административный надзор. Представляется, что сущность уголовно-правовых обременений принципиально не меняется, в связи с чем можно говорить о пролонгации лишений и правоограничений лица, имеющего неснятую и непогашенную судимость.

Подобный процесс наблюдается при привлечении к уголовной ответственности лица, уклоняющегося от административного надзора (ст. 314¹ УК РФ). Так, Елабужский городской суд Республики Татарстан, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, пришел к выводу о назначении наказания в виде лишения свободы. Формулируя окончательное решение, суд учел признательные показания обвиняемого, обстоятельства дела, его семейное положение и посчитал возможным применить при назначении наказания требования ст. 73 УК РФ. Таким образом, суд приговорил признать Ш. виновным в совершении преступления и назначил наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев условно с возложением определенных обязанностей: являться в специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за пове-

дением условно осужденных, и не менять постоянного места жительства без уведомления вышеуказанного органа [10]. Из приведенного, а равно иных примеров судебной практики, следует, что лишения и ограничения, испытываемые осужденным в рамках административного надзора, с назначением лишения свободы условно принципиально не меняются.

Административный надзор может быть установлен в период исполнения лицом обязанностей, связанных с условно-досрочным освобождением из мест лишения свободы [2]. Кроме того, согласно действующему законодательству административный надзор устанавливается в отношении лица, которое в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (ч. 3 ст. 3 ФЗ) [11, с. 59]. Согласно уголовно-исполнительному законодательству, если в течение одного года со дня наложения взыскания не будет применено новое, осужденный считается не имеющим взыскания (ч. 4 ст. 59 УК РФ). Ввиду этого, по общим правилам, данный факт не является поводом, препятствием для отказа судом в удовлетворении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, если, например, лицо совершило злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания в начале исполнения назначенного судом наказания. Ключевыми факторами в решении указанного вопроса являются поведение осужденного, его отношение к учебе и труду, имеющиеся поощрения и взыскания, отношение к совершенному деянию, частичное или полное возмещение причиненного преступлением ущерба или иное заглаживание вреда, заключение администрации учреждения уголовно-исполнительной системы о целесообразности применения условно-досрочного освобождения (ч. 4¹ ст. 79 УК РФ). Исходя из этого, круг обязанностей, возлагаемых судом на условно-досрочно освобожденное лицо

после окончания испытательного срока, может быть пролонгирован, но уже в рамках административного надзора.

Итак, по своей сущности лишения и ограничения, испытываемые лицом в рамках реализации уголовной ответственности, тождественны ограничениям, назначаемым при установлении административного надзора, в связи с чем можно говорить лишь об их пролонгации. Реализация административного надзора при этом вступает в противоречие с общепризнанными принципами права, так как за совершение одного и того же деяния, запрещенного уголовным законом, осужденный испытывает двойную репрессию со стороны государства.

Таким образом, точка зрения, согласно которой административный надзор представляет собой самостоятельную форму реализации уголовной ответственности, нуждается в дополнительной научной аргументации ввиду прямого нарушения принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Подводя итог настоящему исследованию, отметим:

1. Сущность административного надзора отождествляется с объемом обременений уголовно-правового характера, испытываемых осужденным в рамках реализации отдельных видов наказания, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

2. С учетом принципов уголовного права, реализация административного надзора осуществляется за пределами уголовной ответственности.

3. Административный надзор есть мера государственного принуждения, назначаемая по решению суда. Административный надзор применяется в превентивных целях к лицу, освобожденному из мест лишения свободы и имеющему неснятую или непогашенную судимость за отдельные виды преступлений, и заключается в предусмотренных законодательством лишении и ограничении прав и свобод этого лица.

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32939/page/1> (дата обращения: 27.01.2021).

2. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 15 // Российская газета. 2017. 24 мая.

3. Перец В. И., Петров А. И., Стеблянка А. Л. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: учеб.-практ. пособие. Киев: Тип. МВД УССР, 1976. 115 с.

1. Federal Law No. 64-FZ on 6 April 2011. "On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty". Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32939/page/1>. Accessed: 27 January 2021. (in Russian).

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 on 16 May 2017. "On some issues that arise when courts consider cases on administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty". Rossiyskaya Gazeta. 2017. 24 May. (in Russian).

3. Peretz V. I., Petrov A. I., Steblyanko A. L. Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty. Educational and practical manual. Kiev: Printing House of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR; 1976: 115. (in Russian).

4. Крымов А. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из исправительных учреждений, как институт уголовно-исполнительного и полицейского права // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 35—37.

5. Понятовская Т. Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 98—103.

6. Мартынов А. В. Административный надзор как способ осуществления контрольной власти // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 269—271.

7. Буторина Т. Н. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 190 с.

8. Абатуров А. И. Административный надзор как форма постпенитенциарного контроля: учеб.-метод. пособие. Киров: Кировский филиал Акад. ФСИН России, 2012. 148 с.

9. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск: Вышэйш. шк., 1976. 384 с.

10. Приговор от 30 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-265/2020 // Архив Елабужского городского суда Республики Татарстан. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ITQ9D5pjlYxv/> (дата обращения: 26.01.2021).

11. Гордополов А. Н. Некоторые аспекты исполнения лишения свободы в отношении злостных нарушителей режима отбывания наказания // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 4. С. 56—61.

4. Krymov A. A. Administrative supervision of persons released from correctional institutions as an institution of penal enforcement and police law. Man: crime and punishment. 2013; 1: 35—37. (in Russian).

5. Poniatovskaya T. G. Crime prevention: security measures, administrative supervision. Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013; 3: 98—103. (in Russian).

6. Martynov A. V. Administrative supervision as a way of exercising control power. Gaps in Russian legislation. 2009; 2: 269—271. (in Russian).

7. Butorina T. N. Criminal and executive law. Textbook. Kirov: VYATGGU Publishing House; 2012: 190. (in Russian).

8. Abaturov A. I. Administrative supervision as a form of post-penitentiary control: an educational and methodological manual. Kirov: Kirov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2012: 148. (in Russian).

9. Bagriy-Shakhmatov L. V. Criminal liability and punishment. Minsk: Vysheyshaya shkola; 1976: 384. (in Russian).

10. Verdict on 30 July 2020 in criminal case No. 1-265/2020. Archive of the Yelabuga City Court of the Republic of Tatarstan. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/ITQ9D5pjlYxv/>. Accessed: 26 January 2021. (in Russian).

11. Gordopolov A. N. Some aspects of the execution of deprivation of liberty in relation to malicious violators of the regime of serving punishment. Jurist of the South of Russia and Transcaucasia. 2019; 4: 56—61. (in Russian).

© Korneev S. A., 2021

© Кorneев С. А., 2021

Кorneев Сергей Александрович,

адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии права и управления ФСИН России;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

Korneev Sergey Alexandrovich,

associate adjunct of the faculty
of training scientific and pedagogical personnel
of the Academy of law management
of the FPS of Russia;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

* * *

А. А. Лихолетов**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПЕРЕВОЗКАМ ПассажиРОВ АВТОБУСАМИ
БЕЗ РЕГИСТРАЦИИ ИЛИ БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ
КАК ФОРМА НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Как и любая сфера жизни, уголовный закон подвержен изменениям, обусловленным определенными потребностями общества на конкретном этапе его развития. Основу трансформации уголовного закона составляют такие элементы уголовной политики, как криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация. Нередко законодатель, учитывая общественную опасность отдельных видов деяния, подпадающих под признаки одного и того же состава преступления, идет по пути ужесточения ответственности путем конструирования специальных уголовно-правовых норм. В последнее время в нашей стране в ходе рейдовых мероприятий, проводимых сотрудниками правоохранительных и контролирурующих органов, стало выявляться немало фактов перевозки пассажиров автотранспортом без регистрации или без лицензии на данный вид деятельности. Помимо того, что в результате незаконного предпринимательства причиняется вред экономике государства, подобные действия создают реальную угрозу транспортной безопасности. В настоящей статье предпринята попытка обоснования необходимости введения специальной нормы об уголовной ответственности за осуществление деятельности по перевозкам пассажиров автобусами без регистрации или без лицензии.

Ключевые слова: государственная регистрация, лицензия, незаконное предпринимательство, пассажирский транспорт.

А. А. Likholetov**ACTIVITY RELATED TO PUBLIC TRANSPORTATION
CARRIED OUT BY BUSES
IN ABSENCE OF REGISTRATION DOCUMENTS OR LICENSE
AS A FORM OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP**

Criminal law like any sphere of our life is subject to changes due to the specific needs of the society at a particular stage of its development. Transformation of the criminal law is based on such elements of the criminal policy as criminalization and decriminalization as well as penalization and de-penalization. Taking into account social danger of certain types of acts having the signs of the same corpus delicti a legislator often tries to reinforce responsibility by developing special criminal legal norms. Lately in our country during traffic raids made by law enforcement officials as well as supervisory bodies many facts of public transportation carried out in absence of registration documents or license have been obvious. In addition to the fact that as a result of illegal entrepreneurship harm is caused to the economy of the state such actions are said to be a real threat to transport safety on the whole. This article deals with attempts to verify necessity to implement a special provision on criminal liability for the activity related to public transportation carried out by the buses in absence of registration documents or license.

Key words: official registration, license, illegal entrepreneurship, public traffic / passenger traffic.

В нашей стране в течение последних лет наметилась тенденция роста дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с участием транспорта общего пользования. Так, согласно имеющимся статистическим данным в 2015 г. количество ДТП с участием автобусов увеличилось на 1,9 % по сравнению с 2014 г. и составило 4 910 случаев. В 2016 г. число таких происшествий возросло на 6 % — до 5 277. В 2017 г. зафиксировано 5 608 фактов, что на 5,9 % больше, чем в предшествующем году [1]. В 2018 г.

число ДТП выросло на 3,7 % и составило 5 800 случаев [2]. Рекордный рост аварий с участием пассажирских автобусов был отмечен и в следующем году. Так, всего за 10 месяцев 2019 г. зарегистрировано 5 598 подобных инцидентов, что на 12 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. [3]

Помимо увеличения количества дорожно-транспортных происшествий вызывает обеспокоенность закономерный рост числа погибших и пострадавших в таких авариях граждан.

Так, в 2016 г. погибли 239 человек, пострадали — 8 163. В 2017 г. количество погибших увеличилось более чем на четверть (26,1 %) и составило 324 человека, получивших телесные повреждения различной степени тяжести стало больше на 6,1 % — 8 693 человека [1]. В 2018 г. в результате оказания услуг по пассажирским перевозкам на дороге погибли 269 и пострадали 8 854 человека [4]. За 10 месяцев 2019 г. количество погибших составило 263 человека, получивших травмы — 8 242 [3].

Немалая доля дорожно-транспортных происшествий происходит по вине водителей автобусов, осуществляющих пассажирские перевозки нелегально, т. е. без необходимых для данного вида предпринимательской деятельности документов, в том числе лицензии.

Так, 3 апреля 2019 г. на 65-м км автодороги М-4 «Дон» водитель микроавтобуса «Мерседес Вито», двигаясь из Тулы в Москву, совершил столкновение с грузовым автомобилем «Скания», остановившемся на проезжей части в попутном направлении из-за затруднения в движении. В результате ДТП погибли 6 пассажиров и водитель автобуса, два человека, в том числе восьмилетний ребенок, пострадали. В ходе проверки установлено, что водитель микроавтобуса (частное лицо) осуществлял перевозку без лицензии, дублируя маршрут легального перевозчика Тула — Москва [4].

26 октября 2019 г. на 74-м км федеральной автомобильной дороги А-322 в Алтайском крае микроавтобус Fiat Ducato совершил столкновение с минивэном Nissan, в результате 8 человек погибли и 8 пострадавших были доставлены в медицинские учреждения для оказания помощи. В ходе расследования выяснилось, что автобус марки Fiat, принадлежавший администрации Алейского района, осуществлял перевозку артистов ансамбля «Сударушка» по маршруту с. Кабаково Алейского района — г. Барнаул без лицензии [5].

31 июля 2020 г. на трассе «Таврида» в Белогорском районе Республики Крым микроавтобус Mercedes Sprinter, перевозивший пассажиров без разрешительных документов, совершил столкновение со стоявшим на обочине автомобилем КамАЗ с прицепом. В результате аварии погибло 9 человек [6].

Несмотря на то что Федеральным законом от 30 октября 2018 г. в Федеральный закон № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее — ФЗ № 99) были внесены изменения, в соответствии с которыми обязательно лицензированию подлежат любые виды пассажирских перевозок автобусами (за исключением автомобилей пожарной охраны, медицинских служб, полиции и т. д.) [7], многие перевозчики не предприняли меры для получения соответствующего разрешительного документа и продолжали осуществлять перевозки без лицензии.

Данная ситуация вызвана множеством причин, среди которых основной следует назвать сложность получения разрешительного документа, обусловленную наличием ряда лицензионных требований, которым должен отвечать соискатель. Среди таковых закон называет, например:

- наличие лицензии на медицинскую деятельность, проведение медицинских осмотров либо заключенного договора об оказании услуг по проведению таких осмотров с организацией или индивидуальным предпринимателем, имеющими соответствующую лицензию;

- наличие ответственного за обеспечение безопасности дорожного движения работника, прошедшего в установленном порядке аттестацию на право заниматься соответствующей деятельностью;

- наличие в собственности или ином законном владении автобусов [8].

Кроме того, после получения разрешительного документа заинтересованное лицо в том числе должно:

- осуществлять деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения;

- для коммерческих перевозок использовать автобусы, сведения о которых указаны в договорах обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика;

- допускать к перевозкам автобусы, прошедшие предрейсовый или предсменный контроль их технического состояния и оснащенные тахографами регистрации режима труда и отдыха водителей транспортных средств, а также аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS;

- проводить техническое обслуживание автобусов в сроки, предусмотренные документацией заводов-изготовителей этих транспортных средств;

- передавать сведения о пассажирах и персонале автобуса в автоматизированную централизованную базу персональных данных;

- соблюдать установленные особенности режима рабочего времени и времени отдыха водителей;

- осуществлять инструктаж водителя автобуса, планирование мероприятий по предупреждению ДТП, анализ ДТП с участием автобусов, анализ, учет и хранение обращений граждан и организаций о нарушении водителями Правил дорожного движения Российской Федерации;

- проводить стажировки водителей автобусов;

- обеспечивать проведение медицинских осмотров водителей [8].

Для получения лицензии соискатель должен оплатить государственную пошлину в размере 7 500 рублей [9].

Следует отметить, что после выдачи разрешительного документа лицензирующий орган вносит

в соответствующий реестр сведения об автобусах перевозчика, в том числе идентифицирующую информацию и данные о дате проведения последнего технического осмотра транспортного средства [8], что позволяет уполномоченным органам контролировать соблюдение лицензиатом требований безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Дополнительные условия законодатель формулирует в отношении лиц, осуществляющих организованные перевозки детей. Так, для осуществления этой деятельности необходимо использование автобусов, с момента выпуска которых прошло не более 10 лет. В случае нахождения детей в пути следования более 3 часов в каждом автобусе необходимо наличие наборов пищевых продуктов [10].

Помимо лицензии каждый перевозчик, осуществляющий регулярные перевозки пассажиров по межрегиональным (межмуниципальным и муниципальным) маршрутам, должен получить соответствующее свидетельство и карту маршрута в порядке, установленном законом [11].

Таким образом, закон определяет ряд жестких требований, предъявляемых к лицензиатам, осуществляющим пассажирские перевозки автобусами, которым не во всех случаях может соответствовать лицо, желающее осуществлять данный вид предпринимательской деятельности.

Кроме получения правоустанавливающих документов перевозчик подлежит обязательному плановому и внеплановому лицензионному контролю за соблюдением им законодательных предписаний в указанной сфере со стороны уполномоченных органов. В первую очередь такой контроль направлен на установление соответствия лица лицензионным требованиям в области обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Помимо сложностей в лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров данной процедуре предшествует необходимость обязательной регистрации соискателя в качестве индивидуального предпринимателя либо создание им юридического лица, что также является трудоемким и длительным по времени процессом.

Отсутствие записи в реестрах ЕГРИП или ЕГРЮЛ и неполучение лицензии исключает возможность налогового контроля за данным видом предпринимательской деятельности.

По состоянию на конец 2019 г. один маршрутный автобус вместимостью 14 посадочных мест в среднем за месяц приносит своему владельцу доход (без вычета затрат) в размере 138 000 рублей [12; 13]. В случае осуществления данного вида незаконной предпринимательской деятельности указанный объем денежных средств уходит от налогообложения. Понятно, что размер ущерба

от одного нелегального перевозчика для экономики страны вряд ли ощутим. Однако статистика свидетельствует о том, что количество таких лиц исчисляется далеко не единицами.

Так, в ходе проведенных в г. Сыктывкаре в 2019 г. 48 рейдов было выявлено 38 фактов осуществления пассажирских перевозок без лицензии [14]. В июне 2020 г. ГИБДД г. Челябинска осуществлена проверка около 550 автобусов, из которых 23 единицы перевозили пассажиров без разрешительного документа [15]. В августе 2019 г. в течение недели в рамках проведенных мероприятий в г. Ялте выявлено 6 фактов безлицензионной деятельности в указанной сфере [16]. В рамках рейда, проведенного в г. Екатеринбурге, за один день выявлено три нарушителя требований о лицензировании пассажирских перевозок [17].

По состоянию на конец апреля 2019 г. в г. Казани ежесуточно на маршруте находится около 500 единиц автобусов, осуществляющих пассажирские перевозки без лицензии [18].

Приведенные данные не отражают истинного количества лиц, осуществляющих пассажирские перевозки автобусами без лицензии, поскольку такие лица предпринимают определенные меры предосторожности, что позволяет сохранять довольно высокий уровень латентности подобных правонарушений. Кроме того, планируемые рейдовые мероприятия по выявлению нарушений в сфере оказания услуг транспортом общего пользования широко освещаются в средствах массовой информации, проводятся публично, а информация о местонахождении сотрудников контролирующих органов, проводящих соответствующие проверки, часто достаточно быстро распространяется среди нелегальных перевозчиков. В итоге они либо меняют маршрут, либо в день рейда вообще не выпускают автобусы в рейс.

Так, после начала рейдовых мероприятий в г. Уфе 22 октября 2018 г. на следующий день, 23 октября 2018 г., из-за проведения проверок на линии маршрутов не вышли более 1 100 автобусов нелегальных перевозчиков [19].

Таким образом, пассажирские перевозки на транспорте общего пользования без лицензии причиняют ущерб экономике страны, заключающийся в сокращении получаемых доходов от налогообложения, недоимке предусмотренных законом выплат, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности и привлечением персонала для выполнения трудовых функций (водителей, механиков и т. д.).

Осуществление предпринимательской деятельности по перевозке пассажиров автобусами без разрешительного документа исключает возможность лицензионного контроля, что в итоге приводит к многочисленным нарушениям со стороны пере-

возчиков, влияющих в том числе и на состояние аварийности с участием транспорта общего пользования.

В качестве одного из распространенных нарушений со стороны безлицензионных перевозчиков специалистами выделено управление автобусами водителями, находящимися в нетрезвом состоянии. В результате проведенных в 2018 г. рейдов было выявлено более 2 500 водителей, находившихся в состоянии опьянения или отказавшихся от прохождения освидетельствования [4]. По вине нетрезвых водителей, осуществляющих пассажирские перевозки, в 2019 г. совершено 61 дорожно-транспортное происшествие [20].

Отсутствие лицензии исключает возложение на перевозчика обязанности осуществления пред рейсового осмотра водителей автобусов, которые, пользуясь отсутствием контроля, могут выйти в рейс нетрезвыми.

Отсутствие контроля за водителями приводит к нарушению ими режима труда и отдыха, что также нередко становится причиной ДТП. Так, 2 марта 2020 г. на 335-м км автодороги М7 «Волга» во Владимирской области произошло столкновение микроавтобуса Mercedes Sprinter и грузового автомобиля Mercedes. В итоге 14 человек пострадали и один погиб. В ходе расследования установлено, что перевозчик не имел лицензии на данный вид деятельности, а водитель уснул за рулем [21].

Переутомление водителя, осуществлявшего перевозку детей, стало одной из причин крупного ДТП, произошедшего 2 июля 2017 г. на автотрассе около г. Заинск Республики Татарстан, в ходе которого автобус Neoplan, следовавший из Самары в Ижевск, столкнулся с движущимся грузовым автомобилем MAN. В результате ДТП погибло 14 человек, в том числе 4 детей, и 9 человек пострадало. Пассажирские перевозки осуществлялись без разрешительного документа [22].

Наряду с отсутствием контроля за водителями автобусов, осуществляющими пассажирские перевозки без лицензии, из поля зрения уполномоченных органов выпадает неудовлетворительное в силу длительного срока эксплуатации состояние используемых транспортных средств.

По состоянию на начало 2019 г. 70 % российского автобусного парка составляли транспортные средства, находящиеся в пользовании более 10 лет. При этом 32 % используются для пассажирских перевозок более 25 лет, 20 % эксплуатируются 16—25 лет, 18 % парка составляют автобусы со сроком службы 11—18 лет [23]. Запас прочности конструкции такой техники снижается в 1,5—2,5 раза, что увеличивает риск внезапного отказа тормозной системы, систем рулевого управления и других элементов активной безопасности, а также выхода из строя иных узлов и агрегатов.

Так, 2 февраля 2019 г. на 128-м км трассы Калуга — Вязьма автобус MAN, перевозивший детей, опрокинулся в кювет. В результате погибло 7 и пострадало 23 человека. В ходе предварительного следствия установлено, что у перевозчика отсутствовала лицензия на данный вид деятельности, а автобус находился в эксплуатации более 30 лет и имел большой пробег [24].

В настоящее время ответственность за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии установлена ст. 14.1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): за однократное нарушение — административный штраф на граждан и должностных лиц в размере 50 000 рублей; индивидуальных предпринимателей — 100 000 рублей; юридических лиц — 400 000 рублей [25].

Приведенные примеры свидетельствуют о низкой эффективности превентивных мер, реализуемых административно-правовыми средствами. Безусловно, при наличии составообразующих признаков (извлечение дохода в крупном размере либо причинение крупного ущерба гражданам, организациям и государству) возможно применение ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Однако с учетом повышенной общественной опасности и относительной распространенности осуществления предпринимательской деятельности в сфере перевозок пассажиров автобусами возникла необходимость самостоятельного основания уголовной ответственности за указанные деяния.

При конструировании статьи, предусматривающей ответственность за осуществление предпринимательской деятельности в сфере перевозок пассажиров автобусами, с целью соблюдения требований внутренней целостности и согласованности норм УК РФ следует определить моделируемую норму в качестве специальной относительно состава незаконного предпринимательства. Данная позиция обусловлена наличием общих схожих признаков рассматриваемого деяния с преступлением, предусмотренным ст. 171 УК РФ.

Анализ административного законодательства позволяет прийти к выводу, что ст. 14.1.2 КоАП РФ «Осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии» является специальной по отношению к ст. 14.1 КоАП РФ «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)», что, в том числе, прослеживается и при анализе санкций указанных составов административных правонарушений, где простой состав осуществления предпринимательской деятельности без регистрации или лицензии влечет административный штраф в размере от 500 до 2 500 рублей, против минимально

возможного штрафа за осуществление безлицензионной деятельности в области транспорта от 50 000 рублей, предусмотренного в ч. 1 ст. 14.1.2 КоАП РФ.

Повышенная опасность деяния, предусмотренного ст. 14.1.2 КоАП РФ, подчеркивается законодателем не только спецификой этого деяния, но и многократным увеличением верхнего предела санкции за совершение правонарушения с основным составом.

При конструировании специального состава осуществления предпринимательской деятельности в сфере перевозок пассажиров автобусами предлагается предусмотреть в качестве альтернативного признака объективной стороны деяния в простом составе административную преюдицию [26] с одновременным исключением из ст. 14.1.2. КоАП РФ части второй, устанавливающей ответственность за повторное осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии.

Кроме того, принимая во внимание повышенную общественную опасность деяния, целесообразно предусмотреть снижение пороговой суммы, образующей доход в крупном размере.

Исходя из приведенного показателя среднемесячного дохода от использования одной единицы пассажирского транспорта вместимостью 14 посадочных мест без лицензии (138 000 рублей), можно прийти к выводу, что годовой объем выручки (без учета затрат) составит 1 656 000 рублей. В случае использования лицом более одного автобуса для оказания услуг по перевозкам пассажиров итоговая сумма увеличится в кратном размере.

Изложенные факты позволяют констатировать, что при определении размера дохода в крупном размере в составе осуществления предпринимательской деятельности в сфере перевозок пассажиров автобусами вполне возможно руководствоваться примечанием к ст. 171.2 УК РФ (в том числе и исходя из требований внутренней согласованности норм УК РФ), в соответствии с которым таковым следует признавать доход, превышающий 1 500 000 рублей.

Следует отметить, что в ФЗ № 99 анализируемый вид предпринимательства сформулирован как «деятельность по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами».

Понятие «пассажир», обозначающее физическое лицо, заключившее договор перевозки пассажира, или физическое лицо, в целях перевозки которого заключен договор фрахтования транспортного средства, нашло отражение в позитивном законодательстве [27], в отличие понятия «иное лицо», которым, как представляется, следует считать лицо, находящееся в автобусе (кроме водителя), с которым указанный выше гражданско-правовой договор не заключен (например, безбилетный пассажир).

С целью исключения возможных проблем в правоприменении при квалификации деяния необходимо руководствоваться дефиницией термина «пассажир», закрепленной в Правилах дорожного движения [28], и считать таковым лицо, кроме водителя, находящееся в транспортном средстве (на нем), а также лицо, которое входит в транспортное средство (садится на него) или выходит из транспортного средства (сходит с него).

Автобусом, исходя из положений позитивного законодательства, признаются транспортные средства, используемые для перевозки пассажиров, имеющие, помимо места водителя, более восьми мест для сидения [29; 30].

Дефиниции понятий «автобус» и «пассажир» целесообразно раскрыть в примечаниях к моделируемой уголовно-правовой норме.

Несмотря на то что в качестве перевозчика в большинстве случаев выступает одно лицо, не следует исключать возможности совершения указанного преступления в соучастии, что, наряду с извлечением дохода в особо крупном размере, должно быть предусмотрено в качестве квалифицирующего признака проектной статьи.

Так, в г. Перми выявлены двое граждан, которые, действуя совместно, в период с конца 2013 г. по май 2015 г., имея в собственности 16 автомобилей «ГАЗель», осуществляли регулярные перевозки пассажиров на автобусах, имеющих технические неисправности [31].

Наибольшей общественной опасностью будет обладать незаконная предпринимательская деятельность в сфере перевозок пассажиров автобусами, совершенная организованной группой, ответственность за совершение которой должна быть предусмотрена в ч. 3.

С учетом сказанного ст. 171.5 УК РФ предлагается изложить следующим образом (редакция примерная):

«Статья 171.5. Незаконная перевозка пассажиров автобусами

1. Осуществление деятельности по перевозкам пассажиров автобусами без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, совершенным в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания за такие же нарушения, а равно сопряженным с извлечением дохода в крупном размере, —

наказываются...

2. То же деяние:

а) совершенное группой лиц по предварительному сговору;

б) сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, —

наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, — наказываются...

Примечания.

1. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере — шесть миллионов рублей.

1. Опасный транспорт. URL: <https://rg.ru/2018/02/14/gosavtoinspekciia-nazvala-chislo-pogibshih-pri-dtp-v-2017-godu.html> (дата обращения: 02.11.2020).

2. Статистика ДТП за 2018 год. URL: <https://1gai.ru/publ/522047-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2018-god.html> (дата обращения: 02.11.2020).

3. Количество ДТП с автобусами увеличилось на 12 %. URL: <https://newizv.ru/news/society/05-12-2019/neeftivnye-mery-kolichestvo-dtp-s-uchastiem-avtobusov-vyroslo-na-12> (дата обращения: 02.11.2020).

4. Рейс в никуда. URL: <https://rg.ru/2019/04/04/pochemu-avtobusnye-poezdki-stanoviatsia-vse-opasnee.html> (дата обращения: 19.11.2020).

5. Попавший в ДТП в Алтайском крае микроавтобус перевозил людей без лицензии. URL: <https://www.interfax.ru/russia/681879> (дата обращения: 19.11.2020).

6. У водителя разбившейся в Крыму маршрутки не было разрешения на перевозки. URL: <https://ria.ru/20200731/1575201212.html> (дата обращения: 19.11.2020).

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования лицензирования деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами: федер. закон от 30 октября 2018 г. № 386-ФЗ // Рос. газ. 2018. 2 нояб.

8. О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами (вместе с «Положением о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами»): постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2019 г. № 195. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.11.2020).

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Рос. газ. 2000. 10 авг.

10. Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами: постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2013 г. № 1177 // СЗ РФ. 2013. № 52, ч. II. Ст. 7174.

11. Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспор-

2. Под пассажиром в настоящей статье понимается лицо, кроме водителя, находящееся в транспортном средстве (на нем), а также лицо, которое входит в транспортное средство (садится на него) или выходит из транспортного средства (сходит с него).

3. Под автобусом в настоящей статье понимается транспортное средство, используемое для перевозки пассажиров, имеющее помимо места водителя более восьми мест для сидения».

1. Dangerous Transport. Available from: <https://rg.ru/2018/02/14/gosavtoinspekciia-nazvala-chislo-pogibshih-pri-dtp-v-2017-godu.html>. Accessed: 2 November 2020. (in Russian).

2. Statistics of Traffic Accidents for 2018 Year Period. Available from: <https://1gai.ru/publ/522047-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2018-god.html>. Accessed: 2 November 2020. (in Russian).

3. The Number of Traffic Accidents to Involve Buses Increased by 12 %. Available from: <https://newizv.ru/news/society/05-12-2019/neeftivnye-mery-kolichestvo-dtp-s-uchastiem-avtobusov-vyroslo-na-12>. Accessed: 2 November 2020. (in Russian).

4. Route to Nowhere. Available from: <https://rg.ru/2019/04/04/pochemu-avtobusnye-poezdki-stanoviatsia-vse-opasnee.html>. Accessed: 19 November 2020. (in Russian).

5. In the Altai Territory the Minibus in Absence of a License to Have Got in the Traffic Accident while Transporting People. Available from: <https://www.interfax.ru/russia/681879>. Accessed: 19 November 2020. (in Russian).

6. In the Crimea the Driver of Crashed Minibus Didn't Have a License for Transportation. Available from: <https://ria.ru/20200731/1575201212.html>. Accessed: 19 November 2020. (in Russian).

7. Federal Law No. 386-FZ on 30 October 2018. "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part to Improve Licensing of Activity Related to Public Transportation". Rossiyskaya Gazeta. 2018. 2 November. (in Russian).

8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 195 on 27 February 2019. "On Licensing Activity Related to Passengers and other Persons Transportation by Buses" (Including "Regulations on Licensing Activity Related to Passengers and other Persons Transportation by Buses"). Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. Accessed: 19 November 2020. (in Russian).

9. Tax Code of the Russian Federation (Part II). Rossiyskaya Gazeta. 2000. 10 August. (in Russian).

10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1177 on 17 December 2013. "On Approval of the Rules Related to Organized Public Transportation of Children by Buses". Collected Legislation of the Russian Federation. 2013; No. 52 (Part II); Art. 7174. (in Russian).

том и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ // Рос. газ. 2015. 17 июля.

12. Заработок на маршрутке. URL: <https://svprint34.ru/biznes/zarabotok-na-marshrutke/#i-10> (дата обращения: 20.11.2020).

13. Бизнес-идея маршрутное такси: с чего начинать и сколько можно заработать? URL: <https://abcbiznes.ru/biznes-idei/transportation-transportation/18866-marshrutnoe-taksi.html#i-10> (дата обращения: 20.11.2020).

14. В Коми с начала года зарегистрированы пять смертельных ДТП с автобусами. URL: <https://komiinform.ru/news/190499> (дата обращения: 20.11.2020).

15. В Челябинске выявлено более 20 автобусов, работающих без лицензии. URL: <https://vecherka.su/articles/news/157885> (дата обращения: 22.11.2020).

16. В Ялте сотрудники ГИБДД за неделю выявили более 760 нарушений в области пассажирских перевозок автобусами и такси. URL: <http://www.yalta-24.ru/vsya-yalta/ofitsialno/21618-v-yalte-sotrudniki-gibdd-za-nedelyu-vyyavili-bolee-760-narushenij-v-oblasti-passazhirskikh-perevozok-avtobusami-i-taksi> (дата обращения: 21.11.2020).

17. В ходе рейда под Екатеринбург нашли 24 неисправных автобуса. URL: <https://www.oblgazeta.ru/society/auto/98748/> (дата обращения: 21.11.2020).

18. Не найти в случае ЧП. Чем опасны автобусы нелегальных перевозчиков. URL: https://auto.rambler.ru/roadaccidents/42094051/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.11.2020).

19. В Уфе назвали количество арестованных автобусов-«нелегалов». URL: <https://www.bashinform.ru/news/1230135-v-ufe-nazvali-kolichestvo-arestovannykh-avtobusov-nelegalov> (дата обращения: 22.11.2020).

20. По вине пьяных водителей в прошлом году произошло около 15 тысяч ДТП. URL: <https://ria.ru/20200227/1565294969.html> (дата обращения: 21.11.2020).

21. Водитель автобуса, попавшего в ДТП под Владимиром, заснул за рулем. URL: <https://ria.ru/20200302/1566779948.html> (дата обращения: 21.11.2020).

22. В Татарстане огласили приговор по делу о ДТП с 14 погибшими. URL: <https://rg.ru/2018/02/15/reg-pfo/v-tatarstane-oglasili-prigovor-po-delu-o-dtp-s-14-pogibshimi.html> (дата обращения: 22.11.2020).

23. Вопрос жизни и смерти: автобусы в России губят детей. URL: <https://www.gazeta.ru/social/>

11. Federal Law No. 220-FZ on 13 July 2015. "On Organization of Regular Public and Luggage Transportation by Motor-Service Transport and Urban Electric Transport in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2015; 17 July. (in Russian).

12. Earnings by Driving «Marshrootka» / Minibus. Available from: <https://svprint34.ru/biznes/zarabotok-na-marshrutke/#i-10>. Accessed: 20 November 2020. (in Russian).

13. Marshrootka / Minibus Business Idea: How to Start and How Much Can You Earn? Available from: <https://abcbiznes.ru/biznes-idei/transportation-transportation/18866-marshrutnoe-taksi.html#i-10>. Accessed: 20 November 2020. (in Russian).

14. In Komi Five Fatal Traffic Accidents to Involve Buses Have Been Registered since the Beginning of the Year. Available from: <https://komiinform.ru/news/190499>. Accessed: 20 November 2020. (in Russian).

15. In Chelyabinsk more than 20 Buses Working in Absence of a License Were Identified. Available from: <https://vecherka.su/articles/news/157885>. Accessed: 22 November 2020. (in Russian).

16. In Yalta more than 760 Violations of Public Transportation (including Buses and Taxis) Have Been Registered by Traffic Police Officers for a Week. Available from: <http://www.yalta-24.ru/vsya-yalta/ofitsialno/21618-v-yalte-sotrudniki-gibdd-za-nedelyu-vyyavili-bolee-760-narushenij-v-oblasti-passazhirskikh-perevozok-avtobusami-i-taksi>. Accessed: 21 November 2020. (in Russian).

17. Near Yekaterinburg during Traffic Raid 24 Technically Unrepaired Buses were Identified. Available from: <https://www.oblgazeta.ru/society/auto/98748/>. Accessed: 21 November 2020. (in Russian).

18. It is Impossible to Find (Anybody /Anything) in Case of Emergency. Why are "Illegal" Buses so Dangerous? Available from: https://auto.rambler.ru/roadaccidents/42094051/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. Accessed: 22 November 2020. (in Russian).

19. The Number of «Illegal» Buses to Have Been Arrested Was Informed about in Ufa. Available from: <https://www.bashinform.ru/news/1230135-v-ufe-nazvali-kolichestvo-arestovannykh-avtobusov-nelegalov>. Accessed: 22 November 20. (in Russian).

20. Last Year There Were about 15 Thousand Traffic Accidents Because of the Drunk Drivers. Available from: <https://ria.ru/20200227/1565294969.html>. Accessed: 21 November 2020. (in Russian).

21. Near Vladimir the Driver of Bus Involved in the Traffic Accident Fell Asleep while Driving. Available from: <https://ria.ru/20200302/1566779948.html>. Accessed: 21 November 20. (in Russian).

2019/02/05/12163951.shtml?updated (дата обращения: 22.11.2020).

24. Роковой маршрут. URL: <https://rg.ru/2019/02/03/reg-cfo/avtobus-s-detmi-razbilsia-pod-kalugoj-pogibli-sem-chelovek.html> (дата обращения: 22.11.2020).

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.

26. Лихолетов А. А. Преступления в сфере игорного бизнеса: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 232 с.

27. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: федер. закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Рос. газ. 2007. 17 нояб.

28. О правилах дорожного движения: постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531.

29. ТР ТС 018/2011 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (с изменениями на 21 июня 2019 г.) // Официальный сайт Комиссии таможенного союза. URL: www.tsouz.ru (дата обращения: 23.11.2020).

30. О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами (вместе с «Положением о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами»): постановление Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 1616. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. В Перми будут судить водителей «Газелей», возивших пассажиров на Висим. URL: <https://59.ru/text/gorod/62614041> (дата обращения: 30.11.2020).

© Лихолетов А. А., 2021

Лихолетов Александр Александрович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

22. In Tatarstan Verdict on Case of the Traffic Accident Resulting in 14 Dead Persons was Issued. Available from: <https://rg.ru/2018/02/15/reg-pfo/v-tatarstane-oglasili-prigovor-po-delu-o-dtp-s-14-pogibshimi.html>. Accessed: 22 November 2020. (in Russian).

23. Problem of Life-and-Death: Buses in Russia are Killing Children. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2019/02/05/12163951.shtml?updated>. Accessed: 22 November 2020. (in Russian).

24. Fatal Route. Available from: <https://rg.ru/2019/02/03/reg-cfo/avtobus-s-detmi-razbilsia-pod-kalugoj-pogibli-sem-chelovek.html>. Accessed: 22 November 2020. (in Russian).

25. Federal Law No. 195-FZ on 30 December 2001. "Code of Administrative Offenses of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2001. 31 December. (in Russian).

26. Likholetov A. A. Crimes in Gambling Business Sphere: Criminal Legal and Criminological Aspects. Monograph. Ed. by doctor of juridical sciences, docent N. A. Yegorova. Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia; 2015: 94—97. (in Russian).

27. Federal Law No. 259-FZ on 8 November 2007. "Statute of Motor-Service Transport and Urban Electric Transport" (as amended on 18.03.2020). Rossiyskaya Gazeta. 2007. 17 November. (in Russian).

28. Decree of the Council of Ministers — Government of the Russian Federation № 1090 dated 23 October 1993. "On Traffic Rules". Collection of Legal Acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993; No. 47; Art. 4531. (in Russian).

29. TR CU 018/2011 Technical Regulations of the Customs Union (as amended on 21 June 2019). "On Safety of Wheeled Vehicles". Available from: www.tsouz.ru. Accessed: 23 November 2020. (in Russian).

30. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1616 on 07 October 2020. "On Licensing Activity Related to Passengers and other Persons Transportation by Buses" (Including "Regulations on Licensing Activity Related to Passengers and other Persons Transportation by Buses"). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

31. In Perm the Drivers of «Gazelles» Minibuses, Who Transported Passengers to Visim Station, Will Be Tried. Available from: <https://59.ru/text/gorod/62614041>. Date of access: 30 November 2020. (in Russian).

© Likholetov A. A., 2021

Likholetov Alexander Alexandrovich,
associate professor at the criminal law
department of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

В. А. Поникаров**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ,
СОДЕРЖАЩИМИСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ,
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА**

Статья посвящена разработке мер профилактики насильственных действий сексуального характера среди осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Автор анализирует степень общественной опасности совершения насильственных действий сексуального характера осужденными в исправительных учреждениях, а также предлагает рекомендации, направленные на снижение уровня преступности данного вида. Длительная изоляция, психические отклонения, имеющиеся у осужденных, а также иные детерминанты способствуют совершению преступлений против половой свободы в исправительных учреждениях, сопровождающихся нередко применением физического насилия, угроз, а иногда более опасными преступлениями (убийством, причинением тяжкого вреда здоровью). Совершение насильственных действий сексуального характера осужденными влечет за собой временную потерю трудоспособности потерпевшим, вероятность передачи венерических заболеваний, формирования психических расстройств, может способствовать принятию решения потерпевшим о самоубийстве. Следовательно, сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны владеть необходимыми знаниями, касающимися профилактики насильственных действий сексуального характера осужденными в условиях их содержания в местах лишения свободы.

Ключевые слова: меры профилактики, насильственные действия сексуального характера, осужденные, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.

V. A. Ponikarov**MAIN AREAS OF WORK WITH PRISONERS
HELD IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS
FOR THE PREVENTION OF SEXUAL VIOLENCE**

The article is devoted to the development of measures to prevent sexual violence among convicts held in correctional institutions. The author examines the degree of public danger of sexual assault committed by convicts in correctional institutions, and makes recommendations aimed at reducing the level of crime of this type. Prolonged isolation, mental abnormalities of convicts, as well as other determinants, contribute to the commission of crimes against sexual freedom in correctional institutions, often accompanied by the use of physical violence, threats, and sometimes more dangerous crimes (murder, causing serious bodily harm). The commission of sexual violence by convicts entails a temporary disability of the victims, the likelihood of transmission of sexually transmitted diseases, the formation of mental disorders, can contribute to the decision of the victims on suicide. Consequently, prison officers are required to have the necessary knowledge regarding the prevention of sexual assault by convicted persons in detention.

Key words: prevention measures, sexual assault, convicts, correctional facilities, penal system.

Среди преступлений против личности одними из наиболее общественно опасных являются преступления против половой свободы. Между тем в уголовно-правовой литературе эти виды преступлений практически не рассматривались. Профессор И. И. Карпец говорил о том, «что причиной того, что до сих пор мало уделяется внимания весьма сложным проблемам, связанным с совершением половых преступлений, является какая-то непонятная „стыдливость“, сковывавшая специалистов уголовного права» [1, с. 19].

В настоящее время в нашей стране по данной тематике проводится также очень мало научных исследований как уголовно-правовой, так и криминологической направленности. Вследствие этого у многих практических и некоторых научных работников существует определенный пробел в знаниях об этиологии и мерах профилактики насильственных действий сексуального характера. Тогда как в иностранной, и главным образом в немецкой литературе уже несколько десятков лет этой про-

блеме посвящается большое количество серьезных медицинских, юридических и социологических трудов.

Для начала стоит разобраться в происхождении того явления, которое сегодня квалифицируется как насильственные действия сексуального характера. Одним из вариантов совершения этого преступления является мужеложство как вид гомосексуализма, под которым в медицине и в правовых науках понимается половое влечение к лицам своего же пола. Слово «гомосексуализм» представляет собой сочетание корней двух слов — «гомо» (от греч. «равное») и «сексус» (от лат. «пол»). Таким образом, оно дословно переводится как «равнополовой».

Гомосексуализм бывает двух видов: мужской, под которым понимается половая склонность мужчины к мужчине, и женский, когда речь идет о половом влечении женщины к женщине, именуемым иногда лесбиянством по названию греческого острова Лесбос, где, по преданиям, процветало подобного рода половое извращение. Термин «мужеложство» применяется к половому сношению мужчины с мужчиной и означает «любитель юношей». Таким образом, мужеложство является одной из форм мужского гомосексуализма.

Об эволюции гомосексуализма как социального явления свидетельствует ряд древнейших египетских папирусов, относящихся еще к периоду 2000 лет до н. э. Ученые доказывают также, что гомосексуализм был распространен и у древних финикийцев, сирийцев и ливийцев. Распространение гомосексуализма у древних иудеев подтверждают библейские предания, труды историков Иосифа Флавия (37—95 г. н. э.) и Филона Александрийского (20—54 г. н. э.). В Библии за гомосексуализм — как и за скотоложество и кровосмешение — устанавливалась смертная казнь. Такая строгость древне-иудейских законов связана с тем, что одним из основных догматов иудейской религии являлась обязанность мужчины иметь как можно больше детей. «Как песок в море, должно плодиться племя Израиля», — сказано в Библии. Поэтому в древней Иудее самым большим позором считается бездетность. Гомосексуализм же рассматривался как препятствие для размножения населения страны.

Другое отношение к гомосексуализму было у древних греков. В греческой мифологии имеются указания на рассматриваемые отношения между богами (Аполлоном и Гиацинтом, Зевсом и Ганимедом). Поэтому считалось, что гомосексуализм не только дозволен, но и «находится под охраной богов» [2, с. 306].

В Спарте, где мальчиков воспитывало государство, гомосексуальные отношения между взрослыми мужчинами и юношами являлись обычным явлением, о чем прямо говорит Цицерон в своем

труде «Государство». Такие отношения считались признаком храбрости, смелости, мужественности и мудрости, — писал Платон в своем «Пире» [3, с. 73].

Однако в древней Греции к гомосексуальным отношениям применялись и некоторые ограничения. Так, они, согласно закону Салона, под угрозой телесного наказания были воспрещены рабам.

Иной взгляд на гомосексуализм был в древнем Риме: подобного рода отношения хотя и являлись весьма распространенными, но уже преследовались законом. Как видно из трудов римских историков (Светоний, Квинт, Ливий), обвинение в гомосексуализме в Риме было одним из основных средств борьбы с политическими противниками. При императоре Октавиане Августе вступление в гомосексуальные отношения приравнивались к нарушению супружеской верности и карались лишением отдельных гражданских прав.

Особенно жестко пресекала любые гомосексуальные отношения христианская церковь. После того как христианство стало государственной религией, гомосексуализм начал наказываться смертью. В изданном в 390 г. Указе императоров Валентина и Феодосия за гомосексуальные отношения устанавливалось наказание в виде смертной казни путем сожжения.

В русском праве наказание за гомосексуализм впервые было предусмотрено в Воинском Уставе, принятом в 1716 г. Петром I. В нем устанавливалось телесное наказание «ежели кто отрока осквернит или муж с мужем мужеложствует» [4, с. 360].

В своде законов 1832 г. для лиц, изобличенных в мужеложстве, предусматривалось наказание плетью, лишение их прав гражданского состояния и ссылка на поселение. Насильственное мужеложство каралось каторжными работами.

В Уголовном уложении 1903 г. за добровольное мужеложство было установлено наказание в виде тюремного заключения на срок от 3 месяцев до 1 года.

Уголовный кодекс РСФСР — как в редакции 1922 г., так и в редакции 1926 г. — специального состава мужеложства не содержал. Однако это не означало, что при наличии особых условий оно оставалось ненаказуемым. Так, насильственное мужеложство охватывалось составом изнасилования, а добровольное — частично составом полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости. Проявление же гомосексуализма в форме совершения развратных действий частично включалось в состав развратных действий, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Впервые специальное постановление, устанавливающее уголовную ответственность за мужеложство в пределах всего Советского Союза, было

издано ЦИК СССР от 13 декабря 1933 г. Вскоре после этого 7 марта 1934 г. был издан общесоюзный закон — постановление Президиума ЦИК СССР «Об уголовной ответственности за мужеложство». Оба указанных постановления при этом определяли мужеложство только как половое сношение мужчины с мужчиной [5, с. 138].

По Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. мужеложство являлось уголовно наказуемым деянием. Ответственность за его совершение была предусмотрена ст. 121 УК РСФСР. Это преступление посягало на нормальный уклад в области половых отношений. В части 1 ст. 121 УК РСФСР была предусмотрена ответственность за простое мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, совершаемое с лицом, достигшим 18 лет, по обоюдному согласию участников. В этом случае уголовной ответственности подлежали оба лица.

Часть 2 ст. 121 УК РСФСР предусматривала ответственность за совершение мужеложства с квалифицирующими обстоятельствами (физическое насилие, применение угроз, совершение мужеложства в отношении несовершеннолетнего). Эта норма учитывала также случай, когда один из мужчин являлся потерпевшим, и тогда он привлечению к уголовной ответственности не подлежал.

В настоящее время ст. 132 Уголовного кодекса Российской Федерации применяется исключительно за насильственные действия сексуального характера.

Итак, уголовная ответственность за мужеложство в своем историческом развитии претерпела существенные изменения. Тем не менее высокая латентность данного явления не всегда позволяет обеспечить реализацию принципа неотвратимости ответственности. Ситуация усугубляется тем, что лица, совершающие насильственные действия сексуального характера, являются одним из основных источников распространения венерических и других заболеваний (сифилиса, гонореи, СПИДа). Такие осужденные поздно обнаруживают наличие болезни. Опасаясь быть привлеченным к ответственности за мужеложство и распространение венерических заболеваний, они скрывают болезнь, занимаются самолечением, не открывают источника заражения, что крайне затрудняет борьбу с этими заболеваниями. Все это определяет особую опасность данной группы лиц [6, с. 58—59].

Учитывая выявленные проблемы, считаем, что основные силы следует сосредоточить на профилактике совершения осужденными насильственных действий сексуального характера в местах лишения свободы.

По общему правилу профилактика гомосексуального поведения осужденных состоит из общепрофилактической и индивидуально-профилактической деятельности.

Общепрофилактическая деятельность осуществляется путем выявления и устранения обстоятельств, способствующих гомосексуальному поведению, дальнейшего совершенствования всего карательно-воспитательного процесса в отношении осужденных.

Индивидуально-профилактическая деятельность заключается в предупредительном и воспитательном воздействии на конкретных лиц или на определенную группу осужденных, от которых можно ожидать совершения мужеложства. Эта деятельность осуществляется главным образом путем проведения профилактических бесед оперативными и медицинскими работниками, начальниками отрядов и другими должностными лицами исправительного учреждения (далее — ИУ).

Рассмотрим воздействие общей и индивидуальной профилактики на три формы гомосексуального поведения, характерного для осужденных, а именно: истинного гомосексуализма (т. е. сексуальное общение с лицами только своего пола), ситуационного гомосексуализма (возможен в определенных ситуациях) и анормального гомосексуализма (в извращенных формах).

Общая профилактика применима для всех форм гомосексуализма. В этом случае предполагается разработка мероприятий, направленных на выявление гомосексуального поведения в ИУ и обстоятельств, ему способствующих, а также осужденных, от которых можно ожидать подобного поведения. При проведении общепрофилактической работы в отношении осужденных с истинным, ситуационным и анормальным сексуальным поведением важно добиться вовлечения их в общественно полезный труд. Неслучайно гомосексуальными переверзьями осужденные начинают заниматься, как правило, когда имеют много свободного времени. Это обстоятельство отмечал Д. И. Ласс: «От незанятости полезным трудом, а также в свободное от занятий время... огромная масса заключенных ищет развлечений и утех в искусственной половой жизни» [7, с. 18]. Не следует при этом трудоустраивать осужденных, склонных к гомосексуальному поведению, в местах, где они могут находиться изолированно и где затруднен надзор за ними. Особый контроль за такими осужденными необходимо установить в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, а также в палатах медицинских учреждений.

Незамедлительному реагированию со стороны администрации ИУ должны подвергаться случаи оборудования спальных мест пологими или занавесками, факты проживания осужденных в отдельных хозяйственно-бытовых и иных помещениях, чердаках, подвалах, пустующих бараках [8, с. 57].

В работе по профилактике всех форм гомосексуального поведения осужденных большое значе-

ние имеет целенаправленная учебно-воспитательная работа. Следует особо обратить внимание на необходимость изменения их нравственного облика, воспитания уважения к личности другого человека, ликвидации таких характерологических черт, как жестокость, цинизм и агрессивность. Одним из мероприятий общепрофилактического характера для всех форм гомосексуализма является разъяснительная работа среди осужденных о вреде мужеложства. В частности, половые извращения отрицательно сказываются на половой жизни в браке, так как эта вредная привычка при определенном личностном предположении может закрепиться и сохраниться после изменения условий, при которых возникало извращение. Сведения об участии в гомосексуальных актах нередко вызывают чувство брезгливости и отвращения у супруги, после чего не только половая, но и совместная жизнь становится невозможной. Вопросы полового воспитания, формирования здорового отношения к женщине должны стать неотъемлемой частью профилактики гомосексуализма. Вместе с тем необходимо обращать особое внимание на осужденных молодежного возраста. С ними должны проводить работу по половому воспитанию и просвещению специалисты, знающие основы психиатрии, сексологии.

Важными средствами общей профилактики гомосексуального поведения являются также улучшение надежности охраны объектов ИУ, усиление надзора за осужденными, прочное перекрытие каналов поступления запрещенных предметов (особенно спиртных напитков и наркотических веществ). С этой же целью необходимо постоянно инструктировать контролерский состав о возможных местах совершения мужеложства, встреч осужденных, склонных к этому, об усилении контроля за ними.

Большая роль в индивидуально-профилактических мероприятиях отводится оперативным службам ИУ. Оперуполномоченным необходимо постоянно использовать свои силы и средства для выявления осужденных, от которых можно ожидать совершения мужеложства, и прежде всего среди рецидивистов, злостных нарушителей режима, участников азартных игр, алкоголиков, наркоманов. В первую очередь на учет нужно брать всех ранее причастных к совершению мужеложства, а также выявленных в процессе режимных и иных профилактических мероприятий. Помощь в этом деле должны оказывать медицинские части ИУ. Заметим, что индивидуально-профилактическое воздействие на осужденных, склонных к гомосексуальному поведению, целесообразно проводить после тщательных консультаций с врачами, которые определяют форму гомосексуального поведения.

Все осужденные данной категории тщательно изучаются, после чего определяются формы и способы оказания на них профилактического воздействия. За поведением таких осужденных устанавливается повседневный контроль со стороны оперативных работников, а также начальников отрядов, медперсонала, сотрудников отделов безопасности. Для этого могут привлекаться также инженерно-технические работники, преподаватели общеобразовательных школ и профессиональных училищ, т. е. все сотрудники, общающиеся с осужденными.

Индивидуальная профилактика для осужденных с истинным гомосексуальным поведением требует в первую очередь проведения медицинских мероприятий, направленных на ликвидацию психопатологических проявлений и снижение извращенного влечения с помощью дифференцированного применения лекарственных средств. Кроме того, профилактика истинного гомосексуализма предполагает сложный лечебно-педагогический процесс, в котором основное место занимает система поэтапного перевоспитания личности с истинным гомосексуальным влечением (такая система разработана в Московском НИИ психиатрии), при этом за основу берется психотерапевтическое воздействие.

На первом этапе создается «сексуально-психологический вакуум», т. е. вырабатывается равнодушное отношение к лицам своего пола для того, чтобы порывы и побуждения гомосексуального характера перестали беспокоить пациента. Это достигается применением аутогенной тренировки, сеансами гипнотического внушения, рациональной психотерапии.

На втором этапе формируется эстетическое восприятие женщины.

На третьем этапе, проведение которого возможно, как правило, после освобождения осужденного из ИУ, стоит задача добиться возникновения и развития стойкого адекватного эротического влечения гетеросексуальной направленности.

Что касается осужденных с ситуационной формой гомосексуализма, то для этой категории лиц профилактика сводится к применению мер режимно-воспитательного и медицинского характера. Рекомендуется проводить беседы по закреплению гетеросексуального влечения, повышая при этом социальную значимость нормального полового влечения, обучать осужденных методике аутогенной тренировки с целью торможения и погашения гомосексуальных эротических переживаний. Одновременно с этим необходимо воспитывать эстетическое восприятие женщины.

При организации индивидуальной профилактики в отношении осужденных с аномальным сексуальным поведением следует иметь в виду, что активные гомосексуалисты нередко рассказывают в кругу своих друзей о совершении ими акта мужеложства.

Это иногда вызывает у слушателей желание также принять участие в подобных действиях и приводит к созданию организованных групп с целью совершения насильственных актов мужеложства. Заметим, что аномальное сексуальное поведение наблюдается чаще всего среди осужденных, неоднократно судимых в прошлом, имеющих низкий уровень развития, ведущих паразитический образ жизни [9, с. 158].

Во время приема в ИУ вновь прибывших осужденных необходимо выявлять лиц, склонных к мужеложству или половым извращениям, используя различные источники, в том числе специальные картотечные учеты. Активных гомосексуалистов необходимо размещать отдельно от пассивных, по возможности распределяя их в группы положительной направленности.

С целью профилактики все взятые на учет осужденные с гомосексуальным поведением (незави-

симо от форм) должны дважды в год подвергаться обследованию на гонорею, сифилис, СПИД. Все формы учета, записи наблюдений, назначений и рекомендаций не подлежат разглашению.

Администрации ИУ нужно активнее применять меры по пресечению гомосексуального поведения среди осужденных, привлекать их к дисциплинарной или уголовной ответственности (в зависимости от характера содеянного). Необходимо добиваться того, чтобы ни один случай мужеложства не остался незамеченным, а преступник — безнаказанным.

Реализация изложенных мер профилактики гомосексуального поведения будет способствовать более успешному решению задач по исправлению осужденных и превенции половых преступлений, а значит, и преступности в целом.

1. Карпец И. И. Некоторые проблемы науки советского уголовного права // Советское государство и право. 1978. № 1.

2. Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе: Ирфон, 1969.

3. Платон. Пир. М.: РИПОЛ классик, 2018.

4. Софраненко К. А. Памяти русского права, законодательные акты Петра I. М.: Госюриздат, 1961.

5. Булатов С. Я. Ответственность за преступления против личности. Алма-Ата, 1961.

6. Хохряков Г. Ф., Саркисов Г. С. Предупреждение осужденных: причины и предупреждения. Ереван, 1988.

7. Ласс Д. И. Половая жизнь заключенных. Одесса: Одес. центр. ДОПР, 1927.

8. Поникаров В. А. Административные и иные меры профилактики гомосексуального поведения осужденных в ИТУ // Организационные и иные социальные механизмы исполнения уголовных наказаний в современных условиях: сб. науч. тр. Рязань: Ин-т права и экономики МВД Российской Федерации, 1995.

9. Самойлов Л. И. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4.

© Поникаров В. А., 2021

Поникаров Владимир Анатольевич,
профессор кафедры административного
и финансового права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: Minrs@yandex.ru

1. Karpets I. I. Some problems of the science of Soviet criminal law. The Soviet State and Law. 1978; 1. (in Russian).

2. Yakovlev Ya. M. Sexual crimes. Dushanbe: Irfon, 1969. (in Russian).

3. Plato. Pir. Moscow: Publishing house: RIPOLL classic; 2018. (in Russian).

4. Sofranenko K. A. Memory of Russian law, legislative acts of Peter I. Moscow: Gosyurisdat; 1961. (in Russian).

5. Bulatov S. Ya. Responsibility for crimes against the person. Alma-Ata; 1961. (in Russian).

6. Khokhryakov G. F., Sarkisov G. S. Prevention of convicts: causes and warnings. Yerevan; 1988. (in Russian).

7. Lass D. I. Sexual life of prisoners. Odessa: Odessa Central DOPR; 1927. (in Russian).

8. Ponikarov V. A. Administrative and other measures of prevention of homosexual behavior of convicts in ITU. In: Organizational and other social mechanisms for the execution of criminal penalties in modern conditions. Collection of scientific papers. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. (in Russian).

9. Samoilov L. I. Journey to the inverted world. Neva. 1989; 4. (in Russian).

© Ponikarov V. A., 2021

Ponikarov Vladimir Anatolievich,
professor at the department
of administrative and financial law
of the Academy of law management
of the FPS of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: Minrs@yandex.ru

* * *

А. А. Гилева

**АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ ОКАЗАНИЯ
КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Статья посвящена проблемным вопросам, касающимся участия адвоката в уголовном судопроизводстве. Исследуются формы его участия. Особое внимание уделяется процессуальному положению адвоката свидетеля, относящемуся к кругу лиц, не заинтересованных в исходе дела. Определяется круг участников, претендующих на право получения квалифицированной юридической помощи. Обращается внимание на существующие сложности получения квалифицированной юридической помощи лицами, вовлекаемыми в уголовное судопроизводство, на недостаточную правовую регламентацию указанного вопроса. Осуществляется сравнение уголовно-процессуальных норм Российской Федерации и стран ближнего зарубежья в части, касающейся процессуального положения адвоката в уголовном судопроизводстве и права получения квалифицированной юридической помощи. Обосновывается необходимость распространения действия п. 6 ч. 4 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, позволяющего свидетелю воспользоваться услугами адвоката, на все случаи привлечения его к производству следственных, судебных и иных процессуальных действий. В работе приводятся дополнительные аргументы в пользу необходимости дополнения системы принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации положением об обеспечении правом на получение квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: адвокат, защитник, представитель, квалифицированная юридическая помощь, участники уголовного судопроизводства.

A. A. Gileva

**LAWYER AS A SUBJECT OF PROVIDING
QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article is devoted to problematic issues related to the participation of a lawyer in criminal proceedings. The forms of its participation are investigated. Special attention is paid to the procedural position of the witness's lawyer, which is related to the circle of persons who are not interested in the outcome of the case. The list of participants applying for the right to receive qualified legal assistance is determined. Attention is drawn to the existing difficulties in obtaining qualified legal assistance by persons involved in criminal proceedings, and to the insufficient legal regulation of this issue. The article compares the criminal procedure norms of the Russian Federation and neighboring countries in terms of the procedural status of a lawyer in criminal proceedings and the right to receive qualified legal assistance. The necessity of extending the scope paragraph 6 of part 4 of article 56 of the Code of criminal procedure, allowing the witness to consult with counsel on all cases of bringing him to the investigative, judicial and other proceedings. The paper provides additional arguments in favor of the need to supplement the system of principles of criminal procedure of the Russian Federation with the provision on ensuring the right to receive qualified legal assistance.

Key words: lawyer, defender, representative, qualified legal assistance, participants in criminal proceedings.

Защитительная деятельность в уголовном судопроизводстве относится к числу сложных видов деятельности. К сожалению, лицу, нуждающемуся в защите своих прав и интересов, не всегда удается выбрать правильную линию поведения. В связи с этим у него возникает необходимость в квалифицированной юридической помощи. Как правило, такую помощь оказывают адвокаты. Вопросам оказания юридической помощи адвокатами посвя-

щено немало научных работ [1—4]. В них по-разному оценивается процессуальное положение адвоката, к чему есть все нормативные основания.

Итак, адвокат может выступать в роли защитника и представителя. В первом случае адвокат защищает права и интересы подозреваемого, обвиняемого (ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) и наделяется полномочиями, закрепленными в ст. 53

УПК РФ. Во втором — представляет права и интересы потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, частного обвинителя (ст. 45, 55 УПК РФ). Полномочия адвоката-защитника довольно полно отражены в нормах закона. Что же касается процессуального статуса адвоката-представителя, то он во многом совпадает с процессуальным статусом представляемого им лица.

Определенного внимания заслуживает процессуальный статус адвоката свидетеля. Он представляет интересы лица, относящегося к иным участникам уголовного судопроизводства, не имеющего своего интереса в деле. Вместе с тем законодатель наделяет свидетеля правом пользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката при допросе (ст. 189 УПК РФ) и проведении очной ставки (ст. 192 УПК РФ). В этих случаях адвокат свидетеля имеет право с разрешения следователя и дознавателя задавать вопросы допрашиваемым лицам, давать краткие консультации, делать замечания по фиксированию показаний, делать заявления о нарушении прав и интересов доверителя.

Участие свидетеля в следственных действиях не ограничивается только допросом или очной ставкой. Согласно УПК РФ свидетель может быть подвергнут приводу (ч. 1 ст. 113), освидетельствованию (ч. 1 ст. 179), следственному эксперименту (ст. 181), проверке показаний на месте (ч. 1 ст. 194), предъявлению для опознания (ч. 1 ст. 193), судебной экспертизе (ч. 4 ст. 195), получению образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 202). Однако законодатель указал только два следственных действия, участие в которых свидетеля дает ему право прибегнуть к помощи адвоката. Буквальное толкование обозначенной ситуации подталкивает к выводу о том, что в случае участия свидетеля в остальных, кроме следственных, действиях, не дает ему права на квалифицированную юридическую помощь. Однако такое положение дел свидетельствует об ограничении конституционного права свидетеля в получении юридической помощи адвоката (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации). В связи с этим необходимо расширить границы получения квалифицированной юридической помощи при вовлечении свидетеля в уголовное судопроизводство. А указанное расширение зафиксировать в нормах права. Предлагаем внести изменения в п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ и изложить новую норму в следующей редакции: «пользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката в ходе привлечения к следственным, судебным и иным процессуальным действиям».

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо также остановиться на проблеме правовой природы участия адвоката на стороне свидетеля.

По данному вопросу ученые высказывают различные точки зрения. Так, по мнению С. И. Коновалова и А. А. Баева, «участие адвоката свидетеля в уголовном судопроизводстве имеет природу представительства, ограниченного периодом проведения отдельных следственных действий с участием свидетеля» [5]. Вместе с тем авторы полагают, что не следует отождествлять адвоката свидетеля и адвоката-представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Это связано с тем, что потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и частный обвинитель имеют личную заинтересованность в исходе расследования по уголовному делу и адвокату, представляющему их, представлен расширенный объем полномочий [5, с. 42].

В пользу того, что адвокат является представителем свидетеля в литературе, приводятся и другие аргументы: во-первых, адвокат свидетеля защищает права и интересы свидетеля в уголовном судопроизводстве; во-вторых, адвокат наделяется такими же правами, что и доверитель; в-третьих, адвокат оказывает свидетелю юридическую помощь, в том числе помощь в реализации его прав [6].

Полагаем, что адвокат свидетеля не может быть отождествлен ни с представителем, ни с защитником. Это связано с тем, что свидетель не относится ни к участникам со стороны защиты, ни к участникам со стороны обвинения. Свидетель — иной участник уголовного судопроизводства, оказывающий содействие по уголовному делу. Следовательно, и адвокат, выступающий на стороне свидетеля, не может быть отождествлен ни с представителем, ни с защитником. В роли последнего он востребован у подозреваемого, обвиняемого, чьи права и законные интересы адвокат и защищает.

Суть правового положения свидетеля наиболее точно сформулирована Д. Т. Арабули. Автор отмечает, что деятельность адвоката свидетеля, во-первых, направлена на реализацию свидетелем конституционного права на квалифицированную юридическую помощь; во-вторых, адвокат наделен относительно самостоятельным процессуальным статусом, так как свидетель в уголовном судопроизводстве выполняет вспомогательную функцию, и аналогичную функцию будет осуществлять его адвокат, «при этом качественная и количественная характеристика прав стабильна и не будет зависеть от усмотрения свидетеля» [7]. Кроме того, деятельность адвоката автор определяет как функцию правового сопровождения, целью которой является «недопустимость незаконного, необоснованного ограничения прав и свобод свидетеля в ходе проведения следственных действий» [7, с. 14].

Таким образом, говоря о правовом положении адвоката, участвующего на стороне свидетеля, следует констатировать, что он является субъектом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь свидетелю, принимающему участие в следственных действиях.

Данное положение требует более четкого нормативного закрепления. Это связано с тем, что в разделе II «Участники уголовного судопроизводства» адвокат свидетеля на сегодняшний момент не упоминается вовсе. А не имея процессуально закрепленного статуса, адвокат свидетеля не может быть безоговорочно отнесен к участникам уголовного судопроизводства, даже если учитывать то обстоятельство, что законодатель наделяет его полномочиями, принадлежащими защитнику (ч. 5 ст. 189, ч. 6 ст. 192 УПК РФ).

В связи с этим ученые [8; 9] предлагают дополнить раздел II «Участники уголовного судопроизводства» новым участником — «адвокат свидетеля» и отнести его к иным участникам уголовного судопроизводства. Предлагается при этом закрепить его процессуальный статус, расширить полномочия и сделать самостоятельным участником уголовного судопроизводства.

Нужно отметить, что отнесение адвоката свидетеля к участникам уголовного судопроизводства характерно для уголовно-процессуального законодательства стран ближнего зарубежья. Например, в УПК Республики Беларусь [10], в УПК Республики Узбекистан [11], в УПК Республики Молдовы [12] закреплен процессуальный статус адвоката свидетеля. Адвокат свидетеля согласно указанным нормативным актам является самостоятельным участником, относящимся к иным участникам уголовного судопроизводства.

К сожалению, такой подход приветствуется далеко не всеми авторами. Так, например, А. В. Закомолдин считает, что «нецелесообразно наделять адвоката свидетеля значительной процессуальной самостоятельностью (заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и суда), поскольку подобными правами наделен сам свидетель, а адвокат в данном случае выполняет функцию правового сопровождения» [13]. Не вдаваясь в подробности объема процессуальных полномочий, предназначенных для адвоката свидетеля, необходимо отметить, что статья с указанными полномочиями необходима для УПК РФ, впрочем, как необходимо и нормативное закрепление принадлежности данного лица к участникам уголовного судопроизводства.

Проанализировав взгляды ученых, мы приходим к выводу о том, что, с одной стороны, закрепив статус адвоката свидетеля, мы упростим его участие в уголовном судопроизводстве, а с другой — более

очевидной станет проблема оказания квалифицированной юридической помощи другим, кроме свидетелей, лицам.

Рассмотрим, какие же лица нуждаются в этой помощи.

Итак, ст. 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Это говорит о том, что таким правом могут пользоваться не только участники уголовного судопроизводства, но и все лица, вовлекаемые в данный процесс. Следовательно, имеет смысл говорить о заявителе, задержанном [14], лицах, дающих объяснение, сообщающих о преступлении [15], в помещении которых производится обыск, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, лице, запрашиваемом к выдаче для уголовного преследования [16; 17], и других. Сложности участия указанных лиц в процессе уголовного судопроизводства и получения ими квалифицированной юридической помощи определяются неясностью процессуального статуса, отсутствием уголовно-процессуальных норм, на основе которых эти лица могут пользоваться помощью адвоката. Данный факт свидетельствует о соответствующем пробеле в уголовно-процессуальном законодательстве. На него обратили внимание отдельные авторы [18; 19]. В своих трудах они предлагают включить в систему участников уголовного судопроизводства нового участника — «адвоката», как лица, отстаивающего права и интересы тех лиц, на которых не распространяется помощь адвоката в качестве защитника и представителя.

Очевидно, что предлагаемая мера упростит получение квалифицированной юридической помощи лицами, не получившими в настоящее время определенного процессуального статуса.

Вместе с тем закрепление в УПК РФ адвоката как участника уголовного судопроизводства мы считаем недостаточным для решения указанных проблем. Учитывая уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан [20], Республики Азербайджан [21], в котором закреплен основополагающий принцип, обеспечивающий участникам уголовного судопроизводства право на получение квалифицированной юридической помощи, а также мнение авторов, предлагающих закрепить в нормах УПК РФ получение квалифицированной юридической помощи как принцип уголовного судопроизводства, приходим к выводу о том, что необходимо в главу 2 УПК РФ включить принцип «обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи», закрепив его в ст. 15.1 УПК РФ.

На наш взгляд, предлагаемая норма усилит гарантию получения квалифицированной юриди-

ческой помощи как участниками уголовного судопроизводства, так и лицами, не получившими определенного процессуального статуса.

В заключение статьи необходимо сделать следующие выводы.

1. По своему правовому положению адвокат свидетеля в уголовном судопроизводстве относится к субъектам, оказывающим квалифицированную юридическую помощь свидетелю, участвующему в определенных следственных действиях.

2. Необходимо распространить действие п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, позволяющего свидетелю воспользоваться услугами адвоката, на все случаи при-

влечения его к производству следственных, судебных и иных процессуальных действий.

3. Следует поддержать точку зрения авторов, выступающих в пользу включения в раздел II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» нового участника — «адвоката».

4. Расширить систему принципов уголовного судопроизводства за счет положения, закрепляющего обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи.

1. Насонова И. А. Ювенальные аспекты обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 111—115.

2. Насонова И. А., Цинова М. В. Об упрощенных формах досудебного производства по уголовно-процессуальным кодексам Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 139—144.

3. Баев М. О. Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. 192 с.

4. Колосович М. С., Колосович О. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2011. 208 с.

5. Коновалов С. И., Баев А. А. Свидетель как субъект получения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2. С. 40—45.

6. Сапов Е. Ю. Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 21 с.

7. Арабули Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 59 с.

8. Закомолдин А. В. Адвокат свидетеля: необходима четкая процессуальная регламентация // Вестник самарской гуманитарной академии. 2010. № 1 (7). С. 126—128.

9. Мухудинова Н. Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 26 с.

1. Nasonova I. A. Juvenile aspects of providing the suspect, the accused with the right to defense. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011; 4: 111—115. (in Russian).

2. Nasonova I. A., Tsinova M. V. On simplified forms of pre-trial proceedings under the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015; 1: 139—144. (in Russian).

3. Baev M. O. Tactics of professional defense against charges in the criminal process of Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Voronezh; 1998: 192. (in Russian).

4. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Institute of suspension of proceedings in a criminal case and ensuring the rights and legitimate interests of participants in the criminal process in the implementation of its norms. Textbook. Volgograd: VA of MIA of Russia; 2011: 208. (in Russian).

5. Konovalov S. I., Baev A. A. Witness as a subject of obtaining qualified legal assistance in criminal proceedings. Bulletin of the Tula state University. Economic and legal Sciences. 2016; 2: 40—45. (in Russian).

6. Sapov E. Yu. Lawyer as a representative of the witness in the criminal process: functions and powers. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara; 2012: 21. (in Russian).

7. Arabuli D. T. Institute for protection of rights and interests of persons in criminal proceedings of Russia. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 59. (in Russian).

8. Zakomoldin A. V. Lawyer of the witness: clear procedural regulation is necessary // Bulletin of the Samara humanitarian Academy. 2010; 7 (1): 126—128. (in Russian).

9. Mukhudinova N. R. Ensuring the constitutional right of everyone to receive qualified legal assistance in the Russian criminal process. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Izhevsk; 2005: 26. (in Russian).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (ред. от 17.07.2020) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 28-29. Ст. 433.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (ред. 14.05.2020) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 12. Ст. 269.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (ред. от 06.02.2020) // Официальный монитор Республики Молдова. 2003. № 104-110/447.

13. Закомолдин А. В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 167 с.

14. Калинин А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 26 с.

15. Ахмед Камаран Сабах. Гарантии прав личности в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству России и Ирака: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 29 с.

16. Насонов А. А. Лицо, запрашиваемое к выдаче, как участник уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-3. С. 59—65.

17. Насонов А. А. Признаки, характеризующие лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, как участника уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1 (4). С. 82—88.

18. Попов Е. А. Адвокат как участник уголовного процесса в досудебных стадиях: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 28 с.

19. Скоба Е. В. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 07.07.2020) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

21. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (ред. 29.11.2019) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 8. Ст. 585.

10. Criminal procedure code of the Republic of Belarus No. 295-Z on 16 July 1999 (as amended on 17 July 2020). Bulletin of the National Assembly of the Republic of Belarus. 1999; 28-29; Art. 433. (in Russian).

11. Criminal procedure code of the Republic of Uzbekistan No. 2013-XII on 22 September 1994 (as amended on 14 May 2020). Bulletin Of The Supreme Council Of The Republic Of Uzbekistan. 1995; 12; Art. 269. (in Russian).

12. Criminal procedure code of the Republic of Moldova No. 122-XV on 14 March 2003 (as amended on 6 February 2020). Official monitor of the Republic of Moldova. 2003; 104-110/447. (in Russian).

13. Zakomoldin A. V. Problems of providing qualified legal assistance in the criminal process of Russia. Monograph. Moscow: Jurlitinform; 2009: 167. (in Russian).

14. Kalinkin A. V. Procedure for raising suspicion as a guarantee of individual rights in criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2016: 26. (in Russian).

15. Ahmed Kamaran Sabah. Guarantees of individual rights in pre-trial proceedings under the criminal procedure legislation of Russia and Iraq. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2017: 29. (in Russian).

16. Nasonov A. A. The Person requested for extradition as a participant in criminal proceedings. Public safety, law and order in the third Millennium. 2016; 1-3: 59—65. (in Russian).

17. Nasonov A. A. Signs that characterize the person requested for extradition for criminal prosecution as a participant in criminal proceedings. Criminal procedure protection of the rights and legitimate interests of minors. 2017; 4 (1): 82—88. (in Russian).

18. Popov E. A. Lawyer as a participant in the criminal process in pre-trial stages. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2004: 28. (in Russian).

19. Skoba E. V. Implementation of the constitutional right to qualified legal assistance in pre-trial proceedings in criminal cases. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 28. (in Russian).

20. Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V on 04 July 2014 (as amended on 7 July 2020). Kazakhstani truth. 2014; 133 (27754). (in Russian).

21. Criminal procedure code of the Republic of Azerbaijan No. 907-IQ on 14 July 2000 (as amended on 29 November 2019). Collection of legislative acts of the Republic of Azerbaijan. 2000; 8; Art. 585. (in Russian).

Гилева Анна Александровна,
адъюнкт адъюнктуры
Воронежского института МВД России;
e-mail: gileva.aa@inbox.ru

Gileva Anna Alexandrovna,
associate adjunct
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
e-mail: gileva.aa@inbox.ru

* * *

И. С. Дикарев

**УЧЕТ ПОЗИЦИИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с необходимостью учета возражений потерпевшего относительно применения особого порядка судебного разбирательства. В настоящее время законодатель придает правовое значение позиции потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при производстве дознания в сокращенной форме. Анализируются предложения тех ученых, которые предлагают полностью отказаться от учета позиции потерпевшего при решении вопроса о применении ускоренных процедур судопроизводства. Отмечается, что реализация таких предложений неосуществима без обеспечения потерпевшему возможности обжалования вынесенного по уголовному делу приговора по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела. А для того, чтобы предоставить потерпевшему такое право, необходимо существенно изменить регламентацию доказывания при применении особого порядка судебного разбирательства. В частности, предлагается возложить на суд, рассматривающий уголовное дело в особом порядке, обязанность устанавливать фактические обстоятельства уголовного дела, а также отражать и мотивировать свои выводы в приговоре.

Ключевые слова: потерпевший, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, дознание в сокращенной форме.

I. S. Dikarev

**CONSIDERATION OF THE VICTIM'S POSITION IN APPLYING
A SPECIAL PROCEDURE OF COURT TRIAL**

The article deals with the issues concerning the necessity of taking into account the victim's objections regarding the application of a special procedure of court trials. Currently the legislator lays emphasis to legal bearing of the victim's position when applying a special procedure for court trials in the event of the defendant's plea of guilty and performance of inquiry in concise form. The author analyzes the suggestions of those scientists who propose to completely abandon the consideration of the position of the victim when deciding on the use of streamlined proceedings. The researcher notes that the implementation of such proposals is impossible without providing the victim with the opportunity to appeal the verdict rendered in a criminal case on the grounds of the court's conclusions inconsistency with the actual circumstances of the criminal case. And in order to grant the victim such a right, it is necessary to change the rules of evidence significantly when applying a special procedure for court trials. In particular, the author recommends to impose the liability to find the specifics of the case on court considering a criminal case in a special order, as well as to reflect their reasoned conclusions in the verdict.

Key words: victim, special procedure of court trials, plea bargain, inquiry in concise form.

Проблематика дифференцированных уголовно-процессуальных форм многогранна. Спектр юридических исследований одних лишь ускоренных производств варьируется от фундаментальных вопросов о допустимости и целесообразности упрощения процессуальной формы до мельчайших частных вопросов процессуальной организации соответствующих процедур. Было бы заблуждением при этом оценивать актуальность рассматриваемых проблем по их масштабности: в механизме уголовно-процессуальной деятельности нет ничего малозначительного — любой

кажущийся на первый взгляд второстепенным элемент судопроизводства призван служить гарантией прав и свобод личности, отстаивающей в уголовном процессе свой интерес. К числу такого рода частных проблем относится и вопрос о необходимости учитывать в качестве условия применения особого порядка судебного разбирательства позицию потерпевшего.

Примеры сокращения судебного следствия в случае признания подсудимым своей вины давно известны уголовно-процессуальному законодательству. Так, еще УПК РСФСР 1923 г. наделял

председательствующего полномочием завершить судебное следствие и перейти к прениям сторон в тех случаях, когда подсудимый не оспаривал обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, признавал предъявленное ему обвинение обоснованным (правильным), а также соглашался давать показания. При этом позиция иных участников уголовного процесса, включая потерпевшего, судом не выяснялась и для сокращения судебного следствия значения не имела. Схожий порядок позднее был предусмотрен для производства в суде с участием присяжных заседателей. В 1993 г. УПК РСФСР 1960 г. был дополнен разделом 10 «Производство в суде присяжных» [1], содержащим ст. 446 «Особенности судебного следствия в суде присяжных». Эта норма предусматривала право председательствующего — в случае признания всеми подсудимыми своей вины — предложить им дать показания и затем либо ограничиться исследованием доказательств, на которые укажут стороны, либо сразу же завершить судебное следствие и перейти к этапу прений сторон. Мнение участников уголовного процесса учитывалось судом при принятии решения о сокращении судебного следствия лишь в аспекте оценки правдивости сделанного подсудимыми признания. Так, потерпевший, государственный обвинитель и другие участники процесса, отстаивавшие в деле личный или представляемый интерес, могли лишь оспаривать признание подсудимым своей вины. Получения согласия от сторон на применение порядка, предусмотренного ч. 2 ст. 446 УПК РСФСР, по общему правилу не требовалось. И только если кто-то из участников процесса настаивал на исследовании некоторых доказательств, то судья был не вправе ему в этом отказать [2, с. 571].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г. процедура сокращения судебного следствия оформилась в самостоятельное ускоренное производство — особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), в регламентации которого позиции потерпевшего законодатель придает несоизмеримо большее значение, чем прежде. Первоначальная редакция ст. 314 УПК РФ ставила возможность применения судом положений гл. 40 УПК РФ в зависимости от согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего, а нынешняя редакция — от отсутствия возражений (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ).

Необходимо отметить, что интерес к вопросу о значении позиции потерпевшего при решении вопроса о применении ускоренных производств в уголовном процессе обусловлен по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, придание значимости возражениям потерпевшего против применения той или иной разновидности осо-

бого порядка судебного разбирательства является важной гарантией защиты прав и законных интересов этого участника уголовного судопроизводства. Как будет показано ниже, в действующей модели особого порядка право потерпевшего возражать против сокращения судебного следствия имеет объективные причины, не считаться с которыми невозможно. Во-вторых, следует отдавать себе отчет в том, что право потерпевшего возражать против применения особого порядка судебного разбирательства является по своей правовой природе диспозитивным. Одним из признаков диспозитивных прав является то, что их реализация оказывает существенное влияние на производство по уголовному делу [3, с. 75]. Значимость такого влияния трудно переоценить, ведь от усмотрения потерпевшего зависит, в каком порядке по уголовному делу будет проводиться судебное разбирательство, а также сама возможность применения положений гл. 40 УПК РФ. И это при том, что другой особенностью рассматриваемого процессуального права как диспозитивного является то, что реализуется оно потерпевшим в целях отстаивания сугубо личных интересов. Соответственно, решение о том, согласиться на применение особого порядка судебного разбирательства или возражать против него, потерпевший обосновывать не должен, а значит, форма судебного разбирательства поставлена законодателем в зависимость от произвольного усмотрения потерпевшего. Данное обстоятельство придает вопросу о необходимости учитывать в качестве условия применения особого порядка судебного разбирательства позицию потерпевшего некую остроту.

Сокращенное судебное следствие применяется также по уголовным делам в отношении подсудимого, с которым в ходе предварительного расследования было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ). Здесь предпосылками сокращения судебного следствия в ходе судебного разбирательства выступают, во-первых, факт заключения между сторонами обвинения и защиты досудебного соглашения о сотрудничестве (при необходимости соблюдения обвиняемым условий и выполнения обязательств, предусмотренных таким соглашением), а во-вторых, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением. Формальным основанием применения особого порядка судебного разбирательства является направление в суд уголовного дела с представлением прокурора, вынесенным в порядке ст. 317.5 УПК РФ. Примечательно, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве потерпевший не имеет возможности повлиять на применение по делу особого порядка судебного разбирательства — его мнение не учитывается ни при заключении соглашения, ни после передачи

уголовного дела в суд. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, «возражение потерпевшего... против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке» [4].

Еще одним случаем применения особого порядка судебного разбирательства является производство по уголовному делу предварительного расследования в форме сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ). И здесь волеизъявление потерпевшего учитывается на всех этапах уголовного судопроизводства. Во-первых, возражение потерпевшего прямо предусмотрено в законе как обстоятельство, исключающее возможность производства по уголовному делу дознания в сокращенной форме (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Во-вторых, потерпевший и на последующих этапах досудебного производства вправе заявить обязательное для органа расследования ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме; в-третьих, в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора потерпевший вправе выразить возражения против дальнейшего производства по уголовному делу с применением особого порядка судебного разбирательства, что влечет возвращение уголовного дела прокурору (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ).

Смысл установления законодателем процедуры, требующей согласования с потерпевшим применения особого порядка судебного разбирательства (в настоящее время — учета его возражений), видится в следующем. Постановленный в особом порядке приговор суда не подлежит обжалованию по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, т. е. в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. Данное ограничение является следствием того, что суд при применении особого порядка судебного разбирательства не проводит исследование и оценку доказательств в общем порядке и, как сказано в ч. 8 ст. 316 УПК РФ, не отражает в приговоре анализ доказательств и их оценку. Это означает, что в нынешнем виде приговоры суда, постановленные в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не поддаются проверке вышестоящей судебной инстанцией с точки зрения вопросов факта. Чтобы данное ограничение права на обжалование не нарушало конституционного права участников уголовного процесса на судебную защиту, законодатель исходит из того, что стороны заранее должны согласиться с правильностью установления органами предварительного расследования фактических обстоятельств дела.

Сторона защиты выражает такое свое согласие посредством заявления обвиняемым ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства, а государственный обвинитель и потерпевший — не возражая против применения особого порядка судебного разбирательства. Следовательно, рассматриваемая процедура изначально сконструирована таким образом, чтобы у сторон *a priori* не было оснований для оспаривания в дальнейшем правильности приговора суда в части установления фактических обстоятельств дела.

В связи с этим понятна озабоченность, которую вызывает у исследователей игнорирование законодателем позиции потерпевшего относительно применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в отношении обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В данной ситуации сначала особый порядок судебного разбирательства применяется независимо от того, согласен потерпевший с выводами органов предварительного расследования или нет, а затем применение этого порядка влечет за собой ограничение права потерпевшего на обжалование судебного решения. В юридической литературе предлагаются различные варианты законодательного решения данной проблемы. Одни авторы считают, что согласие потерпевшего должно являться неотъемлемым условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве [5, с. 34]. Другие придерживаются мнения, что потерпевший должен быть уведомлен о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и иметь право обжаловать данное решение в ходе предварительного расследования в порядке ст. 123 УПК РФ [6, с. 463]. Третьи полагают, что в ходе досудебного производства потерпевший не должен иметь возможности обжаловать факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а вот после передачи уголовного дела в суд ему следует предоставить право «обжаловать досудебное соглашение как по сути, так и в части его отдельных элементов и возражать против рассмотрения дела в особом порядке» [7, с. 10—11]. Не вдаваясь в анализ и оценку вышесказанных предложений, обратим внимание лишь на следующее. Правовые последствия применения особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве затрагивают интересы потерпевшего ничуть не меньше, чем при применении положений гл. 40 УПК РФ (имеются в виду гарантированное снижение максимального наказания осужденному, а также ограничение права обжалования судебного решения в апелляционном порядке). В связи с этим игнорирование законодателем позиции потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве выглядит по меньшей мере непоследовательным.

С этих же позиций необходимо оценивать и высказываемые в литературе предложения отказаться от учета мнения потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Так, например, К. А. Рыбалов еще в 2004 г. высказал позицию, согласно которой ставить применение особого порядка судебного разбирательства в зависимость от усмотрения потерпевшего нецелесообразно [8, с. 8]. С точки зрения А. П. Тенишева, мнение потерпевшего относительно возможности применения особого порядка судебного разбирательства должно выясняться в ходе судебного заседания, а его возражения должны влечь не обязанность, а право судьи прекратить особый порядок и перейти к общему [9, с. 157].

Высказываются в юридической литературе и сомнения относительно необходимости учета мнения потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам, расследованным в форме сокращенного дознания. Так, еще на этапе обсуждения законопроекта о дополнении УПК РФ главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме» было высказано мнение о том, что право потерпевшего в любое время до удаления суда в совещательную комнату заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме не согласуется с принципом разумного срока уголовного судопроизводства. В связи с этим предлагалось закрепить в законопроекте получение согласия потерпевшего в письменной форме только один раз и невозможность отказа от него в будущем [10, с. 54]. В некоторых исследованиях высказывается даже идея о полном отказе от согласования с потерпевшим решения о производстве дознания в сокращенной форме [11, с. 16; 12, с. 148]. Несмотря на то что высказанные точки зрения касаются согласования с потерпевшим решения о производстве дознания в сокращенной форме, они имеют непосредственное отношение к предмету настоящего исследования. Дело в том, что реализация предложений об ограничении права потерпевшего возражать против производства дознания в сокращенной форме повлекла бы за собой (в рамках действующей регламентации) одновременно устранение этого участника уголовного процесса и от решения вопроса о применении особого порядка судебного разбирательства.

Трудно не согласиться с мыслью о том, что согласование возможности применения особого порядка судебного разбирательства с потерпевшим, излишне усложняя процедуру судопроизводства, во многом нивелирует процессуальную экономию, ради которой это ускоренное производство и вводилось в уголовный процесс. Нельзя не учитывать и те очевидные издержки, которыми, напри-

мер, чревато заявление потерпевшим возражения против продолжения судебного разбирательства в особом порядке уголовного дела, расследованного в форме сокращенного дознания. Вместе с тем необходимо отдавать себе отчет в том, что оптимизация действующей модели ускоренных производств путем отказа от учета позиции потерпевшего возможна только при условии, что этому участнику уголовного процесса будет обеспечено право, в случае несогласия с приговором суда, обжаловать его по любым предусмотренным законом основаниям.

В настоящее время, как уже было сказано, проверка вышестоящей судебной инстанцией судебного решения по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, невозможна из-за того, что суд в приговоре, постановленном в порядке ст. 316 УПК РФ, фактические обстоятельства не устанавливает, анализ и оценку доказательств не приводит. Выход из сложившегося положения видится в изменении регламентации познавательной деятельности суда по уголовным делам, рассматриваемым в порядке ст. 316 УПК РФ. Для этого на суд, рассматривающий уголовное дело в особом порядке, необходимо возложить обязанность устанавливать фактические обстоятельства уголовного дела, а также отражать и мотивировать свои выводы в итоговом судебном решении. Познание судом фактической стороны дела при этом должно осуществляться на основе, во-первых, исследования судом собранных органами предварительного расследования письменных доказательств, производимого судьей в ходе подготовки дела к судебному заседанию и при постановлении приговора, а во-вторых — обязательного допроса подсудимого в ходе судебного заседания и непосредственного исследования некоторых других доказательств (характеризующих личность подсудимого и т. п.). Результаты познавательной деятельности суда должны находить отражение в приговоре, описательно-мотивировочную часть которого необходимо составлять по общим правилам [13, с. 36]. Такая регламентация позволит применять особый порядок судебного разбирательства даже при несогласии потерпевшего с позицией органов публичного уголовного преследования. В этом случае права потерпевшего окажутся под судебной защитой, которую обеспечит возможность обжалования и проверки в суде второй инстанции законности, обоснованности и справедливости приговора, в том числе с позиции соответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

1. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М.: СПАРК, 1996. 624 с.

3. Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73—78.

4. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета. 2012. 11 июля.

5. Бахта А. С., Овчинников Ю. Г. Согласие потерпевшего как неотъемлемое условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4. С. 30—35.

6. Сinenko С. А. К вопросу об обеспечении прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 5. С. 460—465.

7. Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 33 с.

8. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.

9. Тенишев А. П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 197 с.

10. Григорьев Д. А. От протокольной формы досудебного производства до сокращенного дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 53—55.

11. Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12—19.

1. Law of the Russian Federation No. 5451-1 on 16 July 1993. "On amendments and additions to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR", the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses". *Vedomosti of Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1993; 33; Art. 1313. (in Russian).

2. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR. Under total ed. V. M. Lebedev, scientific ed. V. P. Bozhiev. Moscow: SPARK; 1996: 624. (in Russian).

3. Dikarev I. S. Dispositive principle in the criminal process of Russia. *Journal of Russian law*. 2008; 6: 73—78. (in Russian).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 on 28 June 2012. "On the practice of applying by courts a special procedure for judicial proceedings in criminal cases when concluding a pre-trial agreement on cooperation". *Rossiyskaya Gazeta*. 2012; 11 July. (in Russian).

5. Bakhta A. S., Ovchinnikov Yu. G. The consent of the victim as an integral condition for concluding a pre-trial cooperation agreement. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2014; 4: 30—35. (in Russian).

6. Sinenko S. A. On the issue of ensuring the rights of the victim when concluding a pre-trial agreement on cooperation. *Uchenye zapiski Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2012; 5: 460—465. (in Russian).

7. Kolesnik V. V. Pre-trial agreement on cooperation between the parties in the criminal process of the Russian Federation: doctrine, legislative technique, interpretation and practice. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2013: 33. (in Russian).

8. Rybalov K. A. Special order of court proceedings in the Russian Federation and problems of its implementation. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 26. (in Russian).

9. Tenishev A. P. Special order of trial in the criminal process of the Russian Federation: compliance with the principles and improvement of the procedural form. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 197. (in Russian).

10. Grigoriev D. A. From the protocol form of pre-trial proceedings to an abbreviated inquiry. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013; 2: 53—55. (in Russian).

11. Alexandrov A. S., Lapatnikov M. V. Abbreviated inquiry: novellas of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the complexity of their application. *Ugolovny process*. 2013; 4: 12—19. (in Russian).

12. Герасенков В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 232 с.

13. Дикарев И. С. О роли суда в доказывании по уголовным делам, рассматриваемым в порядке главы 40 УПК Российской Федерации // Вестник военного права. 2020. № 2. С. 34—38.

© Дикарев И. С., 2021

Дикарев Илья Степанович,

директор Института права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: iliadikarev@volsu.ru

12. Gerasenkov V. M. Models of accelerated pre-trial proceedings in the Russian criminal process. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 232. (in Russian).

13. Dikarev I. S. On the role of the court in proving criminal cases considered in the order of Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Vestnik voennogo prava. 2020; 2: 34—38. (in Russian).

© Dikarev I. S., 2021

Dikarev Ilia Stepanovich,

director of the Institute of Law
of Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: iliadikarev@gmail.com

* * *

С. И. Иванов

**ТЕОРИЯ СЫСКОЙ (ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ) ОПЕРАЦИИ:
ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ**

В статье рассматривается оперативно-разыскная операция как высшая организационная форма осуществления оперативными подразделениями органов внутренних дел своей оперативной функции и ее основные особенности. Автор раскрывает понятие «операция», детально характеризует ее признаки, анализирует подходы к пониманию данного термина. Основываясь на анализе научной литературы и практическом опыте, определяет оперативно-разыскную операцию как наиболее эффективную форму противодействия преступности с широким применением рефлексивного управления и оперативной игры.

В работе проведен детальный анализ особенностей оперативно-разыскной операции, на основе которого выделены общие и специфические черты операции и дана их характеристика.

Автором обоснована необходимость применения оперативно-разыскных операций как высшей организационной формы осуществления оперативно-разыскной деятельности ввиду ее универсальности и возможности способствовать решению общих и частных задач оперативно-разыскной деятельности.

Особое внимание уделено вопросу разграничения понятий специальной и оперативно-разыскной операции, являющейся всегда негласной и не предусматривающей ведения специальных боевых действий.

Ключевые слова: оперативная игра, оперативное обеспечение, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная операция, оперативно-разыскное мероприятие, операция, специальная операция.

S. I. Ivanov

**THEORY OF SEARCH (OPERATIONAL-SEARCH) OPERATION:
CONCEPT AND MAIN FEATURES**

The article considers the operational-search operation as the highest organizational form of the Interior operational divisions' operational function and its main features. The author specifies the concept of "operation", characterizes in detail its features, analyzes approaches to understanding this term. Based on the analysis of scientific literature and practical experience, he defines the operational-search operation as the most effective form of combating crime with the widespread use of reflexive control and operational game.

The paper provides a detailed analysis of the features of the operational search operation, on the basis of which the general and specific features of the operation are highlighted and their characteristics are given.

The author substantiates the need for the use of operational-search operations as the highest organizational form of the implementation of operational-search activities, in view of its universality and the ability to contribute to the solution of general and specific tasks of operational-search activities.

Special attention is paid to the issue of differentiating the concepts of special and operational-search operation, which is always tacit and does not provide for the conduct of special combat operations.

Key words: operational game, operational support, operational-search activity, operational-search operation, operational-search action, operation, special operation.

Проблема применения эффективных организационных форм оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) становится все более актуальной в связи с использованием криминальными группировками методов противодействия правоохранительным органам, присущих разведывательной и контрразведывательной деятельности. По нашему глубокому убеждению, наиболее эффективной формой противодействия организованным преступным группам и профессиональным пре-

ступникам является сыскная (оперативно-разыскная) операция с широким применением рефлексивного управления и оперативной игры.

Оперативно-разыскная операция (далее — ОРО) может быть кратко определена как организационная форма осуществления оперативными подразделениями органов внутренних дел (далее — ОВД) своей оперативной функции, являющаяся системой оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) и иных действий, направленных

на решение задач ОРД, реализуемых в соответствии с единым замыслом, на основе единого плана и согласованных по цели, времени, месту (объектам) и способам действий. Естественно, что такая операция должна вестись под руководством одного начальника оперативного подразделения, опирающегося на помощь временного подразделения со штабными функциями или — в наименее сложном случае — заместителя. Иными словами, характерным признаком операции является наличие субъекта управления (единого центра руководства).

Термин «операция» заимствован из военной науки как области знания, наиболее приближенной к ОРД и другим отраслям наук, связанных с борьбой противоположных сторон. Этот термин стал применяться благодаря работам А. В. Дулова и В. И. Михайлова. В дальнейшем разработкой различных аспектов теории операций в ОРД занимались специалисты разных областей юридической науки России, Белоруссии, Казахстана, Украины — И. И. Бранчель, С. А. Буткевич, К. К. Горяинов, В. С. Гурьев, Ю. В. Дубко, В. С. Овчинский, Н. Б. Саакян, Е. Г. Самовичев, Г. К. Синилов, А. М. Хлус и некоторые другие. Ими в общем виде принималась приведенная выше формулировка, однако сама операция в ОРД именовалась как оперативно-разыскной, так и оперативно-тактической, сыскной и даже специальной, что свидетельствует об отсутствии общепринятой классификации операций, проводимых ОВД. Имеются и разногласия по поводу самого содержания оперативно-тактических операций. В частности, иногда их содержание сводится к тому или иному комплексному ОРМ, как правило, к оперативному эксперименту, а иногда к операциям относятся сложные оперативно-разыскные действия, совершаемые на стратегическом уровне управления. Таким образом, становится ясным, что формулирование определения такой сложной организационной формы, как ОРО, в одной фразе является недостаточным и требует уточнения и самого понятия, и основных особенностей ОРО, что и является целью данного исследования. Актуальность обозначенной проблемы состоит в том, что признание руководством МВД России ОРО в качестве высшей организационно-тактической формы может способствовать существенному повышению ее эффективности, позволит организовать подготовку соответствующих инструкций и наставлений на основе практического опыта.

В настоящее время оперативные подразделения ОВД осуществляют оперативно-разыскное производство в нескольких организационно-тактических формах, которые вытекают из целей, на достижение которых они направлены, и условий, в которых они должны осуществляться. Практически во всех существующих нормативно закреплённых организационно-тактических формах возможен переход к их высшей форме — операции.

Таким образом, ОРО представляется нам как универсальная организационно-тактическая форма, высшая по отношению к иным формам (их высшая степень). Однако для того, чтобы ОРО достигла степени высшей организационно-тактической формы ОРД, необходимо количественное накопление признаков для перехода в новое качество в соответствии с одним из основных законов диалектики — закона перехода количества в качество.

Главным признаком операции, отличающим ее от иных организационно-тактических форм ОРД, является множественность участников: от нескольких оперативных подразделений в масштабных операциях до нескольких рядовых участников в небольших ОРО. Однако действия оперативного сотрудника и конфиденнта или даже двух оперативных сотрудников и конфиденнтов не могут рассматриваться как операция, если эти действия не согласуются одним субъектом управления по цели, месту, времени, способам, даже если в результате их получена информация, использованная для раскрытия преступления. Иное дело, когда для решения поставленной задачи даже одному конфиденнту требуется содействие других участников, и он это содействие получает путем проводимых обеспечивающих мероприятий. Поскольку это предполагает участие и взаимодействие нескольких лиц, оно может рассматриваться как ОРО. Здесь важно руководство участниками из одного центра и согласование их усилий. Именно это свидетельствует о том, что ОРО является высшей организационно-тактической формой ОРД, поскольку она может являться либо высшей (наиболее сложной) степенью оперативно-разыскного производства, либо вообще самостоятельной формой ведения ОРД.

В основе ОРО лежит система ОРМ и иных действий, а иначе говоря — тактических способов действий. В первую очередь это простые и комплексные ОРМ. По нашему мнению, отдельные комплексные ОРМ не могут рассматриваться как операции, поскольку, во-первых, они чаще являются этапами ОРО (например, оперативное внедрение и последующий оперативный эксперимент или контролируемая поставка), а во-вторых, только одних ОРМ для начала, ведения и завершения операции недостаточно.

Ведение операции требует средств, позволяющих воздействовать на оперативную обстановку и складывающуюся оперативную ситуацию. К этим средствам следует отнести простое и сложное рефлексивное управление, оперативные комбинации и их сочетания, объединённые общим замыслом, а это представляет собой оперативную игру. Таким образом, мы включаем в число тактических способов действий сыскной операции оперативные комбинации и оперативную игру.

Кроме того, по мнению В. Н. Омелина, к перечню оперативно-разыскных действий следует отнести блокирование, засаду, захват, погоню и прочесывание местности, отмечая, что все они широко применяются в ОРД [1, с. 133, 134]. Эта группа мер наряду с ОРМ является тактическими способами действий.

По мнению С. А. Буткевича, без использования специальных форм и методов ОРД затруднено выявление процессов, протекающих как в криминальной среде правонарушителей, так и среди различных групп населения [2, с. 186]. Следовательно, засада, налет, захват, блокирование не могут быть отнесены к ОРМ, так как они не связаны с проникновением в криминальную среду, не нацелены на получение оперативной информации и могут осуществляться не субъектами ОРД. В то же время эти действия обладают признаками обеспечивающих мероприятий. Все это заставляет относить их к оперативно-разыскной тактике и вспомогательным способам действий сыскных операций. Необходимо учитывать, что проведение гласных мероприятий не субъектами ОРД, внешне схожих с ОРМ, не относится к ОРД и является элементом других видов деятельности [3, с. 24].

Под операцией в обычном понимании подразумеваются действия, совершаемые по ранее разработанному плану. Единые замысел и план — это неотъемлемые элементы любой операции, включая и сыскную. Замысел будущей операции возникает в результате оценки оперативной обстановки и конкретной оперативно-разыскной ситуации, при которых учитываются силы и средства противостоящей стороны, ее возможности, собственные силы и средства, их возможности, потенциал других оперативных подразделений ОВД, если их предполагается привлечь к решению предстоящих оперативно-служебных задач.

План ОРО должен включать все намечаемые мероприятия в их последовательности с указанием сроков и ответственных исполнителей. В ходе операции недопустимо осуществление провокации. У фигуранта должен оставаться выбор между продолжением действий по осуществлению преступления или отказом от их реализации [4, с. 106].

Проведение обысков и задержаний требует наличие конкретного плана и схемы внутренних помещений и прилегающих построек с изображением всех деталей помещения и обстановки в нем [5, с. 185]. Подготовка к физическому захвату преступников осуществляется с особой тщательностью при предварительном проигрывании всех действий участников. Недоработки при планировании операции не только срывали выполнение задачи, но и приводили к большим потерям. В недооценке значения планирования кроется большая опасность [6, с. 28].

План операции может постоянно корректироваться под влиянием меняющейся оперативной обстановки. Замысел операции не может быть изменен. Если изменения оперативной обстановки требуют значительной переработки плана, не соответствующего уже первоначальному замыслу, это влечет за собой необходимость разработки совершенно нового замысла и плана, что может свидетельствовать и о необходимости проведения совершенно иной операции.

ОРО предполагает согласованные действия нескольких участников. Этими участниками являются в наиболее простом случае минимум несколько оперативных сотрудников и конфидененты, действующие под руководством непосредственного начальника. Но гораздо чаще для ведения операции необходимы силы и средства нескольких оперативных подразделений и зачастую других служб ОВД, а также других ведомств, по крайней мере на уровне координации усилий, обмена оперативной информацией и т. п. Взаимодействие требует четкого определения роли каждого участника и порядка его действий. Оно должно отвечать принципам законности, координированности, непрерывности, нормированности, паритетности, маневренности и специализированности [7, с. 84].

Принципы конспирации и обеспечения внезапности являются обязательными для ОРО. Без соблюдения первого невозможно достичь второго, они оба влияют на успех операции. В целях максимального соблюдения принципа конспирации задачи исполнителям приходится ставить непосредственно при инструктаже перед выполнением служебно-оперативных задач, и только тем исполнителям, которых эти задачи непосредственно касаются. Вопросы, рассматриваемые на таких инструктажах, должны включать всю информацию, необходимую для эффективного решения поставленных задач и организации взаимодействия и управления [8, с. 641].

Еще одной отличительной чертой операции является руководство из одного центра. Субъект управления ОРО лишь в самом простом случае может ограничиваться оперативным начальником — руководителем данной операции и его помощником по средствам связи. Руководителю операции необходимо постоянно располагать по возможности полной и достоверной информацией. Понятно, что одному руководителю заниматься этим круглые сутки практически невозможно. В таких случаях аппарат управления усложняется и принимает все новые формы. Если операция начиналась как поисково-разведывательная, первоначально управлялась одним руководителем и его заместителем через оперативных сотрудников, а через них — конфиденентами, то постепенно, с поступле-

нием информации, требуются новые, качественно отличающиеся от поисково-разведывательных меры и действия.

Усложнение задач требует формирования групп управления операцией, оперативной скрытой связи, мобильного реагирования, всестороннего обеспечения и т. д. К операции привлекаются оперативные подразделения бюро специальных технических мероприятий, оперативно-поискового бюро, различные подразделения органов внутренних дел, не являющиеся оперативными, подразделения Росгвардии. Усложняющаяся группировка сил и средств начинается в чем-то напоминать оперативное построение при ведении масштабных контртеррористических и им подобных операций. Впрочем, большинство сыскных операций не достигают такого масштаба, но требуют создания относительно сложных органов управления, выполняющих штабные и оперативные функции.

Большое значение для ОРО играет ее всестороннее обеспечение, которое имеет свою специфику. Например, оперативное внедрение при проведении ОРО обеспечивается руководством со стороны куратора и постоянной готовностью к оказанию помощи группой поддержки.

Необходимо также сказать несколько слов о взаимном переходе ОРО и специальной операции в новое качество. Между оперативно-разыскной и специальной операциями есть определенная грань. Как обосновал Ю. В. Дубко в своих исследованиях, специальную операцию отграничивает от других ведение специальных боевых действий. Не существенно, дошло ли дело на практике до фактического применения силы. Но если в ходе операции начато развертывание сил и средств в боевой порядок или оперативное построение, это следует считать фактическим началом боевых действий [8, с. 276].

ОРО всегда негласные, они не предусматривают ведения специальных боевых действий. Однако, предупреждает Ю. В. Дубко, все участники операции должны быть надлежащим образом вооружены и экипированы [8, с. 281]. Момент перехода сыскной операции в специальную трудноуловим, он может наступить внезапно. И если ОРО в принципе должна стремиться к решению задач специальной операции оперативно-разыскными способами, то и специальная операция должна представлять собой комплексное боевое обеспечение первой.

Близкую, на наш взгляд, точку зрения на взаимный переход оперативно-разыскного и боевого обеспечения высказывает Л. М. Аваев. При определенных обстоятельствах оперативно-разыскное и боевое обеспечение может и должно меняться местами в основной и вспомогательной ролях в зависимости от того, что позволяет достичь конечного результата операции, что этому процессу способствует [9, с. 81].

Тыловое обеспечение, как правило, выражается в финансовом и материальном обеспечении. Информационное обеспечение ОРО в средствах массовой информации (далее — СМИ) играет важную роль. Иногда СМИ ставят террористов в центр общественного интереса, неосознанно удовлетворяя их социально-идеологические и психологические амбиции [10, с. 240]. Передача информации представителям СМИ должна отдельно планироваться и готовиться. Недопустимо появление в печати сведений, содержащих государственную и служебную тайну. Все участники ОРО рискуют не только своей профессиональной репутацией, но зачастую здоровьем и жизнью, поэтому морально-психологическое обеспечение их действий также очень важно [11, с. 115—116].

Кроме того, обязательной чертой операции является маневр. Уже на первом этапе любой сыскной операции происходит маневр путем временного переключения некоторой части или всех сил на выполнение не свойственных им в повседневной деятельности функций. В дальнейшем, когда действия в ходе операции приобретают некоторый размах, возникает необходимость перегруппировки сил в пространстве.

Для ОРО характерны общие с другими операциями и специфические черты. К общим чертам относятся: 1) наличие специального или штатного субъекта управления; 2) организация и проведение мероприятий и действий участников операции, согласованных по цели, времени, месту (объектам) и способам; 3) сконцентрированное использование сил и средств; 4) маневр силами и средствами; 5) напряженный режим работы по сравнению с повседневным режимом; 6) непрерывность мер и действий.

Специфические черты ОРО: 1) конспиративность подготовки и проведения; 2) зашифрованная и замаскированная форма осуществления; 3) широкое использование возможностей конфиденентов; 4) доминирование ОРМ над иными видами мер и действий; 5) органичная связь оперативно-разыскных и следственно-процессуальных действий.

На эффективность ОРО влияют согласованность действий, обеспечение взаимодействия всех участников операции на основе единых замысла и плана, ее комплексности. Кроме того, организация и проведение ОРО требуют концентрации определенного потенциала оперативных аппаратов, принятия взвешенных управленческих решений, обуславливают повышение ответственности участников операции [12, с. 87].

ОРО как высшая организационная форма ведения ОРД является в своем роде универсальной, поскольку благодаря включению в число способов действий как ОРМ, оперативных комбинаций, оперативной игры, так и (при необходимости) вспомо-

гательных (обеспечивающих) мер административно-правового характера, в некоторых случаях вплоть до элементов боевых действий (захват, засада и т. п.), она позволяет решать все задачи ОРД. Кроме того, ОРО может заменить собой необходимость ведения специальной операции по задер-

жанию вооруженных преступников, пресечению террористических актов, массовых беспорядков, выступлений экстремистских элементов, поскольку способствует достижению целей такой операции средствами ОРД.

1. Омелин В. Н. Оперативно-розыскные мероприятия и оперативно-розыскные действия: критерии разграничения // Закон и право. 2018. № 11. С. 132—134.

2. Буткевич С. А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 185—190.

3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Изд. 2-е. М.: Норма, 2016. 608 с.

4. Назаров А. Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 152 с.

5. Лонсдейл М. В. Штурмы: Руководство по тактике особого риска при проведении арестов и обысков: учеб. пособие / пер. с англ. В. Варганова. М.: Raids, 2004. 304 с.

6. Казачков Г. Тактика спецназа. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 272 с.

7. Бецов А. В. Организация взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы войск Национальной гвардии при участии в проведении контртеррористической операции (административно-правовые аспекты) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С. 80—85.

8. Дубко Ю. В. Управление органами внутренних дел в особых условиях: монография. Луганск: РИО ЛАВД, 2004. 776 с.

9. Аваев Л. М. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера // Общество и право. 2007. № 2. С. 77—82.

10. Золотарев В. А. Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. 484 с.

11. Буткевич С. А. Информирование общественности об актах терроризма как метод криминологической превенции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 1 (42). С. 112—118.

12. Саакян М. Б., Гурьев В. С. Оперативно-тактическая операция: решение задач оперативно-розыскной деятельности // Бюллетень

1. Omelin V. N. Operational-search measures and operational-search actions: criteria for delimitation. Law and law. 2018; 11: 132—134. (in Russian).

2. Butkevich S. A. Operational-search support for the activities of internal affairs bodies in special conditions: problems of theory and practice. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 4: 185—190. (in Russian).

3. Commentary on the Federal Law “On Operational-Search Activities”. 2nd ed. Moscow: Norma; 2016: 608. (in Russian).

4. Nazarov A. D. Provocations in operational-search activities. Moscow: Yurlitinform; 2010: 152. (in Russian).

5. Lonsdale M. V. Sturma: Guide to Tactics of Special Risk in Conducting Arrests and Searches. Textbook. Translate from English by V. Varganova. Moscow: Raids; 2004: 304. (in Russian).

6. Kazachkov G. Special forces tactics. Rostov-on-Don: Phoenix; 2006: 272. (in Russian).

7. Betskov A. V. Organization of interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Federal Service of the National Guard Troops with participation in the counterterrorism operation (administrative and legal aspects). Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 3: 80—85. (in Russian).

8. Dubko Yu. V. Management of internal affairs bodies in special conditions. Monograph. Lugansk: RIO LAVD; 2004: 776. (in Russian).

9. Avaev L. M. To the question of the concept of operational-search support for the activities of internal affairs bodies in extraordinary circumstances of a criminal nature. Society and law. 2007; 2: 77—82. (in Russian).

10. Zolotarev V. A. Military security of the Russian State. Moscow: Kuchkovo field; 2001: 484. (in Russian).

11. Butkevich S. A. Informing the public about acts of terrorism as a method of criminological prevention. Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 42 (1): 112—118. (in Russian).

12. Sahakyan M. B., Guryev V. S. Operational-tactical operation: solving problems of operational-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

по обмену опытом работы: науч.-практ. изд.
2004. № 155. С. 78—87.

© Иванов С. И., 2021

Иванов Святослав Игоревич,
начальник кафедры оперативно-разыскной
деятельности
и специальной техники
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sviatoslavigor@gmail.com

search activity. Bulletin for the exchange of work
experience: scientific-practical edition. 2004; 155:
78—87. (in Russian).

© Ivanov S. I., 2021

Ivanov Svyatoslav Igorevich,
head of the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Crimean branch
of the Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sviatoslavigor@gmail.com

* * *

А. С. Каретников, Н. В. Каретникова, С. А. Коретников

**УЧАСТИЕ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ
ПУТЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЬЮ 2 СТАТЬИ 29
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье обосновывается вывод, что одна из целей судебной реформы — исключить российский суд из участия в уголовном преследовании — оказалась недостижимой, потому что в любой правовой системе суд, участвующий в процессе расследования уголовного дела в форме принятия решений о применении к подозреваемому (обвиняемому) мер пресечения, иных мер принуждения, о производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права личности (ч. 2 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), по определению не может оставаться непричастным к уголовному преследованию. Используемые для наименования этой деятельности термины «контроль», «санкционирование» не соответствуют ее настоящей сущности и направленности, так как в этих случаях суд не контролирует процессуальную деятельность следователя (дознателя), а по их официальной просьбе сам принимает решения, обеспечивающие изобличение лиц, совершивших преступление, установление иных обстоятельств, предмета доказывания. Потому положения ч. 2 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о том, что суд не является органом уголовного преследования, противоречат действительности, складывающейся при производстве по уголовному делу. В связи с этим предлагается исключить эту норму из ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное преследование, принцип состязательности, суд, прокурор, органы предварительного расследования, ходатайство, судебный контроль, санкционирование, меры принуждения, следственные действия.

A. S. Karetnikov, N. V. Karetnikova, S. A. Koretnikov

**PARTICIPATION OF THE COURT IN CRIMINAL PROSECUTION
BY EXERCISING THE POWERS PROVIDED FOR IN PART 2 OF ARTICLE 29
OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article substantiates the conclusion that one of the goals of the judicial reform — to exclude the Russian court from participation in the criminal prosecution — turned out to be unattainable, because in any legal system, the court participating in the criminal investigation process in the form of making decisions on the application of measures to the suspect (accused) suppression, other measures of coercion, on the production of investigative actions affecting the constitutional rights of the individual (part 2 of article 29 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), by definition, cannot remain uninvolved in criminal prosecution. The terms "control", "authorization" used to name this activity do not correspond to its essence, since in these cases, the court does not control the procedural activities of the investigator (interrogator), and at their official request, it makes decisions that ensure the exposure of persons, committed a crime, the establishment of other circumstances of the subject of proof. Therefore, the provisions of Part 2 of Art. 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that the court is not a body of criminal prosecution, contradict the reality that develops in the course of criminal proceedings. In this regard, it is proposed to exclude this rule from the norms of the adversarial principle.

Key words: criminal prosecution, adversarial principle, court, prosecutor, preliminary investigation bodies, petition, judicial control, authorization, coercive measures, investigative actions.

Понятие, содержание уголовного преследования — это вопросы, по которым в науке уголовного процесса ведутся дискуссии со времен действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и по настоящее время. Не вдаваясь в подробности,

заметим лишь, что практически во всех научных работах, посвященных этим вопросам, прослеживается единодушие в том, что следственные действия и меры уголовно-процессуального принуждения — составные части содержания понятия

«уголовное преследование» [1, с. 196; 2, с. 47; 3, с. 86—88]. В таком же качестве рассматривал их и Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-п «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» [4]. В период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР) все решения о производстве следственных действий и мер уголовно-процессуального принуждения принимал следователь и дознаватель самостоятельно либо с санкции надзирающего прокурора. Суд в стадии предварительного расследования участия не принимал, следовательно, в этой стадии какого-либо отношения к деятельности, именуемой уголовным преследованием, он не имел. Но при рассмотрении уголовного дела по существу перед судом стояла задача установления истины по нему. Для ее достижения закон обязывал председательствующего в судебном заседании принимать все предусмотренные УПК РСФСР меры к всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств уголовного дела (ст. 20, 243). Потому суд в ходе судебного разбирательства не мог занимать пассивного положения, ограничиваться исследованием только доказательств, представленных стороной обвинения и защиты, а наоборот, закон предполагал его активную деятельность по установлению истины. Руководствуясь ст. 70 и 71 УПК РСФСР, суд по своей инициативе привлекал, исследовал и оценивал новые доказательства. Они могли собираться как для подтверждения причастности подсудимого к совершению преступления, так и для опровержения его участия в нем. Если восполнить пробелы предварительного расследования в судебном заседании не представлялось возможным, то дело возвращалось на дополнительное расследование для восполнения неполноты первоначального следствия (п. 1 ст. 232).

Когда суд в судебном заседании устанавливал обстоятельства, свидетельствующие о совершении подсудимым преступления, по которому обвинение ему ранее не предъявлялось, суд вправе был возбудить уголовное дело в отношении подсудимого по новому обвинению. При установлении обстоятельств, указывающих на совершение преступления иным лицом, суд также вправе был возбудить уголовное дело в отношении этого лица. Если новое обвинение в отношении подсудимого или другого лица было тесно связано с первоначальным обвинением, а раздельное их рассмотрение в суде было невозможно, то суд направлял дело для производства дополнительного расследования (пп. 3, 4 ст. 232, 258). В иных случаях суд направлял определение о возбуждении дела

и относящиеся к нему материалы прокурору для производства по ним предварительного следствия или дознания (ст. 255, 256). Суд был обязан возбудить уголовное дело в отношении свидетеля и потерпевшего за заведомо ложные показания, в отношении эксперта за заведомо ложное заключение, в отношении переводчика за заведомо неправильный перевод (ст. 256). Отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого (ст. 248). Как правило, не прокурор, а суд оглашал в судебном заседании обвинительное заключение (ст. 279), первым допрашивал подсудимого (ст. 280), свидетелей (ст. 282), эксперта (ст. 289).

По материалам, составленным органами дознания в протокольной форме по делам о преступлениях, которые не представляли большой общественной опасности (ст. 418), суд возбуждал уголовное дело и формулировал обвинение с указанием статьи Уголовного кодекса РСФСР, по которой подсудимый подлежал ответственности. Перечисленные действия и решения суда свидетельствовали о прямом или косвенном участии суда в уголовном преследовании по делам, находящимся в его производстве. Это дало основание авторам Концепции судебной реформы в РСФСР признать их недопустимыми для органа, осуществляющего правосудие, потому что «...суд, стремясь изобличить преступника и привести в движение механизм уголовного преследования, теряет качество объективности, оказывается „в одной упряжке“ с прокурором, следователем и органом дознания» [5, с. 14]. В связи с этим ставилась задача освободить суд от всех подобных «рудиментов» функции уголовного преследования [5, с. 29]. Таким образом, проявляемая активность суда по выяснению обстоятельств совершенного преступления, соответствующая принципу публичности, была признана Концепцией порочным явлением. Одновременно с этим в постановлении Верховного Совета РСФСР и утвержденной им Концепции предусматривалась необходимость наделения суда полномочиями по осуществлению контроля за досудебным производством, т. е. деятельностью, которой по УПК РСФСР занимался не суд, а прокурор. Контроль, в частности, предусматривалось осуществлять за применением мер пресечения и других мер уголовно-процессуального принуждения [5, с. 2] и за следственными действиями, связанными с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан [5, с. 29].

Названные задачи начали реализовываться уже в нормах Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ [6]. Так, в ч. 3 ст. 28 закреплено положение о том, что

«суд не является органом уголовного преследования». В главе «Судебный контроль за досудебным производством» содержатся нормы, предусматривающие принятие судом решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и других мер принуждения (ч. 1 ст. 322), а также решений, затрагивающих конституционные права личности (чч. 1, 2 ст. 321). Порядок принятия решений конкретизируются в ст. 168, 265, 274, 280 данного Кодекса.

Намеченные Концепцией пути реформирования суда стали объектами диссертационных исследований, научных статей, монографий и учебных пособий. В них все предлагаемые Концепцией и включенные в Модельный кодекс действия и решения суда в досудебном производстве именовались объединяющим их термином «судебный контроль», хотя по своей сути большинство из них ничем не отличалось от решений, принимаемых судом в судебных стадиях, и не носило контрольный характер. В результате к моменту разработки и принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) словосочетание «судебный контроль» стало уже обыденным в юридическом лексиконе. Такая трактовка досудебной деятельности суда соответствовала Концепции судебной реформы, а потому воспринималась в качестве единственно истинной. По нашему мнению, только этим можно объяснить включение в УПК РФ двух, противоречащих друг другу, правовых положений. В части 3 статьи 15 УПК РФ провозглашается, что суд не является органом уголовного преследования, а в ч. 2 ст. 29 УПК РФ закрепляется его полномочие на принятие решений о производстве следственных действий и применении мер принуждения, которыми и реализуется функция уголовного преследования. Совершенно очевидно, что в данном случае законодатель возложил на суд полномочия самому принимать решения о таких мерах и действиях, которые влекут ограничение или стеснение конституционных прав, а не контролировать деятельность следователя (дознателя) по их принятию. Ведь контролировать можно исполнение только тех полномочий, какими обладает должностное лицо, но следователь (дознатель) ими не наделен, а потому все рассуждения о контрольной деятельности суда в таких ситуациях не имеют под собой ни фактических, ни правовых, ни логических оснований, т. е. они беспредметны. Если и контролирует кого судья в таких случаях, так это себя (самоконтроль), чтобы не принять незаконного или необоснованного решения. В компетенцию должностных лиц, ведущих расследование дела, законодатель определил принятие решений о применении мер принуждения и производстве следственных действий, влекущих за собой ограничение прав и свобод неконсти-

туционного характера. Таким образом, законодатель четко определил, решения о каких принудительных мерах и следственных действиях должен принимать суд, а о каких — должностные лица органов предварительного расследования.

Принимая решения о применении мер принуждения и производстве следственных действий по ходатайствам следователя и дознавателя, судья тем самым становится участником предварительного расследования. Его решения, как и решения других должностных лиц, могут быть объектами контроля в случае их обжалования сторонами. До принятия судьей решения (положительного или отрицательного) нельзя вообще вести речь о контрольной деятельности. Потому именовать эту деятельность судебным контролем — значит искажать ее истинный смысл и назначение. В связи с этим сложно понять логику авторов, включающих в содержание понятия «уголовное преследование» дачу согласия руководителем следственного органа следователю и прокурором дознавателю на возбуждение перед судом ходатайств о применении мер принуждения и производстве следственных действий, а возможность включения в него положительных решений суда, принятых по этим ходатайствам, даже не обсуждают [7, с. 90; 8, с. 40; 9, с. 87], хотя совершенно очевидно, что само по себе согласие, без судебных решений, никак не может способствовать реализации функции уголовного преследования. Согласие прокурора и руководителя следственного органа лишь создает необходимые условия для рассмотрения судьей заявленного следователем или дознавателем ходатайства, а уголовное преследование реализуется исполнением решения судьи. Справедливости ради заметим, что в некоторых исследованиях все же признается факт участия суда в уголовном преследовании путем реализации полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Однако делается это с оговорками, преследующими цель показать, что деятельность эта не противоречит принципу состязательности. Суть оговорок сводится к следующему: судебный контроль в этих случаях является гарантом законности уголовного преследования [10, с. 85; 11]; суд не выступает на стороне обвинения, а лишь со стороны наблюдает за уголовным преследованием, создающим условия для производства по делу [12, с. 149—150]; суд «не выступает ни на стороне защиты, ни тем более на стороне обвинения, что вполне соответствует основам реформы процессуального законодательства, поскольку не исключает, а скорее обеспечивает претворение в жизнь принципа состязательности» [13, с. 13—14].

То, что рассматриваемая деятельность суда не является по своей сути контрольной, достаточно убедительно показано в монографических [14—16],

диссертационных исследованиях [13], статьях [17; 18], поэтому относительно данного вопроса мы ограничимся сделанными выше замечаниями. Но мы не можем согласиться и с авторами, определяющими рассматриваемую деятельность как «судебное санкционирование». Одни из них судебное санкционирование рассматривают в качестве формы судебного контроля [19, с. 107; 20; 21], другие — как самостоятельное направление судебной деятельности, наряду с судебным контролем [15, с. 20; 16, с. 12]. Обоснуем причины нашего несогласия с такими утверждениями.

Как известно, термин «санкционирую» длительное время использовал прокурор в процессе осуществления надзора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя при избрании ими меры пресечения в виде содержания под стражей и принятии решений о производстве ряда следственных действий во времена действия УПК РСФСР (ст. 96, 167, 168, 174, 188). Санкционирование судом следственных действий, связанных с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан, авторами Концепции судебной реформы предлагается рассматривать в качестве формы судебного контроля [5]. Определение этому термину было дано в п. 14 ст. 10 Модельного УПК. В нем под «санкцией» понимается «акт утверждения судом или прокурором решения, принятого органом уголовного преследования в ходе досудебного производства». Из данного определения вытекает вывод, что авторы этого Кодекса не видели различий между сущностью деятельности прокурора, санкционирующего решения следователя, дознавателя, и деятельностью суда по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования. Об идентичности сущности деятельности прокурора и суда в подобных случаях утверждается и в ряде научных работ. По мнению их авторов, неоправданно изменять название деятельности только из-за того, что изменился субъект, ее осуществляющий [19, с. 107; 20]. По-видимому, из этого же исходили и составители нового УПК Казахстана, коль досудебные решения, принимаемые судом этой республики, именуются санкционированием (п. 5, 6, 8, 9 ч. 2 ст. 53, п. 1—5, 7, 8, 13—18 ч. 1 ст. 55).

Представляется, что санкционирование нельзя рассматривать ни в качестве формы контроля, ни в качестве самостоятельного направления судебной деятельности, так как контроль, как вид социальной деятельности, осуществляется в двух формах: наблюдение и изучение. Наблюдение, являясь формой чувственного познания, одновременно является и формой контроля. Такая форма присутствует, главным образом, в таких социальных коллективах, в которых деятельность его членов протекает если не постоянно, то довольно часто

на виду у руководителя коллектива. При этой форме контролирующий субъект обращает свое внимание на действия и поступки объекта контроля и (или) на их результат. Наблюдение может быть как непреднамеренным, так и преднамеренным. Первое характеризуется отсутствием специальной цели наблюдения, но обусловлено интенсивными раздражителями, контрастами, проявлением чего-то нового, неожиданного. Например, оно может возникнуть у руководителя следственного органа в результате наблюдения таких поступков и действий следователя, которые отличаются большими отклонениями от норм права, их регулирующих, либо от подзаконных правовых актов, направленных на организацию следственной деятельности, либо норм морали.

Произвольное внимание характеризуется сознательно поставленной целью и его концентрацией на определенных действиях, поступках следователя (следователей). Оно всегда присутствует в тех случаях, когда руководитель следственного органа подвергает контролю тот или иной конкретный вопрос, например качество производства осмотров мест происшествий или работу начинающего свою профессиональную деятельность следователя.

Вторая форма контроля — изучение (исследование, анализ) результатов деятельности органа или его должностного лица. Изучение предполагает опосредованное получение информации контролирующим лицом о деятельности объекта контроля, отраженной в различных источниках (в документах, на предметах, аудио- и видеозаписи, фотографиях и т. д.), а также полученной при опросе лиц. Если путем наблюдения субъект контроля получает информацию главным образом о соответствии каких-то действий подконтрольного лица установленным нормативам, то путем изучения он может получить информацию о ходе и результатах всей его деятельности. В силу этого такая форма контроля является основной в любом виде социальной деятельности. Если внутрисистемный контроль руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания реализуется в обеих формах, то контроль прокурора, а также суда (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) протекает только в форме изучения. Потому «санкционирование» — это не форма контроля, и тем более не какой-то особый вид деятельности, а всего лишь один из терминов, которыми субъект контроля положительно оценивает проверенную им деятельность должностного лица или органа и выражает свое согласие с выводами, изложенными в решении, принятом по итогам этой деятельности. Этот термин в подобных случаях ранее использовал прокурор (п. 39 ст. 5 УПК РФ). После вступления в силу Федерального закона № 87-ФЗ от 5 июня

2007 г. прокурор в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20, ч. 4 ст. 96, ст. 25, 28, ч. 3 ст. 28.1, п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, свою положительную оценку решений дознавателя (а в ряде случаев и следователя) удостоверяет термином «согласен» (п. 41.1 ст. 5 УПК). Этот же термин в подобных ситуациях использует руководитель следственного органа (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 4, 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), а также начальник органа дознания (п. 1.2 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). В некоторых случаях этими должностными лицами положительный итог по результатам проверки материалов уголовного дела подводится термином «утверждаю» (п. 13, 14 ч. 2 ст. 37, п. 9 ч. 1 ст. 39, п. 10 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). Потому смена термина «санкция» на «согласие» ничего в содержательном смысле не изменила, так как термин «согласие» следует трактовать намного шире, чем это указано в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ [22, с. 152]. Следует согласиться с мнением, что «необходимости закрепления в законе дефиниции „согласие“, по крайней мере, в том виде, который она имеет на сегодняшний день, не было» [23, с. 67]. Но в любом случае «санкционирую», «согласен», «утверждаю» — это термины, обозначающие положительный вывод должностного лица, сделанный им по результатам проверки конкретного направления деятельности следователя или дознавателя. Следовательно, с их помощью подводятся итоги одного и того же вида деятельности — контрольной. Из этого вытекает вывод: санкционирование, как элемент системы контроля, не может существовать вне его рамок, а потому нелогично выделять «судебное санкционирование» в качестве самостоятельного вида судебной деятельности, наряду с судебным контролем. Так что авторы, именующие деятельность суда по рассмотрению ходатайств «судебным санкционированием», невольно становятся на сторону тех авторов, которые эту деятельность считают судебным контролем.

По нашему мнению, составители УПК РФ поступили верно, не восприняв высказанную в Концепции и закреплённую в Модельном кодексе идею называть санкционированием подобную деятельность суда, потому что между прокурорским санкционированием и реализацией судом полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, лежат принципиальные различия.

Первое из них заключается в том, что следователь и дознаватель представляли прокурору свое собственное решение о производстве следственного действия или применении меры пресечения, а в суд они обращаются не с решением, а просьбой о его принятии. Как же суд может санкционировать то, чего не существует по причине отсутствия у следователя и дознавателя полномочий на принятие испрашиваемого решения? В связи с этим не укладывается в рамки логики и сложившейся действи-

тельности утверждение о том, что решение о применении мер пресечения и производстве следственных действий принимают органы предварительного расследования, а суд лишь проверяет их законность и обоснованность [21].

Во-вторых, прокурору не требовалось свое согласие с решениями этих должностных лиц обосновывать и мотивировать в отдельном процессуальном документе (постановлении). Свое решение он удостоверял резолюцией «санкционирую» на тексте постановления, что свидетельствовало о его согласии как с основаниями, так и мотивами, изложенными в тексте этого постановления. С момента наложения резолюции прокурор становился соавтором санкционированного решения, несущим наравне со следователем, дознавателем ответственность за его законность и обоснованность. В противоположность прокурору суд не может быть соавтором решения с должностным лицом органа, входящего в систему управления, т. е. в иную ветвь власти. Любая процессуальная ситуация разрешается им единственным путем — принятием в установленном УПК РФ порядке собственного решения, за законность, обоснованность и мотивированность которого он и несет ответственность. Потому оно, а не ходатайство следователя (дознавателя) может быть обжаловано заинтересованными сторонами. В связи с этим представляется не соответствующим принципу разделения властей установленное в УПК Республики Казахстан [24] правило, согласно которому суд санкционирует принятые должностными лицами органов предварительного расследования решения о применении мер принуждения и производстве следственных действий (ч. 2 ст. 53, ч. 1 ст. 55). Утверждая это, мы исходим из того, что суд, как орган судебной власти, по определению не может санкционировать решения органа исполнительной власти.

В-третьих, при прокурорском санкционировании правовым основанием применения мер пресечения и производства следственных действий выступало постановление следователя (дознавателя). При положительном разрешении судом ходатайства этих должностных лиц правовым основанием применения мер пресечения и производства следственных действий, как и о производстве оперативно-разыскных действий [25, с. 4], выступает постановление судьи, поскольку именно в нем содержатся властные предписания, а не в ходатайстве следователя. Ходатайство отличается от постановлений тем, что оно не обладает властным характером, а потому термин «постановление» вообще неуместен применительно к данному документу, а принуждение к исполнению обязанностей лиц, которых затрагивает следственное действие, основывается на постановлении судьи, а не ходатайстве следователя.

В-четвертых, решение судьи может быть не только положительным или отрицательным, но и совсем иным, нежели то, что испрашивалось в ходатайстве (п. 3 ч. 7, ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ). Например, суды Российской Федерации вместо содержания под стражей, о применении чего ходатайствовали представители органов предварительного расследования, избрали домашний арест: в 2018 г. в отношении 3 918, в 2019 г. — 3 504 лиц, залог: в 2018 г. в отношении 138 лиц, в 2019 г. — 86 лиц, продлили срок задержания на 72 часа: в 2018 г. в отношении 3 472 лиц, в 2019 г. — 3 248 лиц. По результатам рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей избрали домашний арест: в 2018 г. в отношении 1 757 лиц, в 2019 г. — 1 956 лиц, залог: в 2018 г. в отношении 68 лиц, в 2019 г. — 92 лиц [26]. Можно ли в этих случаях вести речь о санкционировании? Вопрос риторический. Прокурор же, отказывая в санкционировании подобного постановления следователя или дознавателя, не избирал иную меру пресечения, а давал им письменное указание об их избрании, если видел в этом необходимость.

Авторы Концепции судебной реформы как на образец ссылаются на судебную реформу 1864 г. Обратимся и мы к отдельным положениям Устава уголовного судопроизводства (УУС 1864 г.), имеющим отношение к теме нашего исследования. Устав предусматривал принятие судом по представлению судебного следователя решений о сыске обвиняемого по публикации, об осмотре и выемке почтово-телеграфной корреспонденции и другие виды решений. Современными исследователями деятельность окружного суда в ходе производства предварительного следствия именуют по-разному, исходя из своих научных предпочтений. Одни — судебным контролем [27, с. 22; 28, с. 25—26; 29, с. 21; 30, с. 21], другие — судебным санкционированием [15, с. 5; 16, с. 103—106; 31].

В связи с этим уместно заметить, что во времена действия УУС 1864 г. суть подобной деятельности окружного суда расценивалась совершенно иначе в решениях Сената и научных работах. Так, Правительствующий Сенат в своих решениях отмечал, что суд в этих случаях заменяет судебного следователя, а его действия носят следственный характер [32, с. 732, 752]. Вл. Случевский, анализируя взаимоотношения окружного суда со следователем, отмечал, что в определенных законом случаях суд принимает непосредственное участие в расследовании путем осуществления части работы вместо следователя. К таким случаям он относил: избрание меры пресечения в виде содержания под стражей в случае возникновения по этому вопросу разногласий между прокурором и следователем (ст. 285); разрешение вопроса

об умственных способностях обвиняемого (ст. 353—356); исследование вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступления с разумением (ст. 356); наложение ареста или запрещения на имение обвиняемого (ст. 268); приостановление повременных изданий (ст. 1213) [33, с. 243—244, 329, 622], выемку почтовой или телеграфной корреспонденции (ст. 368.1), сыск обвиняемого по публикации (ст. 386) [32, с. 617—618].

Приведенные взгляды Сената и ученого отражали действительную сущность деятельности окружного суда на предварительном следствии — принятие решений или производство действий вместо судебного следователя. Не изменилась она и в современном досудебном производстве. Суд, принимая решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, тем самым действует вместо следователя или дознавателя. Как по УУС 1864 г., так и по УПК РФ, суд становится участником предварительного расследования только в случаях, когда требуется принятие решения, затрагивающего наиболее важные личные и имущественные права участников этой стадии. Потому реальность такова: применение судом любой из мер принуждения или принятие решения о производстве любого следственного действия, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, — это факты, свидетельствующие об участии суда в уголовном преследовании. И эта реальность сводит положения ч. 3 ст. 15 УПК РФ к уровню декларативных положений. А с реанимацией института возвращения судом уголовного дела на доследование с целью ухудшения положения подсудимого, последовавшей после внесения Федеральным законом № 269-ФЗ от 21 июля 2014 г. изменений в ст. 236 и 237 УПК РФ, их декларативность еще более возросла.

За годы действия УПК РФ объем полномочий суда в досудебном производстве постоянно расширялся, количество рассматриваемых судом ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования из года в год росло, о чем свидетельствуют статистические данные, содержащиеся в ежегодных отчетах о работе судов общей юрисдикции Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации. Ежегодно в 2018 и 2019 гг. суды Российской Федерации рассмотрели и разрешили почти по миллиону ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования, заявленных для принятия решений, предусмотренных только ч. 2 ст. 29 УПК РФ [26]. Действительность такова, что следователь и дознаватель в настоящее время не могут без участия суда расследовать подавляющее число уголовных дел, так как не уполномочены решать самостоятельно многие вопросы, перечень которых не только

широк, но и важен для реализации функции уголовного преследования. Сейчас именно следственные действия, производимые по судебному решению, позволяют отыскивать и закреплять наиболее значимые доказательства по уголовному делу. Меры принуждения, применяемые по решению суда, в большей мере обеспечивают порядок производства по уголовному делу, нежели те из них, которые принимаются следователем, дознавателем самостоятельно. Суды принимают положительные решения об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей даже при возращении главного лица со стороны обвинения — прокурора. В период с 2008 по 2013 г. таких случаев было более тысячи [34]. Кроме того, суды принимают и решения о производстве оперативно-разыскных мероприятий при оперативном сопровождении расследуемых преступлений неочевидного характера. Такова нынешняя реальность, в которой суд предстает в качестве не контрольного органа, а активного участника стадии предварительного расследования, играющего весомую роль в реализации функции уголовного преследования. Как верно заметил Ю. К. Якимович, при такой реальности суд может «превратиться в своеобразный придаток обвинительной власти» [35, с. 27]. При наличии такого объема судебной деятельности в стадии предварительного расследования можно лишь с большой натяжкой считать ее досудебной стадией. А в отдельных научных исследованиях содержатся призывы и дальше расширять его, обосновывая эту необходимость ссылками на законодательство развитых, демократических государств, в которых суд в процессе предварительного расследования обладает широкими полномочиями [16, с. 18—20]. Возможно, такие рекомендации и соответствуют положению Концепции о необходимости учета опыта зарубежных стран [5, с. 22], но применительно к данному вопросу они представляются достаточно спорными, поскольку не учитывают существенное отличие правового положения, занимаемого судом, например, в немецком и французском уголовном процессе, от того, которое занимает в нем российский суд. Для обоснования этого возражения остановимся кратко на анализе полномочий немецкого и французского суда в процессе расследования преступлений и выяснении природы, на которой базируются эти их полномочия.

Начнем с анализа полномочий немецкого суда. Действительно, суд этой страны обладает более широкими полномочиями в стадии предварительного расследования, которое производится в одной форме — дознания. В соответствии с УПК ФРГ [36] помимо полномочий, присущих российскому суду, он еще производит по ходатайству прокурора допросы, осмотры и другие следственные дей-

ствия (§ 162), т. е. занимается деятельностью, которая у нас именуется депонированием и которой предлагается наделить следственного судью в случае его появления в российском уголовном процессе. По ходатайству обвиняемого, заявленного в ходе его допроса, судья может организовать собрание доказательств, когда существует угроза их утраты или когда они могут послужить основанием освобождения обвиняемого из-под стражи (§ 166). Но есть у немецкого суда и особые полномочия, которые реализуются им по собственной инициативе, а не по ходатайству прокурора или обвиняемого. Так, он вправе избрать обвиняемому меру пресечения в виде содержания под стражей, поместить лицо в лечебное учреждение, если дело не терпит отлагательства, а прокурор недоступен (абз. 1 § 125, абз. 2 § 128). В случаях, не терпящих отлагательства, и если прокурор недоступен, участковый судья вправе произвести все необходимые следственные действия по возбужденному уголовному делу или осуществить первоначальные следственные действия сразу после совершения преступления, а затем передать материалы прокурору для дальнейшего расследования (§ 165). Здесь судья действует в качестве «прокурора в чрезвычайных обстоятельствах» [37, с. 73].

В немецком уголовном процессе уголовное дело, поступившее в суд, не подлежит возвращению на доследование, поскольку все недостатки, допущенные в ходе дознания и обнаруженные до открытия основного производства, по постановлению председательствующего, которое обжалованию не подлежит (§ 201—202), устраняются судьей этого же или иного суда (§ 223). Но на практике часто эта деятельность по просьбе председательствующего осуществляется прокурором или по его поручению сотрудниками полиции [37, с. 134—135]. В подготовительной части основного судебного производства (§ 213—225а УПК ФРГ) также могут в этих целях производиться следственные действия (допросы, осмотры) по инициативе суда, прокурора и обвиняемого, протоколы которых затем могут быть оглашены в судебном заседании.

Такая активность немецкого суда в процессе производства дознания логично вписывается в то правовое положение, которое он занимает в уголовном процессе этой страны. Суд в ФРГ не беспристрастный арбитр, а орган, обязанный устанавливать истину по делу (§ 244). Потому действия и решения суда направлены на реализацию принципа исследования всех обстоятельств уголовного дела (абз. 2 § 155, 244). К этому немецкий суд обязывает принцип официальности (абз. 1 § 152), т. е. публичности. Как утверждает профессор Уве Хелльманн, в соответствии с этим принципом «органы уголовного преследования и (при определенных обстоятельствах) суд самостоя-

тельно производят расследование обстоятельств дела, не находясь при этом в зависимости от ходатайств или заявлений прочих участников уголовного процесса» [36, с. 38]. В уголовном судопроизводстве Германии нет сторон, потому и нет принципа состязательности в том виде, который есть в российском уголовном процессе. Анализ взаимосвязанных полномочий немецкого суда позволяет сделать вывод, что суд этой страны в своей деятельности воплощает все функции российского уголовного процесса — обвинение, защиту и рассмотрение дела по существу.

Во Франции в еще большей мере отличается организация предварительного расследования и роль суда в его производстве, нежели в Российской Федерации. Предварительное следствие возложено на следственного судью, назначаемого на эту должность декретом Президента Республики [38, с. 129—134]. В соответствии со ст. 39-2, 39-3, 41 УПК Франции [39] организация, производство первоначального дознания и дознания по очевидному уголовно наказуемому деянию, а также контроль за производством дознания судебной полицией возложены на прокурора. На первый взгляд, дознание и следствие осуществляют должностные лица разных государственных органов. Однако французские юристы считают, что и дознание осуществляет судебный магистрат. Объясняется это тем, что прокурор во Франции, как и следственный судья, является магистратом суда, из чего следует вывод, что прокуроры и судьи представляют собой единый судебный орган. То, что прокуроры республики являются полноценной составной частью судебных органов, следует из решений Конституционного совета и Кассационного суда Франции. Неразрывность связей судей с прокурорами во Франции именуют принципом единства судебного корпуса [40, с. 80]. Как отмечает генеральный адвокат-прокурор при Кассационном суде Франции (в отставке) К. Рэйсёгье, «французская система уголовного судопроизводства характеризуется все возрастающим взаимопроникновением прокурорских и судебных магистратов в деятельность друг друга, осуществляемым на протяжении всего производства по уголовному делу — от дознания до исполнения приговора. Именно здесь кроется очень важная гарантия для граждан, которые благодаря этому могут быть уверены, что на протяжении всей цепочки стадий уголовного процесса производством по их делу будет заниматься магистрат» [40, с. 82]. Из этого следует вывод, что дознание и следствие осуществляют представители судебного органа, хотя это довольно необычно. Ограничившись этим замечанием по поводу дознания, далее остановим свое внимание на предварительном следствии.

Производство следствия судебным органом предполагает, что ответственность за организацию и качество этой деятельности несет судебное ведомство. Такое положение способствует возникновению особых взаимоотношений между следственным судьей и иными судьями, которых по определению не может быть между следователем и судьей в России. Так, судьи трибунала в соответствии с УПК Франции исполняют поручения следственного судьи о производстве следственных действий (ч. 1 ст. 151 УПК); производят предварительное следствие в полном объеме в случае его отсутствия в связи с болезнью, отпуском и по другим причинам (ст. 50 УПК); возможно их участие в составе следственных групп, создаваемых для расследования сложных уголовных дел, если недостаточно штатных следственных судей для их формирования (ст. 83.1 УПК); судья по свободам и заключению решает вопрос об избрании в отношении лица, привлеченного к рассмотрению, меры пресечения в виде содержания под стражей и продлению срока ее действия либо замене ее иной мерой пресечения (ст. 137, 137-1, 143-1, 144 УПК Франции). Как и в Германии, во Франции суд (судья) не беспристрастный арбитр, а орган, обязанный в силу принципа официальности «приложить все усилия к тому, чтобы истина по делу была установлена в ходе судебного разбирательства, независимо от степени активности сторон» [41, с. 363]. В связи с этим суд ассизов (ст. 283, 309—310 УПК Франции), полицейский и исправительный суды (ст. 434, 456, 463, 538 УПК) неполноту предварительного следствия восполняют в самом судебном заседании, если же такая возможность отсутствует, откладывают рассмотрение дела, и один из членов этого суда восполняет обнаруженные пробелы, не возвращая его к доследованию. Как и в УПК Германии, в УПК Франции нет нормы, запрещающей суду участвовать в уголовном преследовании, поскольку ее наличие препятствовало бы судьям производить предварительное следствие и направлять уголовное дело в суд с обвинительным заключением для рассмотрения его по существу. Помимо предварительного следствия есть и иные формы участия суда в уголовном преследовании. Так, закон позволяет суду любого уровня по своей инициативе возбудить уголовное преследование, если в ходе судебного заседания будет совершено преступление, путем составления об этом протокола, ареста лица, его совершившего, с последующим направлением материалов дела прокурору для организации расследования (ст. 678 УПК Франции). Если совершенное деяние относится к разряду правонарушений, то суд любой инстанции безотлагательно возбуждает уголовное преследование против лица, совершившего это правонарушение,

и осуждает его (ст. 676 УПК Франции). В случае нарушения порядка судебного заседания в суде ассизов нарушитель может быть осужден тут же этим судом сроком до двух лет лишения свободы (ст. 321 УПК Франции).

Контроль за процессуальной деятельностью следственного судьи осуществляет следственная камера, являющаяся фактически вышестоящим следственным органом. При осуществлении контроля за качеством предварительного следствия председатель и члены следственной камеры вправе дополнять следствие, расширять фактический объем обвинения, привлекать к рассмотрению новых лиц и избирать в их отношении меры пресечения, прекращать производство по делу. Они же рассматривают апелляции против постановлений следственного судьи и судьи по свободам и заключению (ст. 201, 202, 205, 208, 2011 УПК Франции). Реализуя свои процессуальные полномочия, следственная камера исполняет ту же роль, которая возложена в российском предварительном следствии на руководителя следственного органа. Потому мы не разделяем мнение авторов, считающих деятельность этого органа судебным контролем [42, с. 5—6; 43, с. 121—175], так как контрольные полномочия по отношению к следственному судье, судье по свободам и заключению выполняет не суд в собственном смысле этого слова, а вышестоящий следственный орган, хотя и входящий в судебную систему. Следовательно, на предварительном следствии Франции действует внутрисистемный контроль, схожий с внутрисистемным контролем в органах предварительного следствия России.

Этот краткий анализ полномочий судов Германии и Франции показывает, что все принимаемые ими решения и производимые действия, как в стадии предварительного расследования, так и в судебных стадиях в Концепции судебной реформы именуются не иначе как «рудименты» уголовного преследования. Если рассматривать деятельность судов этих стран в качестве образца, на который следует равняться, тогда надо коренным образом менять российское уголовно-процессуальное законодательство, а не механически копировать то, что не вписывается в его рамки.

Все изложенное позволяет сделать вывод: одна из целей судебной реформы — исключить российский суд из участия в уголовном преследовании —

оказалась утопией, потому что в любой правовой системе суд, участвующий в форме действий или решений в процессе расследования уголовного дела, по определению не может оставаться непричастным к уголовному преследованию. Потому нет смысла терминами «контроль», «санкционирование» придавать этой деятельности характер, не соответствующий ее настоящей сущности и направленности. Суд — не контролер процессуальной деятельности следователя (дознавателя), а их «соратник» по изобличению лиц, совершивших преступление, установлению иных обстоятельств предмета доказывания и созданию путем применения мер пресечения условий, благоприятствующих успешному расследованию преступлений. Эта сущность деятельности суда нашла точное отражение в наименовании судьи, реализующего в республике Молдова полномочия, схожие с теми, что перечислены в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, — «судья по уголовному преследованию». В параграфе 24 статьи 6 УПК этой республики дается следующее ему определение: «Судья по уголовному преследованию — судья, наделенный функциями уголовного преследования, а также судебного контроля процессуальных действий, осуществляемых в ходе уголовного преследования» [44].

В заключение заметим, что несоответствие положений принципа состязательности реально складывающейся в ходе производства по уголовному делу действительности отмечается многими авторами и по разным основаниям. Одни не считают его принципом всего уголовного судопроизводства, так как он действует в полной мере только в судебном заседании [45, с. 52; 46, с. 17—18; 47, с. 6; 48]. Другие видят в нем не принцип, а способ исследования доказательств в суде [49, с. 7], третьи считают его общим условием судебного разбирательства [50, с. 235], четвертые видят в нем лишь метод уголовного судопроизводства [51, с. 57]. Все это свидетельствует о назревшей необходимости изменения редакции ст. 15 УПК РФ, в том числе и путем исключения из нее утверждения о том, что суд не является органом уголовного преследования.

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.

2. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 223 с.

1. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal procedure. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968: 470. (in Russian).

2. Khaliulin A. G. Implementation of the function of criminal prosecution by the Russian prosecu-

3. Еникеев З. Д. Уголовное преследование: учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 132 с.
4. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=10199&page=63> (дата обращения: 04.01.2021).
5. О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1.
6. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ [принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 г.). Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
7. Матвиенко И. В. Уголовное преследование: монография. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2013. 172 с.
8. Болтошев Е. Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 189 с.
9. Жук О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Законодательство. 2004. № 2. С. 77—87.
10. Еникеев З. Д. Механизм уголовного преследования: учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. 116 с.
11. Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 18 с.
12. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб: Юрид. центр — Пресс, 2006. 254 с.
13. Рыжих Н. А. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
14. Зайцева Е. А., Костерина Н. В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 145 с.
15. Рябцева Е. В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.
16. Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: Университет, 2013. 277 с.
17. Жеребятьев И., Шамардин А. Некоторые вопросы реализации правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 82—84.
18. Каретников А. С., Арзамасцева К. А. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судеб-
tor's office. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; 1997: 223. (in Russian).
3. Enikeev Z. D. Criminal prosecution. Tutorial. Ufa: BashSU publishing house; 2000: 132. (in Russian).
4. Available from: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=10199&page=63>. Accessed: 4 January 2021. (in Russian).
5. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR No. 1801-1 on 24 October 1991. "On the concept of judicial reform in the RSFSR". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).
6. Model Criminal Procedure Code for the CIS member states. Adopted at the seventh plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of States Parties to the Commonwealth of Independent States (Resolution No. 7-6 on 17 February 1996). Available from: legal information portal "Garant". (in Russian).
7. Matvienko I. V. Criminal prosecution. Monograph. Ufa: UYUI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2013: 172. (in Russian).
8. Boltoshev E. D. Functions of the prosecutor in the pre-trial stages of the criminal process. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 189. (in Russian).
9. Zhuk O. D. On the concept and content of the function of criminal prosecution in the criminal process of Russia. Legislation. 2004; 2: 77—87. (in Russian).
10. Enikeev Z. D. The mechanism of criminal prosecution. Tutorial. Ufa: BashSU publishing house; 2002: 116. (in Russian).
11. Antonova E. E. Functional characteristics of pre-trial proceedings in the Russian criminal process. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Omsk; 2006: 18. (in Russian).
12. Kozubenko Yu. V. Criminal prosecution: the experience of a comprehensive study. Saint-Petersburg: Legal Center — Press; 2006: 254. (in Russian).
13. Ryzhikh N. A. Powers of the court at the pre-trial stages of the criminal process. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2008: 24. (in Russian).
14. Zaitseva E. A., Kosterina N. V. Powers of the court at the stage of preliminary investigation. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007: 145. (in Russian).
15. Ryabtseva E. V. Judicial authorization in the criminal procedure of Russia. Moscow: JurLitinform; 2010: 280. (in Russian).
16. Adilshaev E. A., Zherebyat'ev I. V., Shamardin A. A. Judicial authorization as a form of implementation of justice in criminal proceedings in Russia. Monograph. Orenburg: University; 2013: 277. (in Russian).

ным контролем? // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 66—69.

19. Яблоков В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 208 с.

20. Сманалиев К. М., Жумадылов К. А. Сущность и значение судебного санкционирования // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 87—91.

21. Трухачев В. В. Полномочия суда в ходе досудебного производства и основания производства следственных действий без судебного разрешения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 182—184.

22. Хайдаров А. А. О понятии «согласие» в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 151—157.

23. Марфицин П. Г. Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 65—68.

24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.10.2019). URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 11.12.2019).

25. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Еще раз о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью // Оперативник (сыщик). 2011. № 4. С. 3—5.

26. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018, 2019 года. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.01.2021).

27. Устимов М. А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 1999. 222 с.

28. Лопаткина Н. А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 187 с.

29. Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 226 с.

30. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 173 с.

31. Шамардин А. А. Судебное санкционирование по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9 (46). С. 1980—1985.

32. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред.

17. Zheryatyev I., Shamardin A. Some issues of the implementation of justice in criminal proceedings. Criminal law. 2004; 3: 82—84. (in Russian).

18. Karetnikov A. S., Arzamastseva K. A. Is the activity of the court in considering and resolving the petitions of the officials of the preliminary investigation bodies judicial control? Russian justice. 2010; 4: 66—69. (in Russian).

19. Yablokov V. A. The implementation of the judiciary at the pre-trial stages of the criminal process in Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara; 2003: 208. (in Russian).

20. Smanaliev K. M., Zhumadylov K. A. The essence and significance of judicial authorization. Economics, Sociology and Law. 2016; 10: 87—91. (in Russian).

21. Trukhachev V. V Powers of the court in the course of pre-trial proceedings and the basis for the production of investigative actions without judicial permission. Vestnik VSU. Series: Law. 2014; 3: 182—184. (in Russian).

22. Khaidarov A. A. On the concept of "consent" in the criminal process of Russia. Journal of Russian law. 2016; 10: 151—157. (in Russian).

23. Marfitsin P. G. Some disagreements with the concept of "consent" in criminal proceedings. Bulletin of the Omsk Legal Academy. 2016; 32 (3): 65—68. (in Russian).

24. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (with amendments and additions as of 28 October 2019). Available from: <http://online.zakon.kz>. Accessed: 11 December 2019. (in Russian).

25. Atmazhitov V. M., Bobrov V. G. Once again about the normative legal regulation of the prosecutor's supervision over operational-investigative activities. Operative (detective). 2011; 4: 3—5. (in Russian).

26. Report on the work of courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 12 months of 2018. Available from: <http://www.cdep.ru>. Accessed: 12 January 2021. (in Russian).

27. Ustimov M. A. Judicial control at the stage of preliminary investigation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saransk; 1999: 222. (in Russian).

28. Lopatkina N. A. Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process in Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2002: 187. (in Russian).

29. Tarichko I. Yu. The function of judicial control in the Russian criminal procedure. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Omsk; 2003: 226. (in Russian).

30. Lutsenko P. A. Judicial control in the pre-trial stages of the criminal process of the Russian Federation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2014: 173. (in Russian).

проф. М. Н. Гернета. Вып. 3. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1914. 792 с.

33. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 670 с.

34. Чайка Ю. Я. Выступление на парламентских слушаниях 18 ноября 2013 года на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/> (дата обращения: 01.10.2019).

35. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юрид. центр, 2015. 176 с.

36. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: науч.-практ. коммент. и перевод текста закона. М.: МГЮА, 2012. 408 с.

37. Шредер Фридрих-Кристиан, Феррел Торстен. Уголовно-процессуальное право Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 283 с.

38. Барabanов П. К. Уголовный процесс Франции. М.: Спутник+, 2016. 512 с.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?> (дата обращения: 27.11.2019).

40. Рэйсёгье К. Внутренний дуализм единого корпуса магистратуры. В кн.: Суд и государство / под ред. Л. В. Головки, Б. Матье. М.: Статут, 2018. 272 с.

41. Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств: учеб. пособие / под ред. К. Ф. Гуценко; МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: Зерцало-М, 2001. 480 с.

42. Быкова Е. В. Судебный контроль за предварительным расследованием преступлений во Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 21 с.

43. Фоков А. П. Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 236 с.

44. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.11.2018). URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 25.10.2019).

45. Головки Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51—61.

46. Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 16—18.

31. Shamardin A. A. Judicial authorization according to the Charter of Criminal Proceedings of 1864. Actual problems of Russian law. 2014; 46 (9): 1980—1985. (in Russian).

32. Charter of criminal proceedings. Systematic commentary. General editorship by prof. M. N. Ger-net. Issue 3. Moscow: Printing house of A. I. Mamontov; 1914: 792. (in Russian).

33. Sluchevsky VI. Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system-legal proceedings. 4th ed., supplemented and revised. Saint Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich; 1913: 670. (in Russian).

34. Chayka Yu. Ya. Speech at parliamentary hearings on November 18, 2013 on the topic "Criminal policy in the Russian Federation: problems and solutions". Available from: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/>. Accessed: 1 October 2019. (in Russian).

35. Yakimovich Yu. K. Participants in the criminal process. Saint Petersburg: Legal Center; 2015: 176. (in Russian).

36. Golovnenkov P., Spitsa N. The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany: scientific and practical. comment. and translation of the text of the law. Moscow: MGYuA; 2012: 408. (in Russian).

37. Friedrich-Christian Schroeder, Torsten Ferrell. Criminal Procedure Law of Germany. Moscow: Infotropic Media; 2016: 283. (in Russian).

38. Barabanov P. K. The criminal procedure of France. Moscow: Sputnik+; 2016: 512. (in Russian).

39. Criminal Procedure Code of France = Code de procédure pénale. Version consolidée au 18 novembre 2019. Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?> Accessed: 27 November 2019. (in French).

40. Reisegie Ch. Internal dualism of a single body of magistracy. In: Court and State. Ed. by L. V. Golovko, B. Matie. Moscow: Statute; 2018: 272. (in Russian).

41. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. Criminal process of Western states. Textbook. Ed. by K. F. Gutsenko; Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Juridical faculty. Moscow: Zertsalo-M; 2001: 480. (in Russian).

42. Bykova E. V. Judicial control over the preliminary investigation of crimes in France. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1996: 21. (in Russian).

43. Fokov A. P. Problems of judicial control over the execution of laws at the stage of preliminary investigation (comparative analysis of Russian and French legislation). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2000: 236. (in Russian).

47. Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3—6.

48. Зайцева Е. А. Проблемы реализации принципа состязательности сторон на различных стадиях уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2005. № 4. С. 202—210.

49. Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2005. № 1. С. 5—11.

50. Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. 800 с.

51. Конев А. Н. Идеологические оппозиции в бинарной системе принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 53—60.

© Каретников А. С., Каретникова Н. В.,
Каретников С. А., 2021

44. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova No. 122-XV on 14 March 2003 (with amendments and additions as on 29 November 2018). Available from: <https://online.zakon.kz/Document>. Accessed: 25 October 2019. (in Russian).

45. Golovko L. V. New Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the context of comparative criminal procedural law. State and Law. 2002; 5: 51—61. (in Russian).

46. Davletov A. The problem of adversariality is solved in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation unsuccessfully. Russian Justice. 2003; 9: 17—18. (in Russian).

47. Bozhiev V. P. Competitiveness in the preliminary investigation. Legality. 2004; 1: 6. (in Russian).

48. Zaitseva E. A. Problems of the implementation of the adversarial principle of the parties at various stages of criminal proceedings. "Black holes" in Russian legislation. 2005; 4: 202—210. (in Russian).

49. Efimichev S. P., Efimichev P. S. The adversarial principle and its implementation in criminal proceedings. Russian investigator. 2005; 1: 7. (in Russian).

50. Criminal process: problematic lectures. Ed. by V. T. Tomin, I. A. Zinchenko. Moscow: Yurait; 2013: 800. (in Russian).

51. Konev A. N. Ideological oppositions in a binary system of principles of the criminal procedure. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 35 (3): 53—60. (in Russian).

© Karetnikov A. S., Karetnikova N. V.,
Koretnikov S. A., 2021

Каретников Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: karetnikovas@mail.ru

Каретникова Наталия Валентиновна,
помощник начальника
Волгоградской академии МВД России
(по правовой работе) –
руководитель группы (правовая группа);
e-mail: NKaretnikova@yandex.ru

Каретников Сергей Александрович,
адвокат Московской
центральной коллегии адвокатов (МЦКА);
e-mail: koretsergei@mail.ru

Karetnikov Alexander Sergeevich,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: karetnikovas@mail.ru

Karetnikova Natalia Valentinovna,
assistant head
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
(for legal work),
group's head (legal group);
e-mail: NKaretnikova@yandex.ru

Koretnikov Sergey Alexandrovich,
lawyer of the Moscow Central
bar association (MCBA);
e-mail: koretsergei@mail.ru

Ю. В. Контемирова, М. Ю. Тарасова

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ХИЩЕНИЯМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ГРАЖДАН,
СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Современное общество характеризуется развитием информационных технологий и глобализацией информационных процессов. Безусловно, технический прогресс — в большей степени позитивное явление, улучшающее условия жизнедеятельности. Вместе с тем информатизация общества при всех ее достоинствах имеет и ряд недостатков, одним из которых является криминализация телекоммуникационных и компьютерных систем. Анализ деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в современных условиях развития преступности дает основание полагать, что до настоящего времени большинство вопросов совершенствования правового регулирования в сфере противодействия хищениям денежных средств граждан, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в оперативно-разыскной деятельности невозможно без развития тех отраслей знания, которые на основе достижений науки и практики позволяют разрабатывать научно обоснованные рекомендации по оптимальному разрешению проблем, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел.

В статье рассматривается комплексное изучение проблем, связанных с хищением денежных средств граждан, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, определяются оптимальные способы их решения и выработаны на этой основе конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, нормативно-правовое регулирование в сфере противодействия хищениям денежных средств граждан.

Yu. V. Kontemirova, M. Yu. Tarasova

**MODERN STATE OF ACTIVITY OF DETECTIVE UNITS
TO COUNTERACT EMBEZZLEMENT OF CITIZENS' FUNDS
COMMITTED BY USING INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Modern society is said to be characterized with development of information technologies as well as globalization of information processes. Without any doubt, on the whole technological progress is to be a positive phenomenon as it improves living conditions of people. At the same time informatization of the modern society, taking into account all its advantages has a number of negative features, one of which is the criminalization of telecommunication and computer systems. Under the modern conditions of the crime development the analysis of activity of the detective units of the internal affairs bodies allows to believe that at present most of the issues related to improving legal regulation in the sphere of counteracting the embezzlement of citizens' funds committed by using information and telecommunication technologies are impossible to solve without enhancing those branches of knowledge that make it possible to improve scientifically grounded recommendations concerning the optimal solution of the problems to be faced by the detective units of the internal affairs bodies.

The given article deals with comprehensive study of the problems related to embezzlement of citizens' funds committed by using information and telecommunication technologies. The authors of the article also consider favorable ways to solve the latter as well as develop specific proposals to improve the acting legislation as well as practice of its application on this basis.

Key words: fraud, information and telecommunication technologies, operational-search activity, operational-search measures, legal regulation in the sphere related to counteracting embezzlement of citizens' funds.

Современное общество характеризуется развитием информационных технологий и глобализацией информационных процессов. Высокие технологии повсеместно вошли в жизнь человека и определяют развитие многих ее сфер. Безусловно, технический прогресс — в большей степени позитивное явление, делающее существование людей более комфортным. Вместе с тем информатизация общества при всех ее достоинствах имеет и ряд недостатков, одним из которых является криминализация телекоммуникационных и компьютерных систем. Все это постепенно породило новые способы совершения мошеннических действий, не известные ранее правоохранительным органам Российской Федерации.

В настоящее время борьба с мошенничеством в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТ-технологии) стала проблемой общемирового масштаба. Существенно увеличилась регистрация преступлений указанной категории, возрос причиняемый ущерб, изменились способы совершения и изощренность злоумышленников не только в России, но и за ее пределами. Мировое сообщество адекватно оценивает сложившуюся ситуацию, признавая обязательность принятия безотлагательных международных мер по противодействию дистанционным мошенничествам.

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев акцентировал внимание на значительных масштабах распространения киберпреступлений, разнообразии схем и методов их совершения, отсутствии единых алгоритмов выявления и раскрытия указанных преступлений и пояснил, что мерами исключительно организационного и оперативно-разыскного характера добиться кардинального улучшения ситуации невозможно [1].

В связи с этим дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере противодействия хищениям денежных средств граждан, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в оперативно-разыскной деятельности невозможно без развития тех отраслей знания, которые на основе достижений науки и практики позволяют разрабатывать научно обоснованные рекомендации по оптимальному разрешению проблем, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел.

В настоящее время хищение денежных средств, совершенное дистанционным способом, является одним из распространенных, приносящих значительный материальный ущерб, трудно раскрываемых и еще более трудно доказуемых преступлений. Оно отличается многообразием способов совершения. Мошенники используют не только

старые, но по-прежнему «рабочие», проверенные способы и приемы обмана, они создают и постоянно совершенствуют новые, все более изощренные схемы противоправного обогащения с использованием ИТ-технологий. Постоянное совершенствование способов мошеннических действий приводит к тому, что правоохранительные органы не всегда оперативно и своевременно успевают реагировать на изменения криминогенной обстановки.

Основными способами совершения телефонных мошенничеств по-прежнему остаются совершаемые под следующими предлогами: «проблемы с банковской картой», «родственник в беде», получения компенсации за ранее приобретенные лекарства, заказ услуг, в том числе оформление кредита.

Из «дистанционных» мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, за исключением покупок товаров на различных интернет-сайтах, выделяются преступления, совершенные в кредитной сфере, когда злоумышленники при получении кредита указывают недостоверные сведения о себе, создание дубликата страниц в социальных сетях, использование вредоносного программного обеспечения, так называемые вирусы.

Продолжают совершаться преступления, когда злоумышленники создают в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» дубликаты страниц и от имени «друга» или «родственника» начинают общаться с гражданами. В ходе переписки под различными предлогами (например, обычный заем денежных средств, предложение поучаствовать в «акции» Сбербанка) узнают реквизиты банковских карт, поступающие пароли и через приложения «Мобильный банк» и «Сбербанк-онлайн» похищают имеющиеся на счетах денежные средства.

Ежедневно возрастает доля зарегистрированных сообщений о преступлениях, совершенных по схеме «проблемы с картой». Неизвестное лицо осуществляет звонок на телефон потерпевшего, представляется сотрудником одного из банков и сообщает, что с банковской карты потерпевшего произошла попытка оплаты каких-либо товаров, после чего под предлогом проверки информации и оказания помощи в блокировке операции обманым путем узнает реквизиты банковской карты, которые ему диктует сам потерпевший. В результате совершается хищение имеющихся на карте денежных средств.

Проведенный анализ показывает, что данные преступления совершаются посредством IP-телефонии («МТТ», «Ростелеком», «Квантум» и др.) с абонентских номеров, зарегистрированных в других регионах страны. Потерпевшими становятся граждане разного возраста и социального статуса, проживающие в различных городах и районах Волгоградской области.

В последнее время также участились случаи совершения преступлений под предлогом аренды жилья. По объявлению об оказании услуг по сдаче жилья в аренду потерпевшему звонят неизвестные, которые сообщают о своем желании арендовать квартиру или дом, после чего предлагают внести задаток на банковскую карту потерпевшего. Обманным путем узнают необходимые реквизиты и пароли, после чего похищают имеющиеся на карте денежные средства. Совершение данных преступлений характерно для лиц цыганской народности, проживающих в центральной части России, использующих в большинстве случаев сим-карты Республики Башкортостан, Челябинской и Свердловской областей.

Выявление, расследование, раскрытие и профилактика преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, является одним из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел.

Статистические данные свидетельствуют о том, что количество преступлений, связанных с использованием различных информационных технологий, за последние годы резко возросло. Что касается раскрываемости преступлений в сфере IT-технологий в Волгоградской области, то она остается низкой. По данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, на территории региона за 10 месяцев 2020 г. увеличилось количество краж с банковского счета, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), — 3 199 (АППГ — 2 057; +1 142, или 55,5 %), из них приостановлено 2 647 (АППГ — 1 388), раскрыто 335 (АППГ — 366; —31, или 8,5 %), раскрываемость составила 11,2 % (АППГ — 20,9 %).

Кроме того, увеличился рост мошенничеств, совершенных с использованием IT-технологий (ст. 159—159.6 УК РФ): 2 537 (АППГ — 1 484; +1 053, или 71 %), из них приостановлено 2 215 (АППГ — 1 307; +908, или 69,5 %), раскрыто 61 (АППГ — 53; +8, или 15,1 %), раскрываемость составила 2,7 % (АППГ — 3,9 %).

Согласно статистическим данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за отчетный период сотрудниками уголовного розыска выявлено 2 080 (АППГ — 1 255) преступлений в сфере IT-технологий, раскрыто 515 (АППГ — 453), раскрываемость составила 13,7 %.

Наибольшее количество преступлений по п. «г», ч. 3 ст. 158 УК РФ зарегистрировано в г. Волгограде — 1 679 (АППГ — 999), в Волжском — 520 (АППГ — 358), Камышине — 184 (АППГ — 152), Среднеахтубинском — 48 (АППГ — 29), Жирновском — 48 (АППГ — 41), Урюпинском — 49 (АППГ — 10), Новоаннинском — 31 (АППГ — 17), Фроловском — 49 (АППГ — 33), Калачевском — 47 (АППГ — 29), Светлоярском — 34 (АППГ — 27),

Городищенском — 43 (АППГ — 16), Иловлинском районах — 36 (АППГ — 25) [6].

Низкий уровень раскрываемости преступлений указанной категории наблюдается практически во всех территориальных органах МВД России на региональном уровне Волгоградской области, а многие территориальные органы внутренних дел некоторых сельских районов вообще не имеют результатов в раскрытии мошенничеств общеуголовной направленности, совершенных с использованием IT-технологий.

Статистические данные ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области свидетельствуют о том, что территориальные органы не проводят исчерпывающую оперативную и следственную работу по указанной категории уголовных дел, ограничиваясь лишь направлением формальных запросов в кредитно-финансовые организации. А в некоторых случаях и этого не делается: не анализируются поступающие ответы, не проводятся дальнейшие оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, уголовное дело приостанавливается по окончании 2 месяцев.

В качестве негативных отметим следующие моменты:

- неполнота сбора материалов в дежурные сутки;
- несвоевременность возбуждения уголовных дел указанной категории;
- некачественное оперативное сопровождение уголовных дел;
- отсутствие контроля со стороны руководящего состава за указанным направлением деятельности;
- недостаточная профилактика;
- неиспользование базы данных «Дистанционное мошенничество»;
- отсутствие дел оперативного учета по указанной линии работы.

Вместе с тем практическая работа по раскрытию преступлений в сфере IT-технологий сталкивается со следующими проблемами:

1. Действующий правовой механизм получения сведений из кредитных организаций, относимых к категориям «Банковская тайна» и «Персональные данные», требует большого количества времени, что не позволяет сотрудникам органов внутренних дел оперативно получать сведения о пользователях банковских карт, об IP-адресах удаленного администрирования операций по расчетным счетам банковских карт.

2. Отсутствует система электронного документооборота с банками, операторами сотовой связи, интернет-провайдерами и владельцами сайтов объявлений, позволяющих оперативно получать информацию, за исключением Сбербанка России. Решение вопроса о заключении соглашений

на региональном уровне с указанными организациями не представляется возможным ввиду отсутствия таких полномочий у региональных филиалов.

3. Отсутствие эффективных механизмов блокировки банковских счетов и телефонных номеров, используемых при совершении преступлений.

4. Проблема получения информации о банковских реквизитах, используемых при перечислении денежных средств со счетов абонентских номеров и некоторых кредитно-финансовых учреждений, которые предоставляют неполную информацию о номере карты (отсутствует полный номер: 4276*****), ссылаясь на защиту системы VISA и MasterCard, что не позволяет установить лиц, возможно причастных к совершению преступлений указанной категории.

5. Кроме того, существует проблема в подписании судебных постановлений, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе на банковскую тайну в сельских ТОВД. Подобные ходатайства ОВД удовлетворяет только Волгоградский областной суд, что также влияет на своевременность проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Безусловно, указанные меры необходимо реализовывать на региональном уровне, но основная задача — разработать и принять нормативный правовой акт (закон), который бы четко регулировал информационно-телекоммуникационную сферу: мобильную связь, IP-телефонию, интернет (при этом исключил возможности использования анонимных номеров, приложений по подмене абонентских номеров, IP-адресов, VPN-сервисов), — а также банковскую сферу, что гарантировало бы гражданам безопасность проводимых операций.

Вместе с тем приведенная статистика доказывает необходимость повышения эффективности принимаемых мер со стороны государства и органов власти в век высоких технологий.

В процессе анализа типичных форм совершения мошенничества и правоприменительной практики выявлены пробелы в действующем законодательстве.

Так, на основании п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 мошенничество признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность в зависимости от потребительских свойств этого имущества пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению [2].

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 Гражданского кодекса Российской

Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб, следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств [6].

Согласно ч. 2 ст. 152 УПК РФ если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления [7].

Однако в соответствии с приказом МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений» принятие решения о возбуждении уголовного дела по указанным фактам осуществляется в органе, в который поступило первоначальное сообщение о преступлении; кроме того, этот орган обязан обеспечить организацию надлежащего расследования данных преступлений, доказывание обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), направление необходимых поручений о производстве процессуальных действий по месту нахождения других участников уголовного судопроизводства. Направление уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ, осуществляется только после получения достаточных доказательств о совершении преступления на территории обслуживания другого территориального органа МВД России и выполнения всех возможных процессуальных действий по месту возбуждения уголовного дела [3].

Имеющиеся разногласия между постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 и приказом МВД России № 196 позволяют руководителям органов внутренних дел отдельных регионов согласовать решение по передаче материала по подследственности (территориальности) со своим надзирающим прокурором и направлять в территориальный орган другого субъекта Российской Федерации, где в итоге возбуждается уголовное дело, либо, если нарушены требования приказа МВД России № 196, материал проверки направляется обратно.

На наш взгляд, вполне логично положение упомянутого приказа МВД России о проведении проверки в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 158, 159—159³, 159⁵, 159⁶ УК РФ, совершенных с использованием платежных карт, средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в ходе которой незамедлительно принимать исчерпывающие меры к раскрытию преступлений и установлению лиц, их совершивших, направлять в установленном

порядке запросы в кредитные организации, операторам связи, оказывающим услуги связи, в том числе по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, получать объяснения от заявителя и возможных очевидцев преступления.

Указанное обстоятельство, в свою очередь, исключает необоснованный отказ гражданину в принятии заявления о преступлении.

Кроме того, расследование уголовного дела требует достаточного объема проведения следственных действий, при необходимости получение судебных решений, направление поручений в орган дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

На наш взгляд, в рамках процессуальной проверки при установлении подследственности (территориальности) по согласованию с надзирающим прокурором указанный материал должен незамедлительно направляться в территориальный орган внутренних дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

По нашему мнению, необходимо привести в соответствие положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 и Приказа МВД России № 196.

Вместе с тем применительно к рассматриваемой теме согласно ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (с изменениями и дополнениями в редакции от 14 июня 2020 г.) справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией им самим, судам и арбитражным судам (судьям), Счетной палате Российской Федерации, налоговым органам, Пенсионному фонду Российской Федерации, Фонду социального страхования Российской Федерации и органам принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, а при наличии согласия руководителя следственного органа — органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве [9].

В статье 140 УПК РФ закреплены поводы для возбуждения уголовного дела, среди которых: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Кроме того, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

В практической деятельности органов внутренних дел для возбуждения уголовного дела по неочевидным преступлениям орган дознания проводит процессуальную проверку, направленную на установление события преступления, а также действий (бездействий) лица, образующих состав преступления.

Основная проблема в том, что большое количество сообщений о дистанционных преступлениях указанной категории поступают в органы внутренних дел в виде почтовых отправлений или по интернет-ресурсу от потерпевших, проживающих в других регионах Российской Федерации и за рубежом.

При поступлении таких обращений их рассмотрение проводится в рамках Приказа МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», а именно устанавливаются полные данные гражданина, обстоятельства, при которых, по его мнению, в отношении него были совершены противоправные действия [4]. На этой стадии гражданин должен предоставить информацию о совершении банковского перевода денежных средств злоумышленнику. Со стороны правоохранительных органов указанное обращение должно быть зарегистрировано в «Книге регистрации сообщений о преступлениях», определена подследственность, а также проведена проверка в порядке ст. 144—145 УПК РФ. Уже на этой стадии, по нашему мнению, необходимо получение информации для установления личности преступника: о принадлежности счетов и всех операций по движению денежных средств до их обналичивания в банкоматах, перевода в другие криптовалюты, т. е. придания им статуса «легальных».

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») одним из оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [8].

В связи с этим очевидно, что при наличии информации о фактах совершения дистанционных преступлений, связанных с мошенничеством и кражами с банковских карт, оперативные подразделения заводят дела оперативного учета и проводят комплекс оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление фигуранта.

В рамках дела оперативного учета систематизируется информация о держателе банковской карты или расчетного счета, привязке абонент-

ских номеров, информация о регионе Российской Федерации, где «работает» карта, с использованием которой совершено преступление. Кроме того, истребуются видеозаписи с банкоматов и филиалов банков.

Однако получить информацию «по банковским операциям» злоумышленника подразделения, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, исходя из нормы ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», без возбуждения уголовного дела органом предварительного расследования не могут.

Вместе с тем ст. 9 ФЗ «Об ОРД» предусмотрены основания и порядок обращения в суд для рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий, к числу которых относятся тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, однако банковская тайна к таковым не относится.

Для исключения пробела в законодательстве, на наш взгляд, необходимо дополнить ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» в части «...а также при вынесении постановления о предоставлении информации, утвержденного руководителем органа, уполномоченным на осуществление оперативно-розыскной деятельности». Указанный вариант повысит эффективность взаимодействия оперативных подразделений и сотрудников службы безопасности банков по противодействию мошенничествам и кражам с банковских карт, совершаемых дистанционным способом.

Стоит отметить, что выработка мер, направленных на предотвращение фактов обмана и злоупотребления доверием граждан, а также хищений денежных средств с банковских карт, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, должна охватывать участие не только правоохранительных органов, но и банковских учреждений, однако их деятельность преимущественно направлена на обеспечение безопасности своей структуры, предотвращение негативных рисков и последствий.

Вместе с тем п. 18.6 ст. 4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ во взаимодействии с Правительством Российской Федерации реализует мероприятия по повышению уровня финансовой грамотности населения, что является своего рода профилактикой преступлений, совершаемых в отношении клиентов банка [11].

Указанная работа сводится к информированию граждан о фактах совершения хищений денежных средств путем размещения объявлений на инфор-

мационных стендах и банкоматах, которые зачастую остаются без внимания граждан.

На наш взгляд, элементарные меры в сфере компьютерных технологий, а именно вход клиента в личный кабинет или проведение операции в банкомате, которое будет сопровождаться оповещением «Стоп! Мошенник!» с переходом по ссылке с информацией о способах хищения денежных средств дистанционным способом, что во многом может повлиять на окончательное решение гражданина по совершению банковской операции.

С этой точки зрения упомянутое профилактическое воздействие на население должны оказывать все кредитно-финансовые организации, осуществляющие обслуживание счетов граждан.

Кроме того, организация противодействия дистанционным хищениям должна, в первую очередь, проследиваться в деятельности средств массовой информации в рамках постоянного воздействия на население путем трансляции видеороликов, документальных фильмов, освещения деятельности МВД и др.

Конечно, основная обязанность по проведению профилактики и раскрытию преступлений ложится на плечи сотрудников органов внутренних дел, и в связи с этим необходимо активизировать работу участковых уполномоченных полиции и оперативных подразделений по противодействию мошенничествам и кражам с использованием IT-технологий.

Данная процедура заключается в увеличении штата сотрудников указанных подразделений за счет сокращения должностей в подразделениях, имеющих длительный некомплект, а также в подразделениях МВД, выполняющих задачи, не связанные с правоохранительной деятельностью. Необходимо закрепить на обслуживаемой территории участкового уполномоченного полиции, в обязанности которого будет входить осуществление разъяснительно-профилактической работы среди населения, освободив от задач по рассмотрению обращений граждан, исполнению материалов процессуальных проверок, выявлению и раскрытию преступлений т. д. После чего ежемесячно проводить анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории и результатов профилактической работы сотрудника.

Чтобы качественно противодействовать IT-преступности, необходимо проводить работу системно и планомерно, при участии всех территориальных органов внутренних дел региона, с задействованием оперативных служб, следствия, дознания, участковых уполномоченных полиции. К проведению такой работы должны привлекаться органы власти и местного самоуправления, волонтерские организации, руководители и сотрудники, обслу-

живающие вокзалы, аэропорты, горэлектротранспорт, организации и учреждения.

Применительно к теме отметим, что дистанционный способ совершения рассматриваемых преступлений предполагает общение потерпевшего и злоумышленника посредством связи, в том числе сети Интернет. В настоящее время в России осуществляют свою деятельность достаточное количество операторов мобильной связи, провайдеров интернет-ресурсов, IP-телефонии и др.

Вместе с тем п. 6 ст. 44 Федерального закона «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (с изменениями на 15 октября 2020 г.) обязывает лицо, действующее от имени оператора связи, при заключении договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи внести в него достоверные сведения об абоненте, а оператор связи обязан осуществлять проверку достоверности сведений об абоненте и сведений о пользователях услугами связи абонента [10].

В связи с этим стоит отметить, что, несмотря на попытку правового регулирования оборота сим-карт, большинство их регистраций осуществляется с нарушением требований, предусмотренных законом. А именно: базы данных мобильных операторов не содержат объективных сведений о лицах, в пользовании которых они находятся, допускается искажение или внесение неполной информации об абонентах в договорах по оказанию услуг связи. Это обстоятельство при использовании сим-карты в преступных целях затрудняет работу оперативных подразделений по раскрытию указанных преступлений, увеличивает временные затраты, направленные на установление злоумышленника.

Согласно ст. 46 Федерального закона «О связи» оператор связи обязан прекратить оказание услуг связи при поступлении соответствующего запроса от органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или предписания федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, сформированного по результатам контрольных мероприятий, в случае неподтверждения в течение пятнадцати суток соответствия персональных данных фактических пользователей сведениям, заявленным в абонентских договорах, а также в случае предотвращения и пресечения преступлений с использованием сетей связи и средств связи.

Бесспорно, механизм правового влияния на операторов связи в законе фигурирует, однако выявление фактов совершения преступлений с использованием сим-карт, не зарегистрированных в установленном законом порядке, или искажением данных о лице означает, что процедура проверки абонента оператором связи не соблюдалась, а уста-

новленный срок 15 суток для подтверждения оператором персональных данных абонентов по запросу правоохранительных органов фактически исключает возможность оперативного реагирования для раскрытия преступления.

В качестве мер реагирования полагаем необходимым предоставить возможность правоохранительным органам обращаться с соответствующим представлением в органы государственного надзора с целью проверки надлежащего исполнения возложенных на оператора связи функций, а при выявлении неоднократных нарушений — вплоть до рассмотрения вопроса о лишении компании лицензии на оказание услуг связи.

Кроме того, возвращаясь к вопросу о повышении качества профилактических мероприятий, направленных на противодействие мошенничествам и кражам, совершаемым с использованием IT-технологий, возможно вменить в обязанность операторов связи СМС-информирование своих пользователей о недопущении разглашения своих персональных данных и реквизитов банковских карт.

В свою очередь, значительное количество зарегистрированных дистанционных мошенничеств также совершается с использованием сети Интернет. Согласно проведенному анализу по-прежнему особенно распространены мошенничества, совершенные под предлогом купли-продажи товара на интернет-сайтах. В связи с этим повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов с операторами связи (провайдерами), на наш взгляд, заключается в разработке процедуры предоставления в кратчайшие сроки информации по запросу органов, уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности об IP-адресах, которые предоставлялись злоумышленникам, и иной информации, способствующей установлению лиц, причастных к совершению преступления.

В ходе анализа мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, основным проблемным вопросом остается невозможность определения IP-адресов фигурантов в связи с использованием прокси-серверов. В настоящее время законодательно их использование не запрещено.

Более не останавливаясь на оперативно-технических моментах, что выходит за рамки настоящего исследования, на наш взгляд, необходимо внести предложения, направленные на совершенствование деятельности оперативных подразделений по противодействию хищениям денежных средств граждан, совершаемым с использованием IT-технологий, среди которых:

1) обеспечивать постоянное оперативное прикрытие лиц, ранее совершавших преступления с использованием мобильных средств связи и сети Интернет, а также лиц, освободившихся из мест

лишения свободы, в отношении которых имеется информация о возможной причастности к совершению преступлений данной категории;

2) осуществлять проведение оперативно-разыскных мероприятий по раскрытию «дистанционных» мошенничеств исключительно в рамках ДОУ;

3) организовывать проведение оперативно-разыскных мероприятий во взаимодействии с УУР ГУ МВД, УМВД МВД других регионов Российской Федерации в отношении лиц, совершающих дистанционные преступления на территории их обслуживания;

4) рассмотреть вопрос об увеличении штата участковых уполномоченных полиции в целях повышения эффективности профилактики противоправных деяний указанной категории и увеличении штата профильных отделов (отделений)

по линии противодействия мошенничествам общекриминальной направленности территориальных органов внутренних дел;

5) создать рабочую группу из числа сотрудников УУР, ГСУ, УУП, БСТМ, Центра связи и пресс-службы ГУ МВД для решений вопросов координации принимаемых мер и анализа результатов противодействия дистанционным мошенничествам;

6) на постоянной основе, с учетом изменения преступной среды мошенничества с использованием IT-технологий, разрабатывать и внедрять в практическую деятельность методические рекомендации по указанной проблеме, а также оказывать практическую помощь ОВД на районных уровнях.

1. Заседание коллегии МВД России от 26.02.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 26.02.2020).

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений: приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Статистический отчет ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 10 месяцев 2020 г. (форма ITR 159, UGR 159—159.6).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Meeting of the Collegium of the Ministry of Interior of Russia. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860>. Accessed: 26 February 2020. (in Russian).

2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 on 30 November 2017. "On Judicial Practice in Cases Related to Fraud, Misappropriation and Embezzlement". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

3. Order of the Ministry of Interior of Russia No. 196 on 3 April 2018. "On Some Measures to Improve Organization of Solving and Investigating Certain Types of Embezzlement". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

4. Order of the Ministry of Interior of Russia No. 707 on 12 September 2013. "On Approval of the Instruction on Dealing with Citizens' Appeals in the System of the Interior Ministry of Russia". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

5. Statistics Report from the Information Center of the Volgograd Region Main Department of the Interior Ministry of Russia for 10-Month-Period of 2020 (ITR Form 159, UGR 159-159.6). (in Russian).

6. Federal law of Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996. "Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

7. Federal law of Russian Federation No. 174-FZ on 18 December 2001. "Criminal Procedural Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

8. Federal law of Russian Federation No. 144-FZ on 12 August 1995. "On Detective Activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

10. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Контемирова Ю. В., Тарасова М. Ю., 2021

9. Federal Law of Russian Federation No. 395-1 on 2 December 1990. "On Banks and Banking Activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

10. Federal Law of Russian Federation No. 126-FZ on 7 July 2003. "On Communications". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

11. Federal Law of Russian Federation No. 86-FZ on 10 July 2002. "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (in Russian).

© Kontemirova Yu. V., Tarasova M. Yu., 2021

Контемирова Юлия Владиславовна,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-961-663-44-58

Тарасова Мария Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-937-693-88-44

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
senior lecturer at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-961-663-44-58

Tarasova Maria Yurevna,
senior lecturer at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-937-693-88-44

* * *

А. И. Мелихов, Л. В. Готчина

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ИНСТИТУТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, КОНТРОЛЯ
И ПРЕСЕЧЕНИЯ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ**

В статье с позиции, изложенной в работе Дугласа Норта, Джона Уоллиса, Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», исследуются категории «национальная безопасность» и «оперативно-разыскная деятельность» органов полиции в истории России. По мнению авторов, национальная безопасность в свете учения Д. Норта — это состояние максимальной устойчивости государственного и общественного порядка к внешним и внутренним изменениям и угрозам, характерное для высшей стадии развития государственных образований, именуемой «обществом открытого доступа», обладающего способностью бесконечно воспроизводить себя во времени, пространстве и человеческом сознании. В свою очередь, оперативно-разыскная деятельность является институтом, ограничивающим насилие, порождаемое криминальными, военными, политическими, экономическими и иными видами угроз национальной безопасности путем его явного и скрытого предупреждения, контроля и пресечения. В настоящее время в России складываются благоприятные условия для перехода на высшую стадию государственного развития Российской Федерации, именуемую «обществом открытого доступа», однако формированию полноценных государственных и общественных институтов контроля за несанкционированным преступным и санкционированным государственным насилием препятствует государственная монополизация и коммерциализация сыскной деятельности.

Ключевые слова: национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, «общество открытого доступа», устойчивое развитие, монополизация и коммерциализация сыскной деятельности.

A. I. Melikhov, L. V. Gotchina

**OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY
AS AN INSTITUTION OF PREVENTION, CONTROL
AND SUPPRESSION OF VIOLENCE IN THE HISTORY OF RUSSIA**

This article examines such categories as "national security" and "operational-search activities" of the police in the history of Russia from the standpoint of the framework "Violence and Social Orders" by Douglas North, John Wallis, Barry Weingast. According to the authors, national security in the light of D. North's teaching is a state of maximum stability of the state and public order to external and internal changes and threats, characteristic of the highest stage of the state formation development, also called an "open access society", which has the ability to endlessly reproduce itself in time, space and human consciousness. In turn, operational-search activity is an institution that limits violence generated by criminal, military, political, economic and other types of threats to national security through its explicit and covert prevention, control and suppression. Currently, conditions in the Russian Federation are favorable for the transition to the highest stage of state development called the "open access society". However, the formation of full-fledged state and public institutions of control over unauthorized criminal and sanctioned state violence is hindered by state monopolization and commercialization of detective activities.

Key words: national security, operational-search activity, "open access society", sustainable development, monopolization and commercialization of detective activities.

В советский период научная деятельность была объединена единой мировоззренческой методологией, основанной на учении марксизма-ленинизма, что позволяло добиться высоких успехов в исследовательской работе за счет глубокого уровня творческой эмпатии. В течение длительного периода

времени это в значительной степени устраивало советское общество, однако общее разочарование в идеологическом аспекте марксизма-ленинизма значительно ослабило его воздействие на науку вследствие недостижения поставленной СССР задачи построения нового, коммунистического

устройства общества. Не рассматривая причины данной неудачи, следует отметить благотворное влияние марксистской методологии на гуманитарные исследования в целом. В настоящее время она получила свое дальнейшее развитие в трудах нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта, увлекавшегося теоретическим марксизмом в начале своей научной карьеры. Его социологическая концепция имеет аксиологическую направленность: если целью марксистской идеологии было построение коммунизма, то назначение работ Норта — трансформировать современное общество в «общество открытого доступа», для которого характерен социальный порядок, учитывающий, в отличие от классической коммунистической доктрины, факторы индивидуализма, глобализации, стремления к потребительскому изобилию и т. п. По мнению автора, оно должно стать высшей стадией развития так называемых естественных государств, где сформировавшийся общественный уклад может быть охарактеризован как социальный порядок ограниченного доступа, которому, в свою очередь, предшествует примитивный порядок, свойственный малым социальным группам в догосударственном состоянии. В последних двух порядках личные отношения между значимыми членами общества составляют основу социальной организации.

Для изучения истории оперативно-разыскной деятельности и национальной безопасности нами будут использованы аналогии исторических формаций Д. Норта, выделяемые им в зависимости от способности государства поддерживать различные виды организаций или проникновения его в сферу гражданского общества. Так, хрупкие естественные государства не способны поддерживать любые организации и само государство. Базисные естественные государства могут поддерживать организации, но только в рамках своей территориальной организации. Зрелые естественные государства могут поддерживать широкий ряд элитарных организаций, не находящихся под непосредственным контролем верховной власти.

Данные типы общества отличаются друг от друга в том числе методами контроля над насилием, что интересно для нашего исследования. Если в примитивном порядке и естественном государстве регулирование общественных отношений и борьба с насилием, как правило, осуществляются конкретными людьми и социальными группами (элитами) путем ограничения прав остальных членов общества на создание организаций и сопротивление насилию, то в «обществе открытого доступа» создаются специальные институты, обеспечивающие условия для обезличенного управления обществом с равным доступом на конкурентной основе, позволяющие такому общественному порядку быть

максимально устойчивым к внешним и внутренним изменениям.

Исходя из теории Д. Норта, настоящий исторический период в развитии нашей страны характеризуется эволюцией перехода от социального порядка ограниченного доступа к социальному порядку открытого доступа, направленного не на сохранение существующего общественного устройства, а на создание методологии его воспроизводства во времени, пространстве и человеческом сознании. Данный уровень развития свойствен, согласно учению Д. Норта, «обществам открытого доступа» или, используя терминологию А. Тойнби и О. Шпенглера, государствам-цивилизациям (Византия, Рим и т. п.). Например, СССР был устойчивым естественным государством со стремлением к созданию «общества с открытым доступом», но с уходом поколения его основателей этот социальный уклад распался, не сумев адаптироваться к внешним и внутренним изменениям, так и не перейдя на цивилизационный уровень, но создав хорошую основу для такого перехода. Советское мироустройство перестало восприниматься российскими гражданами в той мере, которая необходима для передачи имманентных характеристик общественному и государственному строю для его воспроизводства.

Согласно доктринальным документам (стратегиям национальной, общественной безопасности) в настоящее время, как нам представляется, Россия стремится к устойчивому развитию посредством создания институтов общества свободного доступа и отказа от таких атрибутов зрелого естественного государства, как коррупция, элитарность и т. п. По нашему мнению, в соответствии с учением Д. Норта оперативно-разыскная деятельность является институтом, ограничивающим насилие в разных формах его проявления, на различных временных этапах, разных субъектов насилия и т. д. С этой точки зрения социальные институты, как комплексные объекты изучения, включают общепризнанные представления и убеждения, официальное законодательство, писанные и неписанные нормы, формальные и неформальные соглашения и разнообразные, в том числе неформальные, средства принуждения их к исполнению норм [1, с. 59]. Однако подавляющее большинство исследований по проблемам оперативно-разыскной деятельности проводится с формально-правовых позиций, в то время как остальные институты остаются фактически вне рамок изучения, что приводит к упрощенному представлению об объекте оперативно-разыскной деятельности.

По нашему мнению, национальная безопасность в свете учения Д. Норта — это состояние максимальной устойчивости государственного общественного порядка к внешним и внутренним изменениям и угрозам, характерное для высшей

стадии развития государственных образований, именуемой «обществом открытого доступа», обладающего способностью бесконечно воспроизводить себя во времени, пространстве и человеческом сознании.

Чтобы исследовать динамику развития оперативно-разыскной деятельности и национальной безопасности, необходимо определить их философское и политико-правовое содержание в отечественной науке. Институты оперативно-разыскной деятельности и национальной безопасности имеют универсальное значение в истории (всего) человечества, институциональное изучение требует выявления ментальных особенностей общества, в котором они существуют. У каждого общества и государства свой путь к устойчивому развитию. В нашей работе внимание уделено совершенствованию российского миропорядка.

В примитивный период развития общества, когда человечество было представлено незначительными по объему кровно-родственными группами, необходимость в поддержании общественного порядка и контроля над насилием методами, характерными для современной оперативно-разыскной деятельности (скрытое наблюдение, агентурная работа и т. п.), отсутствовала, да и ее возможности были сильно ограничены в силу того, что каждый член общины обладал знаниями о возможностях и целях других людей. Применение методов скрытого наблюдения, провокации и т. п. порождало обстановку недоверия друг к другу, что негативно сказывалось бы на моральном состоянии членов общины и не способствовало их выживанию. Поэтому подобные методы были возможны только в отношении чуждых общине лиц, рассматриваемых ее членами либо в качестве добычи, либо в качестве потенциального противника.

В тоже время, как справедливо утверждает ведущий российский криминолог Ю. М. Антонян, первобытная культура — то наследство, от которого человечество никогда не избавится, поскольку личность в филогенетическом плане формируется именно в ней [2]. Исходя из этого, корни многих современных государственно-правовых институтов, в том числе национальной безопасности, оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса следует искать именно в этом периоде.

Поскольку нарушения установленного порядка были очевидны для всех, их расследования не требовалось. Немногочисленные социальные конфликты разрешались согласно принятой в обществе иерархии, посредством поединков, божественных испытаний и т. п. Однако именно в указанный период появляется табу на совершение самосуда как попытка разделить этапы пресечения нелегитимированных социальным коллективом форм насилия от наказания за него. И поскольку в малых

замкнутых группах все принимаемые решения имеют большую значимость, запрет самосуда преследовал целью заместить эмоциональное решение потерпевших рациональным разрешением конфликта со стороны авторитетных членов общины с учетом интересов всех заинтересованных сторон, т. е. максимально справедливо для предупреждения конфликтов в будущем и разрешения текущих коллизий и инцидентов в целях повышения шансов выживаемости общины [3].

Период междоусобных войн характеризуется противостоянием между «своими» и «чужими», а потому право общины и других коллективных субъектов не только преследовать преступника, но и наказывать его не подлежало сомнению в силу чрезвычайности обстоятельств. В последующем упрощение процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений во время войн и других чрезвычайных ситуаций характерно для всех периодов российской и зарубежной истории.

В государственной фазе развития, согласно методологии Д. Норта, выделяются периоды: хрупких государств, неспособных формировать и длительно поддерживать устойчивые социальные институты и собственное воспроизводство; базисных государств, имеющих возможность создавать и постоянно поддерживать необходимые для существования и развития учреждения и организации, но только в своих собственных рамках; зрелых государств, способных поддерживать и создавать условия для функционирования широкого спектра элитарных организаций, не находящихся под непосредственным контролем государственной власти [1, с. 69].

Уже в ранний, «хрупкий», государственный период, когда господствующий этнос, не имея возможностей для установления полного собственного контроля всех этапов борьбы с насилием, санкционирует обычное право завоеванных или присоединенных общин, монополизируя таким образом функцию разрешения уголовных конфликтов, но уже не в целях установления справедливости, а в качестве проявления своих властных полномочий по отношению к субъектам конфликта. Функция «разыскания» следов в случае неустановления преступника ложилась на потерпевшего, которому общины должны были оказывать содействие в «гонении следа». В качестве остатков суверенных полномочий у общины оставалось право «отбиться от следа», т. е. силой отстранить потерпевшего от розыска и не выдавать преступника из своей общины, но выплатить государству штраф.

В уголовный процесс окончательно входит запрет на самосуд. Так, исследуя санкционированное древнерусским государством обычное право, М. Ф. Владимирский-Буданов приводит следующую норму: «Некто поймал вора с поличным и вошел

с ним в соглашение — взять с него деньги и отпустить на все четыре стороны; кажется, сделка правильная, однако нет, это — „самосуд“, подлежащий наказанию» [4, с. 294].

В начальный базисный период российского государства общины и другие коллективные образования внутри государства теряют остатки своих преференций, в том числе в сфере уголовного преследования, поскольку идет централизация государства и подавление очагов сопротивления власти на общинных территориях.

Институализированной формой постепенной, но последовательной монополизации государственной власти права на насилие является образование специальных органов, занимающихся всеми стадиями борьбы с преступностью. Так, например, в России в 1539 г. образуется разбойный приказ, занимавшийся всеми стадиями борьбы с преступностью, переименованный с 1682 г. в сыскной и просуществовавший с таким названием до XVIII в. В Соборном уложении 1649 г. определяется порядок розыска преступников и расследования преступления.

Переходом к фундаментальному государству, по-видимому, можно считать подавление стрельеческого бунта, когда в эпоху Петра I модернизирующееся государство смогло с помощью системы новых институтов подавить несанкционированное насилие со стороны государственной вооруженной организации старого образца. На данном этапе в условиях стабильного развития страны и внешней безопасности начинает формироваться архитектура современной российской оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса в качестве средств обеспечения национальной безопасности как государственного блага для своих граждан.

В указанные исторические периоды подавление насилия, в том числе с помощью негласных методов, характерных для современной оперативно-разыскной деятельности, осуществлялось не в целях всеобщей (национальной) безопасности, а в целях политической безопасности личной власти вождя (императора как божественного наместника), доминирующей социальной, родственной или этнической группы.

Научный подход к обеспечению национальной безопасности посредством методов, характерных для современной оперативно-разыскной деятельности, возникает в России только с развитием городского образа жизни и процессов урбанизации в целом, обеспечивающих индивидуализацию и анонимность человека (и, как следствие, его безнаказанность), начинает свое становление после отмены крепостного права и формирования слоя городского населения, имеющего полную правосубъектность, свободного от общинного,

религиозного и других видов общественного контроля, актуального для сельских жителей. Объективную необходимость возникновения данного направления государственной деятельности обосновал К. Ясперс, указавший, что если негосударственное насилие стихийно по своей природе, масштабов не знает, то государственное принуждение и насилие организованы и всегда имеют пределы, очерченные законом. Поэтому уже самое плохое государство оправдано тем, что сдерживает разрушительную энергию большого общества [5, с. 339—340]. Криминальная угроза больших городов, порождаемая освобожденной массой народа, не зависящей от старых социальных институтов сдерживания насилия, ужаснула общество и породила целую плеяду классиков российской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, С. В. Максимова, П. Ф. Якубовича, В. М. Дорошевича, В. А. Гиляровского и других писателей [6; 7]. Обеспечение безопасности новой, многочисленной группы городского населения прежде всего от самого себя и стало задачей уголовной полиции императорской России — прообраза современных органов внутренних дел.

Основным субъектом борьбы с преступностью в Российской Империи была полиция, в компетенции которой входили полномочия как по выявлению и раскрытию, так и по расследованию преступлений. Гласная нормативная основа полицейской деятельности, по оценкам специалистов, была невелика [8, с. 57], «чтобы не стеснить полицию в этой деятельности, по существу своему требующей быстроты и целесообразности соответственно с видоизменяющимися обстоятельствами» [9, с. 362—363]. Подобное построение института борьбы с нелегальным насилием повлекло массовые злоупотребления со стороны полицейских чинов, что в условиях повышения грамотности населения требовало реакции государства в виде усложнения процедуры выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Совершенно справедливо считалось, что полиция, как орган дознания, не представляет условий объективности и беспристрастности, которые необходимы при производстве судебных действий, поэтому был создан институт судебного следствия как инстанции поиска истины и сдерживания полицейского насилия.

Указанная национальная система организации борьбы с криминальным и политическим насилием посредством уголовного процесса и полицейской сыскной деятельности, а также контроля государственного насилия со стороны полицейских органов просуществовала до смены государственного и политического строя в 1917 г.

В советское время объединение следственных и оперативно-разыскных органов, с одной стороны,

устранило механизм контроля за государственным насилием в области уголовного процесса, с другой — в отечественную систему обеспечения национальной безопасности был внесен такой значимый элемент, как негласный контроль посредством сыска за партийной госхозноменклатурой, просуществовавший в ленинский и сталинский этапы развития оперативно-разыскной деятельности. По мнению А. Е. Шарихина, именно данный институт обеспечивал устойчивость советского государства, делая его по классификации Норта — фундаментальным государством, отказ от использования этого инструментария обеспечения национальной безопасности в большей мере способствовал распаду СССР [10, с. 64].

Оперативно-разыскная деятельность проявила себя как устойчивый институт контроля за насилием со стороны не только криминальных, но и военных угроз. В результате анализа научной литературы, отражающей деятельность оперативных работников милиции в годы Великой Отечественной войны, можно выделить следующие направления использования профессиональных навыков оперативных работников органов внутренних дел в условиях военного положения в настоящее время:

- ведение оперативно-агентурной работы на территории противника или захваченной им территории;

- выявление и раскрытие шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности противника в тылу, на фронте и на освобожденной от врага территории;

- выявление и раскрытие преступлений, совершенных военнослужащими;

- выявление и документирование преступлений против мира и безопасности человечества (геноцид, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, применение запрещенных средств и методов ведения войны и др.), совершенных противником;

- оперативное сопровождение объектов экономики, имеющих важное значение для обеспечения обороны страны;

- оперативная гласная и негласная проверка лиц, находившихся в плену, окружении, на захваченных территориях, с целью выявления фактов пособничества и государственной измены;

- выявление и разоблачение лиц, совершивших преступления среди военнопленных и интернированных иностранцев, в местах заключения.

В указанных формах использования сыскной деятельности правоохранительных органов в военное время проявилась такая важная черта высшей стадии развития общественного и государственного строя, как возможность поддерживать широкий ряд неформальных социальных институтов, не находящихся под непосредственным контролем государства (партизанские движения, агентурные сети и т. п.).

В современной России созданы такие специальные институты, обеспечивающие условия для обезличенного управления обществом с равным доступом на конкурентной основе в области контроля за преступным и государственным насилием, как адвокатура, третейские суды, правозащитные и саморегулируемые организации, частный сыск; но будучи институтами, характерными для «общества открытого типа», личные отношения между значимыми членами данных институтов продолжают составлять основу их социальной организации, что, по сути, характерно для фундаментальных естественных государств. Однако государственная монополизация сыскной деятельности не позволяет эффективно контролировать государственное насилие, что приводит к злоупотреблениям, нарушениям прав человека, коррупции и в конечном итоге акцентуации всего государственного управления на личностях, что уже происходило в советский период истории нашего государства.

1. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011. 480 с.

2. Антонян Ю. М. Преступность в первобытном обществе // Научный портал МВД России. 2019. № 3. С. 119—131.

3. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 639 с.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 527 с.

1. Nort D., Wallis D., Weingast B. Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. Translation from English D. Uzlanera, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow: Gaidar Institute publishing house; 2011: 480. (in Russian).

2. Antonyan Yu. M. Crime in primitive society. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 11 (3): 119—131. (in Russian).

3. Taylor E. B. Primitive culture. Moscow: Politizdat, 1989: 573. (in Russian).

4. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don: Feniks; 1995: 639. (in Russian).

6. Прокурова Н. С. Вопросы судопроизводства в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Волгоград: Волгогр. ком. по печати, 1996. 51 с.

7. Прокурова Н. С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике. М.: Academia, 2001. 342 с.

8. Жаров С. Н. Оперативно-разыскная деятельность уголовного сыска Российской Империи // Юрист-правовед. 2007. № 4 (23). С. 56—61.

9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.

10. Шарихин А. Е. Парадигмы оперативно-розыскной деятельности и их влияние на формирование системы обеспечения экономической и общественной безопасности страны // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 63—67.

© Мелихов А. И., Готчина Л. В., 2021

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Готчина Лариса Владимировна,

начальник кафедры уголовного права
Санкт-петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
8 (812) 744-70-75

5. Jaspers K. The meaning and purpose of history. Moscow: Political literature publishing house; 1991: 527. (in Russian).

6. Prokurova N. S. Questions of legal proceedings in the works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov. Volgograd: Volgograd Press Committee; 1996: 51. (in Russian).

7. Prokurova N. S. Do not do evil. On the problem of crime and punishment in Russian fiction and journalism. Moscow: Academia; 2001: 342. (in Russian).

8. Zharov S. N. Operational-search activity of criminal investigation of the Russian Empire. Jurist-Pravoved. 2007; 23 (4): 56—61. (in Russian).

9. Foinitskiy I. Ya. Course of criminal proceedings. Saint Petersburg: Alfa; 1996; 1: 607. (in Russian).

10. Sharikhin A. E. Paradigms of operational-search activity and their influence on the formation of a system for ensuring the country's economic and public security. Gaps in Russian legislation. 2017; 4: 63—67. (in Russian).

© Melikhov A. I., Gotchina L. V., 2021

Melikhov Alexander Ivanovich,

associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Gotchina Larisa Vladimirovna,

head of the department of criminal law
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
8 (812) 744-70-75

* * *

А. А. Насонов, О. А. Насонова

**О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРОКУРОРА
НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

В статье процессуальные возможности прокурора на досудебном производстве рассматриваются как система полномочий и средств, предоставленных указанному участнику уголовного судопроизводства для осуществления своей надзорной функции. Анализируются средства прокурорского надзора на досудебном производстве. Исследуются существующие классификации указанных средств. Обосновывается преимущество классификации средств прокурорского надзора на досудебном производстве в зависимости от стадий уголовного судопроизводства. Приводятся аргументы в пользу того, что указанная классификация позволяет детально изучить процессуальные средства, используемые прокурором в надзоре за досудебным производством. Подчеркивается правообеспечительный характер средств прокурорского надзора на досудебных стадиях. Приводятся дополнительные доказательства, свидетельствующие о необходимости закрепления отдельным принципом положения об обеспечении права на защиту всех тех, кто вовлекается в уголовно-процессуальные отношения. Показана связь между указанным правилом и назначением уголовного судопроизводства, которое в первую очередь ориентировано на защиту личности от ограничения ее прав и свобод.

Ключевые слова: прокурор; досудебное производство; полномочия прокурора; средства, используемые прокурором; обеспечение прав участников уголовного судопроизводства; надзор; уголовное преследование; дознание; предварительное следствие; принцип уголовного процесса.

A. A. Nasonov, O. A. Nasonova

**ON THE PROCEDURAL CAPABILITIES OF THE PROSECUTOR
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS
IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA**

In the article, the procedural capabilities of the Prosecutor in pre-trial proceedings are considered as a system of powers and means granted to the specified participant in criminal proceedings to perform their Supervisory function. The article analyzes the means of Prosecutor's supervision in pre-trial proceedings. The existing classifications of these funds are investigated. The author substantiates the advantage of classifying the means of Prosecutor's supervision in pre-trial proceedings depending on the stages of criminal proceedings. Arguments are given in favor of the fact that this classification allows us to study in detail the procedural means used by the Prosecutor in the supervision of pre-trial proceedings. The author emphasizes the legal nature of the means of Prosecutor's supervision at the pre-trial stages. Additional evidence is provided that indicates the need to establish a separate principle of the provision on ensuring the right to protection of all those who are involved in criminal procedure relations. The connection between this rule and the purpose of criminal proceedings, which is primarily focused on protecting the individual from restrictions on his rights and freedoms, is shown.

Key words: prosecutor, pre-trial proceedings, powers of the prosecutor, means used by the prosecutor, ensuring the rights of participants in criminal proceedings, supervision, criminal prosecution, inquiry, preliminary investigation, the principle of criminal procedure.

Процессуальные возможности прокурора представлены разнообразием процессуальных полномочий и средств, находящихся в его распоряжении для осуществления им надзорной функции в уголовном судопроизводстве. Особенно они становятся востребованными прокурором на досудебном производстве, на что в литературе уже обращалось внимание [1].

Применительно к досудебному производству процессуальные полномочия прокурора и средства, применяемые для их реализации, могут быть распределены на различные группы в зависимости от тех или иных обстоятельств. Так, в литературе уже предложено несколько классификаций процессуальных полномочий и средств, позволяющих

прокурору осуществлять надзор за досудебным производством. С учетом того, что ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) возлагает на прокурора обязанности по осуществлению двух видов деятельности (уголовного преследования и надзора), процессуальные полномочия прокурора предложили различать в зависимости от этих видов деятельности (надзорные полномочия и полномочия по осуществлению уголовного преследования) [2, с. 126—127].

Учитывая, что данная классификация не исключает отнесения одного и того же процессуального средства одновременно к разным группам (таким средством, например, является руководство прокурором ходом расследования), О. А. Кожевников предложил классифицировать процессуальные средства, находящихся в распоряжении прокурора при осуществлении дознания и предварительного расследования, на следующие две группы: 1) средства выявления правонарушений (прокурорская проверка) и 2) средства реагирования (постановление, указание) [3, с. 148—163].

Не умаляя достоинств приведенной классификации, следует признать, что, например, такое средство, как постановление, может применяться не только в уголовном, но и в административном судопроизводстве. Об этом свидетельствует п. 3 ч. 4 ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предоставляющий прокурору полномочие по вынесению постановления о возбуждении дела об административном правонарушении [4]. А прокурорская проверка, как средство выявления правонарушений, может использоваться не только для реализации прокурорского надзора в досудебном производстве, но и в целях реализации прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности. Так, например, прокурорами могут проводиться проверки порядка проведения оперативно-разыскных мероприятий и законности принимаемых при этом решений в органах внутренних дел, в органах ФСБ России, в оперативно-разыскных подразделениях ФСИН России, в оперативных подразделениях органов ФТС России.

В контексте рассматриваемой проблемы А. Н. Артамонов не без основания приходит к выводу о том, что проверка исполнения законов носит, главным образом, инициативный характер [5, с. 73] и является организационной формой комплексного применения прокурором иных, более частных полномочий. «В ее рамках, — пишет автор, — прокурор использует любые предоставленные ему законом правовые средства выявления нарушений закона» [6, с. 62].

Следовательно, классификация процессуальных средств, применяемых прокурором в досудебном производстве, на средства выявления

правонарушений (прокурорская проверка) и средства реагирования (постановление, указание) не в полной мере учитывает их специфику, обусловленную сферой их применения. Полагаем, что корректнее выглядят классификации хотя и допускающие в определенных случаях отнесение того или иного средства сразу к нескольким группам, но не выходящие за рамки досудебного производства, а уж тем более за рамки уголовного судопроизводства. Иными словами, учет специфики сферы применения процессуальных средств прокурором, на наш взгляд, является очень важным. В нашем случае речь идет о такой сфере, как досудебное производство. Поэтому считаем возможным предложить следующую, более детальную классификацию процессуальных средств, используемых прокурором в досудебном производстве: 1) средства, применяемые в ходе рассмотрения сообщения о преступлении (например, проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства и др.); 2) средства, применяемые на стадии предварительного расследования (например, рассмотрение представленной руководителем следственного органа информации следователя о несогласии с требованиями прокурора и принятие по ней решения; истребование и проверка законности и обоснованности решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принятие по ним решения в соответствии с УПК РФ; и др.).

Средства, применяемые на стадии предварительного расследования, на наш взгляд, должны подразделяться на процессуальные средства прокурора в дознании (например, требование от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия; дача дознавателю письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий и др.) и процессуальные средства прокурора на предварительном следствии (например, проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном пре-

следовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства и др.). В свою очередь, и те и другие средства подразделяются: 1) на процессуальные средства начала и хода расследования (например, рассмотрение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, вынесение постановления об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и др.); и 2) процессуальные средства окончания расследования (например, утверждение обвинительного заключения; возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых и др.). Последняя дифференциация процессуальных средств базируется на структуре стадии предварительного расследования, включающей в себя следующие этапы, которые были подробно исследованы в научной литературе [7, с. 143]: начало, ход и окончание предварительного расследования. Полагаем, что такой подход к пониманию стадии предварительного расследования является более предпочтительным по сравнению с существующим мнением о том, что принятие прокурором решения по поступившему к нему с обвинительным заключением уголовному делу является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства наряду с предварительным расследованием [8, с. 70]. В контексте рассматриваемых взглядов на структуру предварительного расследования следует согласиться с точкой зрения авторов, согласно которой формирование отдельной стадии уголовного судопроизводства на основе прокурорской деятельности нецелесообразно, поскольку это не вполне соответствует ее сущностным признакам и процессуальным характеристикам [9, с. 100].

Предложенная классификация в силу своего условного характера не исключает ситуаций, когда одно и то же процессуальное средство может быть отнесено к разным группам. Так, участие в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения является одновременно и процессуальным средством, используемым прокурором при осуществлении надзора за дознанием, и процессуальным средством, применяемым им в ходе предварительного следствия.

Кроме сказанного все процессуальные средства, используемые для прокурорского надзора в досу-

дебном производстве, обладают еще одной общей особенностью. Преимущественно все они способствуют обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Иногда в правовых актах непосредственно подчеркивается указанная особенность применительно к тому или иному процессуальному средству. Так, в приказе Генпрокуратуры России от 14 ноября 2017 г. № 774 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» зафиксировано следующее: «Реализуя полномочия по надзору за дознанием, исходить из того, что для обеспечения прав несовершеннолетнего (курсив наш. — А. Н., О. Н.) в ходе досудебного производства в соответствии с пунктом 11 части 2 статьи 37 УПК РФ прокурор вправе изъять уголовное дело у органа дознания и передать его для дальнейшего расследования следователю с обязательным указанием оснований такого решения» [11].

В этом смысле следует говорить о правообеспечительном характере указанных средств. Данный вывод становится особенно очевидным, если учесть специфику роли, которую он играет в досудебном производстве [12; 13].

Кстати, некоторые государства, называя указанную особенность прокурорского инструментария в уголовном судопроизводстве правозащитной, возвели ее в ранг функции прокурора и закрепили в своих законах. К таким государствам, как справедливо заметили В. Н. Додонов и Т. А. Решетникова, относятся Венгрия, Молдова, Румыния, Колумбия [14, с. 197].

Несмотря на то что Федеральный закон «О прокуратуре» говорит о защите прав и свобод человека и гражданина со стороны прокурора (ч. 2 ст. 1), на наш взгляд, более точным будет охарактеризовать соответствующую прокурорскую деятельность как обеспечительную. Это связано с тем, что в основном своем векторе она носит не защитительный, а обеспечительный характер. Иными словами, прокурор, в первую очередь, должен создать условия лицам, включая также и участников уголовного судопроизводства, позволяющие им осуществить свои права. Благодаря этому виду прокурорской деятельности реализация прав многими становится гарантированной. Данный подход полностью соответствует такому принципу уголовного судопроизводства, как обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Однако необходимо учитывать и то, что прокурор наряду с другими властными субъектами обязан обеспечить право на защиту не только подозреваемому и обвиняемому, но и другим лицам, вовлекаемым в уголовно-процессуальные отношения. Среди них не только участники уголовного судопроизводства (например, потерпевший), но и лица, процессу-

альный статус которых не получил надлежащего закрепления в законодательстве. К ним, например, относится лицо, запрашиваемое к выдаче. Аргументы в пользу необходимости обеспечения права на защиту указанного лица уже приводились в литературе [15, с. 83]. Все они подпадают под действие положения об обязательности для уголовного судопроизводства требования, сформулированного в ч. 1 ст. 6 УПК РФ и заключающегося в предоставлении в рамках уголовного судопроизводства защиты прав не только потерпевшему, обвиняемому, но и другим лицам, находящимся в его орбите. Именно такой широкий подход к пониманию уголовно-процессуальной защиты становился не раз предметом исследования ученых [16, с. 98—101; 17, с. 15; 18, с. 13]. Именно такая трактовка уголовно-процессуальной защиты позволила отдельным авторам предложить новую формулировку принципа, предусмотренного ст. 16 УПК РФ. Так, еще в советские годы предлагалось зафиксировать в качестве основополагающей идеи уголовно-процессуального права правило об обеспечении права на защиту всем участникам уголовного судопроизводства [19, с. 54—55]. В наши дни также можно встретить предложения, направленные на расширение системы принципов уголовного процесса за счет положения, закрепляющего обеспечение лицам их прав в уголовном судопроизводстве. Так, А. В. Ендольцева предлагает дополнить гл. 2 УПК РФ новым принципом, закрепив его в ст. 15.1 УПК РФ: «Обеспечение участникам уголовного судопроизводства права на получение квалифицированной юридической помощи». Предполагается осуществить реализацию указанного принципа в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля, лица, участвующего в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении [20]. По сути, данное предложение фиксирует сложившуюся в настоящий момент реальность, касающуюся участия защитника, представителя и адвоката в уголовном судопроизводстве на стороне лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения. Однако, на наш взгляд, закрепление отдельным принципом вопросов обеспечения участникам уголовного судопроизводства права на защиту должно быть связано с распространением указанного принципа на более широкий круг лиц. Такая позиция обусловлена назначением уголовного судопроизводства, которое, по сути, ориентировано на защиту личности от ограничения ее прав и свобод. Аналогичный подход используется и в УПК ряда государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, правовая система которых близка российской системе. Например, в УПК Республики Азербайджан [21] закреплён принцип обеспечения права на получе-

ние юридической помощи и на защиту (ст. 19), который распространяет свое действие не только на подозреваемого и обвиняемого, но и на потерпевшего, свидетеля и других участников.

В УПК Республики Беларусь [22] предусмотрен принцип обеспечения защиты прав и свобод граждан. Он распространяет свое действие на лиц, участвующих в уголовном процессе (ст. 10). Вместе с тем принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту также сохраняет свое действие (ст. 17).

УПК Республики Казахстан [23] также закрепляет два принципа: обеспечение свидетелю, имеющему право на защиту, подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 26); обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 27). Последний принцип обращен к широкому кругу участников уголовного процесса.

Обеспечение прав участников процесса возведено в ранг принципа (ст. 8) и УПК Эстонской Республики [24].

УПК Республики Молдова [25] содержит принцип обеспечения права на защиту (ст. 17). Раскрывая содержание указанного принципа, законодатель очерчивает круг лиц, в отношении которых данный принцип реализуется. К нему относятся: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик. Вместе с тем в рамках указанного принципа формулируется также тезис о том, что орган уголовного преследования и судебная инстанция обязаны обеспечить в полном объеме соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства в соответствии с УПК Республики Молдова.

В контексте приведенных рассуждений спорным выглядит высказывание некоторых авторов о том, что обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в настоящее время нельзя рассматривать в качестве принципа уголовного судопроизводства. Так, В. А. Илюхина утверждает, что в положении, предусмотренном ст. 16 УПК РФ, «речь идет об определенных правах участников уголовного судопроизводства, но не о некоей основополагающей идее самого уголовного судопроизводства в целом» [26, с. 45]. С данным тезисом можно согласиться лишь отчасти, учитывая содержание чч. 3, 4 ст. 16 УПК РФ, где действительно говорится о правах участников со стороны защиты. Но как быть с чч. 1, 2 ст. 16 УПК РФ? В них-то как раз и раскрывается обеспечительная деятельность властных субъектов, что никак не тождественно защитительной деятельности защитника, подозреваемого, обвиняемого, и уж тем более их праву на защиту.

В заключение необходимо сформулировать следующие выводы:

1. Процессуальные возможности прокурора в досудебном производстве во многом определяются средствами, предоставленными ему для успешного выполнения своих функций в указанном производстве.

2. В зависимости от стадий уголовного судопроизводства процессуальные средства, используемые прокурором в досудебном производстве, могут быть классифицированы: 1) на средства, применяемые в ходе возбуждения уголовного дела; 2) средства, применяемые на стадии предварительного расследования.

Средства, применяемые на стадии предварительного расследования, подразделяются на про-

цессуальные средства прокурора в дознании и процессуальные средства прокурора на предварительном следствии. В свою очередь и те и другие средства подразделяются: 1) на процессуальные средства начала и хода расследования; и 2) процессуальные средства окончания расследования.

Предложенная классификация позволяет детально изучить процессуальные средства, используемые прокурором в надзоре за досудебным производством.

1. Колосович М. С., Колосович О. С. Правовая основа деятельности следователя и прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: справочник. Волгоград: ВА МВД России, 2012. 104 с.

2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. 848 с.

3. Кожевников О. А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. Екатеринбург, 2007. 175 с.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Артамонов А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1 (36). С. 73—80.

6. Артамонов А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и практика. 2019. № 1 (42). С. 61—71.

7. Буров Ю. В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 204 с.

8. Алексеев И. М. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 55, № 3. С. 65—70.

9. Кунов И. М. Прокурорская деятельность на этапе представления уголовного дела с обвинительным заключением // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. Спецвыпуск. 2017. С. 96—100.

1. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Legal basis of the investigator and Prosecutor's activity at the pre-trial stages of criminal proceedings: reference book. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 104. (in Russian).

2. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Comment on the Criminal procedure code of the Russian Federation. Ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg: Peter; 2003: 848. (in Russian).

3. Kozhevnikov O. A. Participation of the Prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings. Monograph. Yekaterinburg; 2007: 175. (in Russian).

4. The Russian code of administrative offences No. 195-FZ on 30 December 2001 (as amended on 31 July 2020). Collection of legislation of the Russian Federation. 2002; 1 (part 1); Art. 1. (in Russian).

5. Artamonov A. N. The powers of the Prosecutor in supervising the execution of laws by bodies of inquiry and preliminary investigation. The Law and Practice. 2016; 36 (1): 73—80. (in Russian).

6. Artamonov A. N. Powers of the Prosecutor in the supervision of the execution of laws, observance of human and civil rights and freedoms. Legislation and practice. 2019; 42 (1): 61—71. (in Russian).

7. Burov Yu. V. Procedural procedure for the end of the preliminary investigation with the preparation of an indictment. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Voronezh; 2011: 204. (in Russian).

8. Alekseev I. M. Activity of the Prosecutor in a criminal case that came with an indictment, as an independent stage of the criminal process of the Russian Federation. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012; Vol. 55; 3: 65—70. (in Russian).

9. Kunov I. M. Prosecutor's activity at the stage of presenting a criminal case with an indictment. Legal Bulletin of the Kuban state University. Special Issue. 2017: 96—100. (in Russian).

10. Ляцев Д. В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 203 с.

11. Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 14 ноября 2017 г. № 774 // Законность. 2018. № 1. С. 54—60.

12. Щерба С. П., Ережипалиев Д. И. Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам: функции, правовой статус, полномочия: монография / под общ. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2015. 168 с.

13. Гринюк Е. Н., Зайцева Е. А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 208 с.

14. Додонов В. Н., Решетникова Т. А. Функции прокуратур зарубежных стран // Энциклопедия / под общ. ред. О. С. Капинус. М.: Фолиант, 2013. 452 с.

15. Насонов А. А. Признаки, характеризующие лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, как участника уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1 (4). С. 82—88.

16. Насонова И. А. Условия уголовно-процессуальной защиты: монография. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2009. 175 с.

17. Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 501 с.

18. Арабули Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 59 с.

19. Михеенко М. М. Обеспечение участвующим в деле лицам права на защиту их законных интересов как принцип советского уголовного процесса // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 54—56.

20. Ендольцева А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 25—30.

21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 9.12.2019). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.12.2020).

22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан (утвержден Законом

10. Lyashev D. V. The end of the preliminary investigation by drawing up an indictment. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Tyumen, 2007: 203. (in Russian).

11. Order of the Prosecutor General's office of Russia No. 774 on 14 November 2017. "On the organization of Prosecutor's supervision over the observance of the rights of minors at the pre-trial stages of criminal proceedings". Legality. 2018; 1: 54—60. (in Russian).

12. Shcherba S. P., Erezhipaliev D. I. Prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases: functions, legal status, powers. Monograph. General scientific ed. by S. P. Shcherba. Moscow: Jurlitinform; 2015: 168. (in Russian).

13. Grinyuk E. N., Zaitseva E. A. The role of the Prosecutor in ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings in criminal cases. Monograph. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 208. (in Russian).

14. Dodonov V. N., Reshetnikova T. A. Functions of Prosecutor's offices of foreign countries. In: Encyclopedia. General ed. by O. S. Kapinus. Moscow: Folio; 2013: 452. (in Russian).

15. Nasonov A. A. Signs that characterize the person requested for extradition for criminal prosecution as a participant in criminal proceedings. Criminal procedure protection of the rights and legitimate interests of minors. 2017; 4 (1): 82—88. (in Russian).

16. Nasonova I. A. Conditions of criminal procedure protection. Monograph. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia; 2009: 98—101. (in Russian).

17. Nasonova I. A. Theoretical model of criminal procedure protection. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 15. (in Russian).

18. Arabuli D. T. Institute for protection of rights and interests of persons in criminal proceedings of Russia. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 13. (in Russian).

19. Mikheenko M. M. Providing persons participating in the case with the right to protect their legitimate interests as a principle of the Soviet criminal process. In: Problems of the legal status of the individual in the criminal process. Saratov: Saratov University; 1981: 54—55. (in Russian).

20. Endoltseva A. V. Implementation of the constitutional right to receive qualified legal assistance in criminal proceedings in Russia. Criminal proceedings. 2019; 4: 25—30. (in Russian).

21. Criminal procedure code of the Republic of Belarus No. 295-3 on 16 July 1999 (with amendments and additions as of 9 December 2019). Available from: <https://online.zakon.kz>. (in Russian).

Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.07.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_ (дата обращения: 01.12.2020).

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2020). URL: <https://online.zakon.kz/m/document?d> (дата обращения: 01.12.2020).

24. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики (принят 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 16. Вступил в законную силу 1 июля 2004 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.02.2019). URL: <https://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyy-kodeks-estonii.html> (дата обращения: 01.12.2020).

25. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.11.2018). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 01.12.2020).

26. Илюхина В. А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43—48.

22. Criminal procedure code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan No. 907-IQ of 14 July 2000) (with amendments and additions as of 9 July 2020). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_. Accessed: 1 December 2020. (in Russian).

23. Criminal procedure code of the Republic No. 231-V on Kazakhstan of 4 July 2014 (with amendments and additions as of 25 May 2020). Available from: <https://online.zakon.kz/m/document?d>. Accessed: 1 December 2020. (in Russian).

24. Code of Criminal procedure of the Republic of Estonia (adopted on 12 February 2003. RT I 2003, 27, 16. Entered into legal force on 1 July 2004) (with changes and additions as of 20 February 2019). Available from: <https://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyy-kodeks-estonii.html/>. Accessed: 1 December 2020. (in Russian).

25. Criminal procedure code of the Republic of Moldova No. 122-XV of 14 March 2003 (with amendments and additions as of 29 November 2018). Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729/. Accessed: 1 December 2020. (in Russian).

26. Ilyukhina V. A. Principles of criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal analysis). Criminal proceedings. 2018; 2: 43—48. (in Russian).

© Насонов А. А., Насонова О. А., 2021

© Nasonov A. A., Nasonova O. A., 2021

Насонов Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: nasonov.aa@mail.ru

Насонова Ольга Александровна,
магистрант Воронежского института
ФСИН России;
e-mail: borodkina.olga2010@yandex.ru

Nasonov Alexander Alexandrovich,
senior lecturer at the department
of criminal law and criminology
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: nasonov.aa@mail.ru

Nasonova Olga Aleksandrovna
undergraduate of the Voronezh Institute
of the of the FPS of Russia;
e-mail: borodkina.olga2010@yandex.ru

* * *

Е. В. Токарева, В. С. Хоршеева

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ**

В статье исследуется современное состояние и тенденция развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России. Для этого предусматривается несколько особенностей участия прокурора в данных стадиях, поскольку прокурорский надзор в досудебном уголовном судопроизводстве не только обеспечивает расследование преступлений с соблюдением требований законности, всесторонности, полноты и объективности, но также является важным вкладом в решение задач противодействия преступности. Освещаются вопросы, связанные с осуществлением органами прокуратуры возложенных на них надзорных задач, что непосредственно связано с контролем выполнения названных конституционных предписаний в деятельности органов предварительного расследования. Авторами уделено внимание совокупности показателей, позволяющих разграничивать полномочия органов предварительного расследования и органов прокуратуры в стадии возбуждения уголовного дела. Важность в данном случае проистекает из такой концепции, как исключительность процессуально обоснованного полномочия на производство всех процессуальных действий в данной стадии. Рассматриваются некоторые мировоззрения уголовно-процессуальной регламентации деятельности должностных лиц в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, прокурор, законность, преступление, прокурорский надзор, противодействие, следователь, дознаватель, уголовно-процессуальные методы, уголовное дело, уголовное судопроизводство.

E. V. Tokareva, V. S. Khorsheva

**SPECIFICS OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY
AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA**

The article deals with the status quo and trend of development of the criminal procedural norms regulating the prosecutor's activity at the pre-trial stages of the criminal proceedings in Russia. The authors of the given article consider some features of the prosecutor's participation in the mentioned stages as prosecutor's supervision in pre-trial criminal proceedings ensures investigation of crimes in accordance with the requirements of legality, comprehensiveness, completeness and objectivity as well as it is an important contribution to solve problems related to counteracting crime. The authors of the article deal with the issues concerning implementation of the supervisory tasks to be assigned in the prosecution authorities' activity. It is directly related to the control of implementation of the mentioned constitutional prescriptions in the activity of the preliminary investigation bodies. The authors pay attention to the complex of indicators that make it possible to distinguish between the powers of the preliminary investigation bodies and those of the prosecution bodies while initiating a criminal case. In this situation the importance stems from such a concept as exceptional character of the procedurally-justified authority to perform all procedural actions at this stage. The authors of the article also consider some points of view of the criminal procedural regulation of the activities of officials at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Key words: initiation of a criminal case, prosecutor, legality, crime, prosecutor's supervision, counteraction, investigator, interrogator, criminal-procedural methods, criminal case, criminal proceedings.

Вопрос, касающийся эффективности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации и ее соответствия требованиям законности во многом зависит от успешной реализации своих функций в уголовном процессе прокурора, который продолжает оставаться одним

из ключевых участников уголовного судопроизводства, притягивая внимание исследователей.

Правильное определение и адекватное понимание процессуальных полномочий прокурора в уголовном процессе имеют ключевое значение, закладывая основу рассмотрения направлений его дея-

тельности и полномочий. Процессуальная фигура прокурора в уголовном судопроизводстве, как представляется, способна обеспечить реализацию от имени государства уголовного преследования лиц, совершивших преступление, надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и руководство этой деятельностью, а также соблюдение и защиту прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

Обозначенная сфера имеет не только важное теоретическое, но и, безусловно, не менее важное практическое значение в свете преобразований, реализуемых в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), в результате которых процессуальные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве претерпело существенные изменения, которые продолжают вызывать самые активные дискуссии в науке и правоприменительной практике.

Прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства нацелен на обеспечение расследования преступлений с соблюдением требований законности, всесторонности, полноты и объективности и в то же время является важным механизмом в решении задач противодействия преступности. Несмотря на снижение общего количества выявленных и зарегистрированных преступлений, отмечаемое в последние годы, качество их расследования еще не в полной мере отвечает установленным Конституцией Российской Федерации и другими федеральными законами требованиям. Не всегда при этом обеспечивается установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.

На фоне сокращения числа направленных в суд дел количество допущенных нарушений закона выросло и составило 5,2 миллиона. Так, в 2020 г. остались нераскрытыми 886 786 преступлений, что на 9,8 % меньше, чем в 2019 г. Из общего количества нераскрытых преступлений на тяжкие и особо тяжкие приходится 21,7 % (в 2019 г. — 21,8 %). Остались при этом нераскрытыми 783 убийства и покушения на убийства (—16,1 %), 1 528 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (—29,6 %), 480 547 краж (—14,1 %), 18 870 грабежей (—21,1%), 2 020 разбойных нападений (—33,3 %).

Особенно обращает на себя внимание то, что в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, не раскрыто 855 444 преступления (—10 %), что составило 97,7 % от общего количества нераскрытых преступлений. Эти показатели дополнительно свидетельствуют о необходимости постоянного внимания со стороны прокурора по вопросам обеспечения органами предварительного расследования над-

лежащей полноты расследования преступлений, принятия исчерпывающих мер по установлению и изобличению совершивших их лиц [1].

Осуществление органами прокуратуры возложенных на них надзорных задач непосредственно связано с контролем выполнения конституционных предписаний в деятельности органов предварительного расследования. Права и законные интересы потерпевших от преступлений могут быть защищены путем приведения в действие уголовно-процессуального и оперативно-разыскного механизмов как средств правового реагирования государства на факты совершения запрещенных уголовным законом деяний.

Только таким образом возможно установить и доказать: а) факт преступления; б) его совершение конкретным лицом; в) его виновность в этом преступлении; г) вид и размер причиненного преступлением вреда; д) способствовавшие преступлению причины и условия; и др. Решение этих задач обеспечивает принятие законных мер по возмещению вреда, причиненного потерпевшему, как в досудебном производстве, так и по решению суда на основании ранее собранных и проверенных в судебном следствии доказательств, а также привлечение виновного к установленной законом ответственности, определение ее вида и размера. Вместе с тем сведения, установленные в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий, являются информационной основой для выполнения необходимых следственных и иных процессуальных действий [2].

Положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и УПК РФ предоставляют органам прокуратуры вполне действенные правовые средства государственно-правового воздействия на процесс досудебного уголовного судопроизводства.

С другой стороны, публично-правовой характер требований УПК РФ фактически определяет порядок деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебном производстве. Принципы уголовного судопроизводства в полной мере устанавливают совокупность подлежащих обязательному соблюдению условий данной деятельности [3, с. 32].

Соблюдение прокурорами поставленных задач возможно при наличии не только совершенных знаний уголовного, уголовно-процессуального законодательства, но также необходимой криминалистической подготовки, владения вопросами использования современных возможностей судебных экспертиз, уголовной (криминалистической) регистрации, взаимодействия с сотрудниками оперативно-разыскных органов и т. д.

Немаловажное значение имеет и изучение прокурорами пособий и других учебно-методических

работ по вопросам методики прокурорского надзора, материалов обобщений и анализа практики прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности, в деятельности органов предварительного расследования, информационных писем о соответствующем положительном опыте и иных материалов.

Безусловно, необходимо знание прокурорами материалов судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях различных категорий и видов, а также разъяснений по этим вопросам, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В статье 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания, органами предварительного следствия и органами оперативно-разыскной деятельности сформулирован нечетко. В нем выделены четыре основных элемента, в числе которых обеспечение раскрытия и расследования преступлений предоставленными прокурору надзорными средствами не указано. В связи с этим возникает необходимость определить, что же представляет собой данный предмет и каково его содержание [4].

Прокурор в современных условиях уголовного судопроизводства не является субъектом проверки сообщений о преступлениях, не возбуждает уголовных дел, не проводит по ним следственных действий, не назначает судебных экспертиз, не дает поручений оперативно-разыскным органам о проведении оперативно-разыскных мероприятий, не выполняет другой деятельности, непосредственно направленной на решение задач, названных в ч. 2 ст. 21 УПК РФ. Поэтому очевидно, что в данных условиях деятельность прокурора направлена на обеспечение выполнения функций следователями, дознавателями за счет использования предоставленных ему ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочий, на что и обращается внимание в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации.

В первую очередь, прокуроры обязаны обеспечивать полноту регистрации сообщений и другой информации о преступлениях с тем, чтобы они были незамедлительно поставлены на учет и начата работа по установлению и изобличению совершивших их лиц [5, с. 184].

Не секрет, что оперативное реагирование органа предварительного расследования на событие преступления, незамедлительное задействование в этой работе максимально возможного в данных условиях комплекса процессуальных, оперативно-разыскных, судебно-экспертных средств обуславливает получение уже на данном этапе достаточно представительной информации, которая если не напрямую указывает на причастное к преступ-

лению лицо, то позволяет выдвинуть обоснованные и перспективные рабочие версии, определить круг необходимых для их проверки действий. Постановка преступления на учет является первым шагом к его раскрытию, если на момент возбуждения уголовного дела еще не известно совершившее его лицо. Укрытие преступлений от учета, напротив, не только исключает приведение в действие механизма расследования, но также порождает у виновных чувство безнаказанности и фактически подталкивает их к совершению новых преступлений.

В 2020 г. прокурорами отменены 2 494 172 незаконных и необоснованных постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2019 г. — 2 381 432. По результатам их отмены прокурорами и проведения дополнительных проверок в 2020 г. возбуждено 183 646 уголовных дел, в 2019 г. — 176 992 [1].

Незаконный и необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела — одна из распространенных форм укрытия преступлений от учета, а возбуждение уголовных дел после отмены многих из таких постановлений фактически означает признание факта попыток такого укрытия, порождающего непринятие мер к установлению виновных в них лиц, неоправданное освобождение их от ответственности, от обязанности возместить потерпевшим причиненный им вред. В связи с этим роль прокурорского надзора в обеспечении принятия этих мер, привлечении виновных к законной ответственности, восстановлении социальной справедливости нельзя переоценить.

Прокурорский надзор за исполнением требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ нацелен также на обеспечение следователями, дознавателями всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования. Многие ученые высказывают мнение о том, что отсутствие в УПК РФ данного требования в качестве принципа уголовного судопроизводства является существенным упущением законодателя. Разделяем позицию А. И. Михайлова, который высказал свое мнение о содержании этих требований: «Полнота следствия означает обязанность следователя устанавливать по каждому делу все обстоятельства дела, образующие в своей совокупности предмет доказывания... Следователь не может считать дело полно расследованным, если он не принял мер к получению доказательств о каждом из обстоятельств предмета доказывания. Подчеркивая значение полноты расследования, закон указывает пути решения этой задачи. Они состоят в том, чтобы по каждому делу выдвигались и проверялись все основанные на материалах дела версии о характере преступного деяния и лицах, причастных к его совершению.

Обязанность следователя выдвигать все основанные на материалах дела версии и принимать

меры к проверке каждой из них образует следующий элемент этого принципа, обозначенный в законе как всесторонность расследования.

Объективность как один из элементов данного принципа означает, что все расследование, заключающееся в выборе средств для получения доказательств, в проведении самих следственных действий, в оценке собранного материала, следователь должен проводить объективно. Не допуская элементов субъективизма, предвзятости, односторонности. И хотя следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, конечно имеющему субъективную окраску, но правила оценки, сформулированные в законе, требуют, чтобы выводы, а тем более процессуальные решения следователя, основывались на прочном объективном фундаменте имеющихся в деле доказательств» [6, с. 58—59].

В связи с этим в целях своевременного раскрытия преступления прокуроры обязаны давать письменные указания дознавателям о направлении расследования, получении и надлежащей фиксации доказательств, производстве неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, иных необходимых процессуальных действий, в том числе на этапе проверки сообщений о преступлениях. Прокурорам также предписано обеспечить надлежащий прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью производства дознания по уголовным делам. Прокуроры при этом вправе отстранять дознавателя от дальнейшего расследования, если им допущены такие нарушения требований УПК РФ, которые могут повлиять на исход дела.

Что касается органов предварительного следствия, прокуроры, проверяя законность и обоснованность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, должны изучать материалы проверок сообщений о преступлениях, обращать внимание на объективность и полноту их проведения, в том числе путем опроса заинтересованных лиц и специалистов. Данное требование во многом обусловлено тем, что должное качество проверки сообщения о преступлении нередко предопределяет общий результат работы по его раскрытию и расследованию. Напротив, халатное отношение следователя, дознавателя к проверке нередко приводит к утрате возможности своевременного выявления, закрепления, исследования следов преступления, получения другой ориентирующей информации, использование которой способствовало бы установлению и изобличению совершившего преступление лица [7].

При проверке законности постановлений о приостановлении предварительного следствия по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ прокуроры

обязаны применять комплексный подход к оценке полноты расследования и оперативно-разыскных мероприятий, изучая материалы приостановленных уголовных дел одновременно с соответствующими делами оперативного учета. В первую очередь такой подход необходим для выяснения вопроса о том, использовались ли возможности оперативно-разыскной деятельности в ходе расследования преступлений, совершенных без очевидцев, для получения информации о вероятно совершивших их лицах, о месте пребывания (если они скрываются от расследования).

Взаимодействие следователя и оперативных работников по борьбе с преступностью и других способствует также получению информации о дополнительных источниках доказательств, о местах сокрытия вещественных доказательств, подлежащего конфискации имущества и др.

При выявлении недостатков процессуальной и оперативно-разыскной деятельности, обусловивших невыполнение следователями, дознавателями, сотрудниками оперативно-разыскных подразделений задачи раскрытия и расследования преступлений, прокурор обязан принять незамедлительные и соответствующие характеру выявленного нарушения меры прокурорского реагирования.

Неисполнение органами дознания требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ обуславливают направление прокурором начальнику органа (подразделения) дознания указания о направлении расследования с перечислением обстоятельств, подлежащих установлению, а также следственных и иных процессуальных действий, которые необходимо для этого выполнить. В адрес органа предварительного расследования в таких случаях направляется требование об устранении нарушения закона, возникшего в невыполнении требований названной нормы УПК РФ об установлении отдельных обстоятельств расследуемого преступления, установлении и изобличении совершившего преступление лица. В юридической литературе высказывается вполне аргументированное мнение о том, что действующие нормы уголовно-процессуального закона ослабили, но не изменили сущности прокурорского надзора за предварительным следствием, его контрольно-надзорного характера, поскольку «переименование указаний прокурора в требования никак не отразилось на уровне обязательности последних для должностных лиц органов предварительного следствия» [8].

Если при изучении дела оперативного учета уполномоченный прокурор придет к выводу о формальном отношении оперативно-разыскного органа к исполнению поручения следователя, дознавателя о проведении оперативно-разыскных мероприятий по установлению совершившего преступление лица и выяснению других вопросов, то он направ-

ляет руководителю оперативно-разыскного органа требование о проведении дополнительных оперативно-разыскных мероприятий (без вмешательства в вопросы организации и тактики их проведения). Тем самым прокурор в пределах своей компетенции осуществляет решение задачи, возложенной на него ч. 2 ст. 21 УПК РФ, опосредованно содействуя обеспечению ее выполнения органами предварительного расследования и оперативно-разыскными органами [9].

В поле зрения прокурора, изучающего материалы уголовного дела (как находящегося в производстве, так и прекращенного или приостановленного производством), помимо вопросов соблюдения требований уголовно-процессуального закона должны рассматриваться вопросы использования прикладных возможностей криминалистики на различных этапах досудебного производства.

Использование знаний в области криминалистической методики расследования преступления способствует уяснению прокурором полноты выполнения процессуальных и связанных с ними непроцессуальных действий. Криминалистическая методика не регулируется каким-либо законом, однако одним из основных ее принципов является обусловленность предметом доказывания по уголовному делу. Разделяем позицию Н. А. Селиванова, который в связи с этим подчеркнул: «В этом проявляется активный, целенаправленный характер методики. Следственные действия, необходимые для выяснения истины по делу, определяются с учетом вида преступления, элементов его состава. Методика расследования зависит от тех фактов, которые необходимо установить и доказать» [10, с. 120].

В разделах «Методика расследования преступлений» учебников по дисциплине «Криминалистика», в руководствах по расследованию престу-

плений, в других учебно-методических изданиях для следователей и дознавателей методики расследования преступлений отдельных видов представлены именно как совокупность следственных, иных процессуальных действий, подлежащих выполнению на отдельных этапах расследования сообразно характеру решаемых на каждом из них задач [11, с. 30—31].

Предмет прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовному делу — выполненные органами предварительного расследования действия, и принятые ими процессуальные решения являющиеся его объектами. Вместе с тем, как ранее отмечено, требования ч. 2 ст. 21 УПК РФ определяют основную задачу профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебном производстве, а именно — установление и изобличение совершивших преступления лиц, т. е. раскрытие преступления.

Под пределами прокурорского надзора следует рассматривать не только вопросы соблюдения федерального законодательства, регулирующего уголовно-процессуальную, оперативно-разыскную, судебно-экспертную и другую деятельность. Его пределы включают в себя также предоставленные прокурору статьей 37 и другими статьями УПК РФ надзорные полномочия, использование которых позволяет ему в пределах его компетенции обеспечивать решение органами предварительного расследования задач, предусмотренных ч. 2 ст. 21 УПК РФ в соответствии с принципами уголовного судопроизводства, при соблюдении прав и законных интересов его участников.

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2020).

2. Сычев Д. А. К вопросу о возврате прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела // Тенденции современной юриспруденции: тезисы науч. конф. СПб.: Фонд развития юридической науки, 2015. С. 32—35.

3. Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 202 с.

4. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. 211 с.

5. Алымов Д. В. Теоретические и практические аспекты использования тактико-криминалистических алгоритмов в расследовании преступле-

1. Official Website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Available from: <https://genproc.gov.ru/>. Accessed: 12 January 2021. (in Russian).

2. Sychev D. A. On Issue to Return Powers to Initiate a Criminal Case to the Prosecutor. In: Trends in Modern Jurisprudence. Abstracts of scientific. conf. Saint-Petersburg: Foundation for the development of jurisprudence; 2015: 32—35. (in Russian).

3. Chubikin A. V. Procedural Status of the Prosecutor While Initiating a Criminal Case. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2014: 202. (in Russian).

4. Dolya Ye. A. Formation of Evidence Based on the Results of Detective Activity. Monograph. Moscow: Prospect; 2009: 211. (in Russian).

ний // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2017. № 2 (31). С. 182—192.

6. Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. 178 с.

7. Агутин А. В., Куликова Г. Л., Агеев А. Н. Организация прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела: монография. М.: Юркомпани, 2010. 218 с.

8. Водько Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения: монография. М.: ИД Шумиловой И. И., 2007. 544 с.

9. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 154 с.

10. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий: монография. М.: Юрид. лит., 1982. 150 с.

11. Каретников В. Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия // Законность. 2016. № 1. С. 30—34.

© Токарева Е. В., Хоршева В. С., 2021

Токарева Екатерина Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Хоршева Валентина Сергеевна,
доцент кафедры предварительного
расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Valya3107@bk.ru

5. Alymov D. V. Theoretical and Practical Aspects to Use Tactical and Criminalistic Algorithms while Investigating Crimes. Criminalist Library. Science Journal. 2017; 31 (2): 182—192. (in Russian).

6. Mikhailov A. I. Problems of Effectiveness of Preliminary Investigation. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 1979: 178. (in Russian).

7. Agutin A. V., Kulikova G. L., Ageyev A. N. Organization of Prosecutor's Supervision at the Stage of Initiation of a Criminal Case. Monograph. Moscow: Yurcompany; 2010: 218. (in Russian).

8. Vodko N. P. Federal Law "On Detective Activity" in the System of Russian Legislation: Problems and Solutions. Monograph. Moscow: Publishing house of Shumilova I. I.; 2007: 544. (in Russian).

9. Tabolina K. A. Prosecutor's Supervision over Initiation and Investigation of Criminal Cases. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2015: 228—229: 154. (in Russian).

10. Selivanov N. A. Soviet Criminalistics: System of Concepts. Monograph. Moscow: Legal Literature; 1982: 150. (in Russian).

11. Karetnikov V. Requirements of the Prosecutor to Eliminate Violations of the Federal Legislation Committed during Preliminary Investigation. Legality. 2016; 1: 30—31. (in Russian).

© Tokareva E. V., Khorsheva V. S., 2021

Tokareva Ekaterina Viktorovna,
associate professor at the department
of criminal procedure
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Khorsheva Valentina Sergeevna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement
bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Valya3107@bk.ru

* * *

Ю. Р. Фадеева

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НЕГЛАСНОГО ХАРАКТЕРА
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

В статье рассматривается такое правовое явление, как негласные следственные действия с позиций ученых-правоведов, а также в рамках уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран. Поднимается вопрос о целесообразности нахождения негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Основу исследования составляют положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, научные работы в области уголовного судопроизводства по изучаемой проблематике. Основным методом исследования, используемым в представленной работе, является общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, кроме того, методы логической индукции, дедукции, познавательные методы, а также приемы анализа, сравнения, описания и обобщения. Проанализированы различные взгляды на негласные следственные действия, определено их положение в рамках зарубежного законодательства. Сделаны выводы о том, что нахождение негласных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации противоречит положениям об общих условиях предварительного расследования и нецелесообразно в рамках существующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: негласные следственные действия, следственные действия негласного характера, специальные следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, зарубежное законодательство.

Yu. R. Fadeeva

**INVESTIGATIVE ACTIONS OF COVERT NATURE
IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION
OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

This article examines such a legal phenomenon as covert investigative actions from the standpoint of legal scholars, as well as within the framework of the criminal procedure legislation of foreign countries. It raises the question whether the covert investigative actions should be present in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. The study is based on the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific works in the field of criminal justice regarding the problem under consideration. The main research method used in this work is the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature. In addition, the methods of logical induction, deduction, cognitive methods, as well as methods of analysis, comparison, description and generalization are also implemented. Various points of view on covert investigative actions are analyzed, their position within the framework of foreign legislation is determined. It is concluded that the presence of the covert investigative actions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contradicts the provisions on the general conditions of preliminary investigation and is not advisable under the existing legislation of the Russian Federation.

Key words: covert investigative actions, investigative actions of covert nature, special investigative actions, operational search activities, foreign legislation.

Среди множества неразрешенных проблем, имеющих на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, особо значащим является вопрос, связанный со сбором доказательственной базы

по уголовному делу. Ни для кого не секрет, что сбор доказательств осуществляется посредством производства следственных действий, которые проводятся в соответствии с общими правилами их производства, закрепленными в ст. 164 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Так, согласно ч. 5 указанной статьи следователь должен удостовериться в личности участников следственного действия, разъяснить права, порядок производства следственного действия, предупредить о возможности наступления ответственности. Однако ряд следственных действий, содержащихся в УПК РФ, противоречит положениям указанной статьи. Так, при производстве таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, никто из участников, кроме лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, не уведомляется об их производстве, что в свою очередь препятствует выполнению требований законодателя о разъяснении прав, обязанности и ответственности. Возникает вопрос: правильно ли то, что данные действия относятся к следственным?

Углубившись в изучение данного вопроса, мы встретили различные и даже противоречащие друг другу взгляды и мнения ученых-правоведов. Так, некоторые из них настаивают на том, что появление негласных действий в уголовно-процессуальном законодательстве — попытка придать им правовую форму надлежащего вида, тем самым справиться с имеющимися запретами на использование результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД) [1, с. 70]. К таким ученым относятся М. П. Поляков [2, с. 183], М. С. Егорова [3, с. 132], С. Б. Россинский [4, с. 112], К. С. Доронин. Последний при этом отмечает, что, несмотря на то, что указанные действия заняли место среди следственных действий, они не соответствуют требованиям ст. 164 УПК РФ, чем и отличаются от классических гласных следственных действий [5, с. 124], что позволило ему рассматриваемые действия назвать действиями негласного характера. В то же время К. С. Доронин видит возможность разрешения данного вопроса в том, чтобы внести в УПК РФ изменения, позволяющие использовать результаты ОРД в качестве доказательств по уголовному делу.

Этого мнения придерживается и В. Ф. Луговик. Ученый отмечает, что деятельность следователя и оперативного сотрудника должна быть унифицирована или хотя бы осуществляться при их максимальном взаимодействии. Негласное производство регламентируется в основном оперативно-разыскным законом, однако, по его мнению, определенный потенциал также присутствует и в уголовно-процессуальных средствах. Несмотря на то, что в УПК РФ не содержится такого понятия, как негласные следственные действия, в действительности они все же содержатся в законодательстве [6, с. 57]. К ним он как раз относит следствен-

ные действия, предусмотренные ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ. По его мнению, указанные действия не соответствуют положениям ст. 164 УПК РФ, однако они необходимы для успешного решения задач уголовного судопроизводства, в связи с чем считает, что изменению должны подвергнуться оба законодательства, а именно уголовно-процессуальное и оперативно-разыскное. Причем новое законодательство должно быть выстроено таким образом, чтобы негласная деятельность осуществлялась при постоянном их взаимодействии [6, с. 184]. Этому же мнению также придерживаются такие ученые, как Н. В. Павличенко [7, с. 111], А. Ю. Шумилов [1, с. 70].

А. В. Чуркин, в свою очередь, говорит о том, что в современной уголовно-процессуальной и криминалистической литературе рассматриваемые действия называют следственными действиями без следователя, так как роль последнего заключается только в получении судебного решения на их производство, в осмотре и прослушивании предоставленных фонограмм, а также в составлении протокола и приобщении необходимых материалов к уголовному делу в качестве вещественных доказательств [8, с. 26]. Основная же работа, связанная с производством данных следственных действий, ложится на плечи оперативно-технических подразделений, и следователь никакого участия в ней не принимает. Именно по этой причине С. А. Шейфер называет исследуемые действия типично оперативно-разыскными мероприятиями. По его мнению, их нельзя отнести к следственным действиям, так как отсутствует один из главных признаков следственного действия, а именно непосредственное восприятие следователем информации, которая имеет значение для уголовного дела [9].

Я. М. Мазунин и П. Я. Мазунин в своих работах высказывают мнение относительно только такого действия, как контроль и запись переговоров. Ученые говорят о том, что пробелом и проблемой уголовно-процессуального законодательства является позиционирование названного действия как следственного. Рассматриваемое действие они относят к негласному и считают, что оно должно быть закреплено в УПК РФ, иметь статус процессуальных действий, а также проводиться следователем [10, с. 64]. В этом заключается шаг к тому, чтобы использовать результаты ОРД в доказывании. Б. Я. Гаврилов, а вслед за ним и М. С. Колосович [11, с. 331] также указывают на бессмысленность отрицания возможности использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств и ссылаются на опыт зарубежных стран, в которых негласные (также называемые специальными или тайными) следственные действия содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве [12, с. 20].

Так, 1 января 2015 г. в Республике Казахстан введен в действие Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РК), характеризующийся тем, что одним из основных его новых направлений стала регламентация порядка производства негласных следственных действий. Впервые рассматриваемый термин мы встречаем в статье, в которой разъясняются общие понятия, используемые в УПК РК. Здесь под негласными следственными действиями понимается действие, проводимое в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается. Кроме того, в Кодексе присутствует целая глава, посвященная исследуемой теме, в которой раскрываются виды негласных следственных действий, условия, основания, сроки, порядок проведения и представления их результатов. Определенное мнение по поводу понятия негласных следственных действий имеется у казахстанских ученых-правоведов. Так, С. Н. Бачурин, К. Т. Сыздыков, Т. М. Ержанов считают, что негласные следственные действия — разновидность следственных (разыскных) действий, сведения о факте и методе проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных УПК РК [13, с. 42]. Хотелось бы также отметить, что, как мы наблюдаем, в УПК РК использовано понятие «негласные следственные действия», однако в Концепции по УПК РК 2009 г. предлагался термин «тайные следственные действия». Основанием этому послужило то, что «УПК многих зарубежных стран, в том числе постсоветских, введено понятие „тайные следственные действия“, так как законодатели считают, что все действия, целью которых является собирание доказательств, должны регламентироваться уголовно-процессуальным законом» [14, с. 164]. Законодатель УПК РК, приняв во внимание мнение по поводу понятия «тайные», а также мнение ученых-правоведов, остановился на термине «негласные». По нашему мнению, в рассматриваемом контексте оба термина абсолютно синонимичны и в равной степени раскрывают суть рассматриваемого уголовно-правового явления.

Еще одним государством, в уголовно-процессуальном законодательстве которого встречается такое понятие, как негласные следственные действия, является Украина. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (УПК Украины) от 13 апреля 2012 г. не раскрывает исследуемое понятие в статье «Основные понятия Кодекса», в отличие от УПК РК, однако содержит гл. 21, состоящую из трех параграфов и посвященную рассматриваемому явлению. В параграфе 1 статьи 246 УПК Украины мы обнаруживаем рассматриваемое понятие, которое звучит следующим образом: «...разновидность следственных (розыскных) действий, сведения

о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». Вместе с тем в этой же статье указано, что их проведение возможно в случаях, когда сведения о преступлении и лице, его совершившем, не представляется возможным получить другими способами. Так же, как и в УПК РК, в УПК Украины закреплены общие положения о негласных следственных действиях.

Несмотря на то что в УПК Украины рассматриваемое понятие закреплено на законодательном уровне, существуют мнения, выражающие несогласие относительно данного термина. Так, В. Шепитько считает, что правильнее было бы назвать «специальные» следственные действия, так как если использовать понятие «негласные следственные действия», то обязательным образом в УПК должно иметься понятие «гласные следственные действия» [15, с. 12]. А. Н. Соколов солидарен в этом вопросе с В. Шепитько. Им также используется термин «специальные следственные действия», при этом он указывает, что важнейшие их аспекты разработаны недостаточно. В частности, порядок их производства недостаточно прозрачен, предсказуем и доступен для контроля, а потому они не могут быть включены в систему следственных действий [16, с. 83]. В. Г. Уваров также считает, что негласным следственным действиям не хватает прозрачности, так как именно прозрачность является лучшей защитой от произвола в сфере правосудия, гарантом его чистоты и справедливости. Кроме того, по его мнению, результаты, полученные в ходе производства негласных следственных действий, не могут быть использованы как надежные фактические данные, так как они могут быть непредсказуемыми и недоступными для проверки [17, с. 21].

Далее обратимся к Уголовно-процессуальному кодексу Киргизской Республики (УПК КР) от 2 февраля 2017 г. В отличие от УПК РК и УПК Украины, здесь рассматриваемое правовое явление названо как «специальные следственные действия» и содержится в гл. 31 УПК КР. Специальные следственные действия производятся в тех случаях, когда для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, необходимо получить сведения о фактах, не информируя вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, когда следственными действиями установить это не представляется возможным. Из содержания данного определения можно понять, что под специальными следственными действиями понимаются негласные следственные действия и рассматриваемые термины в данном контексте синонимичны друг другу. По нашему мнению, нет принципиальной разницы между

наименованием правового явления, так как оно не влияет на его содержание.

Как и в УПК РК, Украины, так и в УПК КР имеется подробная регламентация порядка производства указанных действий, общие положения которой схожи между собой.

Обратившись к законодательству европейских стран, мы также можем наблюдать то, что уголовно-процессуальные законодательства таких стран, как, например, Франция [18, с. 14], Австрия, Бельгия, Болгария, Греция, ФРГ, Швейцария [19, с. 483, 485] и др. содержат положения, посвященные специальным негласным следственным действиям. Порядок их назначения и проведения строго регламентирован, так как подразумевает значительное ограничение конституционных прав граждан. Стоит отметить, что сведения, полученные в результате производства указанных действий, признаются доказательствами по усмотрению суда, исходя из соразмерности ограничения конституционных прав и тяжести совершенного преступления. В случае если отсутствуют веские основания для производства специальных негласных следственных действий, полученные сведения, даже если они указывали на причастность лица к соверше-

нию преступления, признаются недопустимыми доказательствами и не могут быть положены в основу обвинения [5, с. 128].

Таким образом, проанализировав УПК республик Казахстана, Украины, Киргизии и ряда других стран, мы приходим к выводу о том, что такое правовое явление, как негласные, или специальные, следственные действия, не чужды зарубежному законодательству, но при этом их нахождение в УПК неслучайно, порядок их производства подробно регламентирован. Эффективным ли будет применение в России рассмотренных нововведений — вопрос, ответ на который будет получен только спустя время после глубокой научной проработки. В настоящее время для ученых очевидно, что порядок производства рассматриваемых следственных действий негласного характера противоречит положениям ст. 164 УПК РФ, а путь преодоления данной проблемы — предмет дальнейшей нашей дискуссии.

1. Шумилов А. Ю. О целесообразности объединения сыскных процедур в единый уголовно-розыскной процесс // Полицейское право. 2005. № 1. С. 70—72.

2. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (27—28 окт. 2003 г.). М.: МГЮА, 2004. С. 182—184.

3. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 250 с.

4. Россинский С. Б. результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111—119.

5. Доронин К. С. Понятие негласного следственного действия в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 120—129.

6. Луговик В. Ф. Негласное производство по уголовным делам // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 56—60.

7. Павличенко Н. В. Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений // Процессуальное

1. Shumilov A. Yu. On the advisability of combining detective procedures into a single criminal investigation process. Police law. 2005; 1: 70—72. (in Russian).

2. Polyakov M. P. The usage of the operational search activity results in proving. In: Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the year of law enforcement and teaching: materials of the International Research-to-Practice Conference, 27—28 October, 2003. Moscow: MSJA; 2004: 182—184. (in Russian).

3. Egorova M. S. Institution for the adjournment of criminal proceedings and enforcement of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings upon the implementation of its norms. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2003: 250. (in Russian).

4. Rossinsky S. B. The results of operational search activity must be recognized as evidence in a criminal case. Judicial power and criminal procedure. 2018; 2: 111—119. (in Russian).

5. Doronin K. S. The concept of covert investigative actions in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 3: 120—129. (in Russian).

6. Lugovik V. F. Covert proceedings in criminal cases. Society and Law. 2018; 63 (1): 56—60. (in Russian).

7. Pavlichenko N. V. Prerequisites for the private secrecy theory of solution and investigation of crimes. Procedural law: issues on theory and

право: вопросы теории и правоприменения. 2017. Т. 16, № 2. С. 109—116.

8. Чуркин А. В. Оперативно-розыскная деятельность (правовые основы в органах военной юстиции): учеб. пособие. М., 2005.

9. Шейфер С. А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. С. 55—60.

10. Мазунин Я. М. Негласная деятельность следователя: миф или реальность // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омская юрид. акад., 2015. С. 62—71.

11. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

12. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Глаголь правосудия. 2018. № 3 (17). С. 19—23.

13. Бачурин С. Н., Сыздыков К. Т., Ержанов Т. М. Критические замечания и предложения по проекту Закона РК «О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (по вопросам оперативно-розыскной деятельности) // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. 2011. № 4. С. 41—43.

14. Нурғалиев Б. М., Лакбаев К. С. Негласные следственные действия: история, понятие, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 162—165.

15. Шепитько В. Система следственных действий в структуре уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики. URL: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/5519/1/SHepitko_530.pdf (дата обращения: 07.10.2020).

16. Соколов А. Н. Устранить дублиаж следователем результатов работы розыска при расследовании возбужденного уголовного дела // Криминалист первопечатный. 2012. № 4. С. 83.

17. Уваров В. Г. Система негласных следственных (розыскных) действий по УПК Украины. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65963-sistema-neglasnykh-sledstvennykh-rozysknykh-dejstvij-ukrainy> (дата обращения: 06.10.2020).

law enforcement. 2017; 16; 2: 109—116. (in Russian).

8. Churkin A. V. Operational search activity (legal basis in the military justice bodies). Textbook. Moscow; 2005. (in Russian).

9. Sheifer S. A. Legal regulation of investigative actions in the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation. State and Law. 2003; 2: 55—60. (in Russian).

10. Mazunin Ya. M. Covert activities of the investigator: myth or reality. In: Current issues of legislative regulation on operational-search activity: materials of the All-Russian Research-to-Practice Conference. Omsk: Omsk Law Academy; 2015: 62—71. (in Russian).

11. Kolosovich M. S. Procedural remedies of ensuring publicity and secrecy of criminal proceedings: conceptual framework. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 536. (in Russian).

12. Gavrilov B. Ya. Problems of statutory regulation of the legalization of the results of operational search activities in criminal proceedings. Glagol pravosudiya. 2018; 17 (3): 19—23. (in Russian).

13. Bachurin S. N., Syzdykov K. T., Erzhanov T. M. Critical remarks and suggestions on the draft of the RK Law "On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan regarding the improvement of criminal law and criminal procedure legislation" (on operational search activities). Khabarshy-Bulletin of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov. 2011; 4: 41—43. (in Russian).

14. Nurgaliev B. M., Lakbaev K. S. Covert investigative actions: history, concept, problems, prospects. In: Current issues of situational approach in legal science and law enforcement: materials of the International Research-to-Practice Conference. Kaliningrad: BFU Publishing House n. a. I. Kant; 2012: 162—165. (in Russian).

15. Shepitko V. The system of investigative actions in the structure of criminal procedure law and criminalistic tactics. Available from: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/5519/1/SHepitko_530.pdf. Accessed: 7 October 2020. (in Russian).

16. Sokolov A. N. Eliminate the dubbing of the crime investigation results by the investigator during the investigation of the initiated criminal case. A First-printed criminalist. 2012; 4: 83. (in Russian).

17. Uvarov V. G. The system of covert investigative (search) actions under the Code of Criminal Procedure of Ukraine. Available from: URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65963-sistema-neglasnykh-sledstvennykh-rozysknykh-dejstvij-ukrainy>. Accessed: 6 October 2020. (in Russian).

18. Головки Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М.: СПАРК, 1995. 130 с.

19. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 580 с.

© Фадеева Ю. Р., 2021

Фадеева Юлия Руслановна,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: juliafadd12@gmail.com

18. Golovko L. V. Inquiry and preliminary investigation in criminal proceedings of France. Moscow: SPARK; 1995: 130. (in Russian).

19. Kolosovich M. S. Procedural remedies of ensuring publicity and secrecy of criminal proceedings. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 580. (in Russian).

© Fadeeva Yu. R., 2021

Fadeeva Yulia Ruslanovna,

associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: juliafadd12@gmail.com

* * *

А. В. Жуланов, А. Н. Самарский, А. А. Белецкий

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ
И РЕФОРМЫ НАЧАЛА XX в.: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

В статье рассматриваются предпосылки реформирования общественной и социальной жизни Российской империи начала XX в., в числе которых противостояние между буржуазией и дворянством, недовольство народа действиями власти, вылившееся в революцию 1905—1907 гг. Акцентируется внимание на ряде важнейших документов, изданных Николаем II в целях стабилизации ситуации в стране. Описываются основные идеи аграрной, промышленной, судебной и школьной реформ, проведенных Правительством Российской империи во главе с П. А. Столыпиным. Оцениваются достоинства и недостатки преобразований. Среди первых авторы отмечают рост промышленности, активизацию сельскохозяйственной отрасли, что позволило России укрепить свои экономические позиции на мировой арене. Среди вторых — слишком малое время, затраченное на реализацию реформ, разрозненность в действиях реформаторов, а также насильственные методы внедрения преобразований в жизнь населения страны. По мнению авторов статьи, незавершенность реформ, проведенных в начале XX в., привела к тяжелым последствиям: подъему революционного движения и краху Российской империи.

Ключевые слова: реформы, аграрная реформа, промышленность, реформа образования, революция.

A. V. Zhulanov, A. N. Samarsky, A. A. Beletsky

**STATE AND LEGAL PROJECTS AND REFORMS
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY:
CAUSES AND RESULTS (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

The article examines the prerequisites for reforming the social and social life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, including the confrontation between the bourgeoisie and the nobility, people's dissatisfaction with the actions of the authorities, which resulted in the revolution of 1905—1907. Attention is focused on a number of important documents issued by Nicholas II in order to stabilize the situation in the country. The main ideas of the agrarian, industrial, judicial and school reforms carried out by the Government of the Russian Empire headed by P. A. Stolypin are described. The advantages and disadvantages of the transformations are assessed. Among the first, the authors note the growth of industry, the revitalization of the agricultural sector, which allowed Russia to strengthen its economic position in the world arena. Among the latter are too little time spent on the implementation of reforms, fragmentation in the actions of reformers, as well as violent methods of introducing transformations into the life of the country's population. According to the authors of the article, the incompleteness of the reforms carried out at the beginning of the 20th century led to dire consequences: the rise of the revolutionary movement and the collapse of the Russian Empire.

Key words: reforms, agrarian reform, industry, education reform, revolution.

В начале XX в. Россия пережила ряд потрясений, в том числе смену политического строя, что, естественно, повлекло за собой реформирование законодательства. Результат этих преобразований был далек от того, который задумывался властью, однако послужил фундаментом для дальнейшего построения законодательной системы страны. Попытаемся проанализировать позитивные и негативные последствия проведенных реформ.

В первые десятилетия XX в. в Российской империи нарастает противостояние между двумя классами: буржуазией и дворянством. Данный факт наряду с народными волнениями подтолкнул

правительство к смягчению режима и частичному удовлетворению требований недовольных масс. Для этого были изданы соответствующие указы и манифесты. Так, в феврале 1905 г. вышел в свет Указ, разрешавший населению подавать проекты, направленные на совершенствование государственного устройства, и Манифест, утверждавший незыблемость самодержавия и предполагавший укрепление позиций правителя. Данные документы по смыслу были взаимоисключающими, но действовавшая власть надеялась с их помощью повлиять на ситуацию в стране.

В августе 1905 г. был издан Манифест о создании законосовещательного органа в рамках Думы после проведения выборов в ее состав. Однако население их бойкотировало. В результате 17 октября 1905 г. манифест заменили положением, согласно которому учреждалась не совещательная, а законодательная Дума.

Первая русская революция и нарастающее недовольство народа вынудили Николая II подписать рескрипт на имя Министра внутренних дел А. Г. Булыгина, где говорилось о необходимости создания выборного представительства от населения в государственных органах власти, что было подтверждено императором на встрече с общественными деятелями земских и городских съездов, которая состоялась 6 июня 1905 г. Претворение данного документа в жизнь проходило крайне медленно, но было ускорено восстанием на броненосце «Потемкин», и уже 6 августа 1905 г. Николаем II был подписан Манифест «Об учреждении Государственной Думы» и Положение о выборах в Государственную Думу. Согласно первому в России создавалась законосовещательная Дума, в функции которой входило обсуждение законопроектов и необходимости их принятия, а также прогнозирование реакции народа на них. Однако вопрос об утверждении законопроектов находился исключительно в ведении императора. Выборы в Думу предполагалось сделать многоступенчатыми. В ее состав должны были войти собственники недвижимости, крупные плательщики налогов, а также крестьяне, наделенные землей. К голосованию допускались только мужчины старше 25 лет, не проходящие обучение, службу в действующей армии, не являющиеся иностранными подданными [1].

Нужно отметить, что издание манифеста не привело к ожидаемым результатам, а спровоцировало еще большие народные волнения. Причиной послужил тот факт, что требование населения о создании законодательного органа так и не было удовлетворено: Дума наделялась незначительными полномочиями, а вся власть по-прежнему сосредоточивалась в руках императора. Кроме того, военнослужащие, студенты и рабочие, которые составили основную движущую силу революции 1905—1907 гг., так и не получили избирательного права. Фактически Булыгинская Дума являлась формальным органом. Ни один ее созыв не был собран, поскольку революционные организации призывали народ саботировать выборы. Ситуация продолжала накаляться, и Николаю II пришлось идти на уступки. В октябре 1905 г. он подписал Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, который распределил прежде единоличное право императора на законодательную инициативу между ним и законодательным органом — Государственной Думой [1].

Кульминационным событием революции 1905 г. стало декабрьское вооруженное восстание. Правительство было вынуждено отказаться от ряда уступок, на которые пошло ранее. В феврале 1906 г. был издан Высочайший Манифест о преобразовании Государственного Совета. По сути, этот орган стал подобием верхней палаты парламента, в его компетенцию вошло определение порядка взаимодействия между вновь созданной Государственной Думой и Государственным Советом. Были пересмотрены основные государственные законы Российской империи. Вузам возвращена их автономия. Создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, главной задачей которого было создание условий для выхода крестьян из общины с наименьшими потерями, а также выделение личной собственности крестьянам в виде подворного землевладения. В результате принятых мер на смену самодержавной власти, наделенной неограниченными полномочиями, пришла конституционная монархия с сохранением самодержавного режима в отдельных сферах жизни [2].

Отметим, что первая русская революция послужила толчком к образованию профессиональных союзов, которые могли выдвигать требования от имени рабочего класса в адрес правительства. В октябре 1905 г. актом «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» Совет министров стал органом, действующим на постоянной основе. Ранее министры назначались указом императора и были подвластны только ему. В результате синтезирования деятельности отдельных министерств и ведомств появляется Совет государственной обороны. Органы полиции и жандармерии выходят из подчинения Министерства юстиции, однако их роль в общественной жизни страны возрастает на фоне контроля за рабочим движением и проверки легальности создаваемых организаций. В структуре жандармерии образуются Управление полицейской стражи, Главное управление по делам печати и др. [3]

Изменения коснулись и местного самоуправления. Так, с 1906 г. губернские земские собрания получили право выбора по одному из членов Государственного совета, позднее, в 1912 г., им вернули ранее утраченное право выбора кандидатов в мировые судьи, которые восстановились в этом же году, в результате чего произошла ликвидация института земских начальников [4].

Еще в конце XIX в. в России было принято Положение об учреждении мелкого кредита. На его основе начали создаваться ссудно-сберегательные товарищества, кредитные организации, волостные банки и кассы. В начале XX в. они стали активно развиваться в связи с недостаточным финансовым благополучием крестьян. Деятельность этих организаций состояла не только в выдаче кредитов, но и в накоплении и сохранении капиталов.

В числе событий, характеризующих описываемый исторический период, нужно назвать создание оппозиционных политических партий, которые предлагали свои правовые проекты, направленные на изменение курса страны и, как следствие, улучшение ситуации в ней.

В 1906 г., когда революционные движения немного стихли, правительство стало искать пути предотвращения повторения событий 1905 г. На пост премьер-министра был назначен П. А. Столыпин. Будучи человеком опытным и грамотным, он незамедлительно потребовал от всех ведомств давно разработанные ими проекты, затрагивавшие проблемные сферы жизнедеятельности государства. Изучив полученную информацию, 24 августа 1906 г. П. А. Столыпин озвучил программу преобразований России, которая устраивала бы все слои населения и не оказывала негативного влияния на органы власти. Данная программа состояла из двух этапов: незамедлительного принятия мер и рассмотрения проектов новой Думой. На первом этапе предполагалось решить вопросы, связанные с землей, равноправием граждан, свободой вероисповедания, а также проблему государственной важности — еврейский вопрос. На втором — улучшить быт рабочих, провести реформы местного самоуправления, школы, полиции, преобразовать местные суды и т. д.

Безусловно, в числе заслуг П. А. Столыпина следует назвать аграрную реформу. Она началась в 1906 г. и подразумевала в первую очередь выход всех крестьян из общины, после чего любой из них мог требовать от нее выделения земельного участка, который на основе собственности закреплялся за крестьянином и привязывался к определенному месту. Вопрос с земельным голодом в центральной части страны П. А. Столыпиным был решен за счет переселения крестьян в Сибирь. Они получали большие льготы и немаленькие участки земли. Это оказалось действительно полезным и позволило частично достичь поставленных целей. К 1916 г. из крестьянских общин вышло более 2,5 млн крестьян. Однако закончить аграрную реформу не удалось, что в дальнейшем негативно отразилось на ее итогах.

В 1906—1907 гг. по указу Николая II часть государственных и удельных земель была передана крестьянскому банку для продажи крестьянам в целях ослабления земельного дефицита. В результате банком производилось регулирование формы собственности земель. Для крестьян, приобретших землю в единоличное пользование, снижались суммы платежей. Это способствовало увеличению единоличных пользователей земельных участков.

Нужно сказать несколько слов и о школьной реформе, в рамках которой 3 мая 1908 г. был утвержден новый закон, вводивший обязательное началь-

ное бесплатное образование для детей от 8 до 12 лет. Открываются новые школы, увеличивается сумма, выделяемая из бюджета на расходы образования. Главной задачей данной реформы П. А. Столыпин считал достижение всеобщей грамотности в объеме начальной школы (четыре года обучения), однако завершить ее также не удалось [5].

Развитие страны невозможно без роста промышленности. Правительство П. А. Столыпина прекрасно понимало это и уделяло проблемам индустриализации большое внимание. Для рабочих были обеспечены комфортные условия труда, затронуты вопросы их найма, времени нахождения на производстве, страхования от болезней и несчастных случаев. Однако принимаемые властями меры не устраивали предпринимателей, поскольку были экономически невыгодными. Достичь компромисса здесь не удалось, реформа не была доведена до конца, как следствие, рабочий класс остался недовольным.

Главной идеей судебной реформы было возвращение мировых судей на места для доступности правосудия населению. Состав мировых судей должен был избираться органами местного самоуправления. В их компетенцию входили гражданские и уголовные (не влекущие тяжкого наказания) дела. Решения, принятые мировыми судами на местах, можно было оспорить в судах вышестоящей инстанции [5].

Кроме всех указанных проблем государству предстояло решить еще одну — национальный вопрос. П. А. Столыпин был сторонником объединения народов Российской империи, предлагал создать министерство национальностей, которое бы изучало особенности каждой нации: историю, традиции, культуру, социальную жизнь, религию и т. п. — и оказывало противодействие внутренним и внешним врагам страны, стремившимся посеять межнациональную и религиозную рознь. По мнению премьер-министра, все народы должны иметь равные права и обязанности и быть верны России.

Безусловно, реформы П. А. Столыпина были направлены на модернизацию существовавшего самодержавного строя и сохранение широких полномочий императора. Однако они проходили как ответ на революционные движения 1905—1907 гг. После спада настроений масс правительство отказалось от сделанных ранее уступок в надежде, что население не заметит этого и неотреагирует. Некоторые исследователи полагают, что аграрную реформу вообще можно рассматривать как толчок к революции 1917 г. Причин здесь несколько. Во-первых, у нее имелся ряд противников: прежде всего, крестьяне-общинники, которым было невыгодно выделение земель крестьянам, выходившим из общин. Во-вторых, ухудшение положения

отдельных социальных слоев. По мнению ученых, высокий темп роста промышленности был достигнут за счет разорения деревни. В-третьих, обезземеливание значительного количества крестьян, которые просто выпали из общин и не смогли реализовать себя в условиях города. Таким образом была порождена целая прослойка маргиналов, которые оставались недовольными любыми реформами и с легкостью поддерживали революционные движения, поскольку считали себя жертвами экспериментов по совершенствованию общественного строя [6].

Реформы начала XX в. были несвоевременными для России в связи с уже сложившимся в 1905—1907 гг. конфликтом между народом и правительством. Их не продумали до конца, власть не пользовалась авторитетом, в результате вместо «светлого будущего» произошел крах империи. Даже если бы реформирование проходило путем уступок недовольным массам, события вряд ли бы развились по-другому. Революционные настроения назревали, и свержение монархии было неизбежно [7, с. 33; 8, с. 180; 9].

Однако преобразования имели безусловные плюсы. Так, реформа промышленности привела к тому, что рост производимого продукта вырос в 7 раз, добыча угля в 6 раз, выплавка чугуна

в 5 раз, выплавка стали в 13 раз. Это укрепило экономические позиции Российской империи на мировой арене. Прогнозировалось, что к середине XX в. страна станет ведущей промышленной державой. Результатом аграрной реформы стал рост сельскохозяйственной промышленности и увеличение экспорта пшеницы.

В числе недостатков проводимых преобразований отметим слишком малое время, затраченное на их реализацию (в стране еще существовали феодальные и полufeодальные отношения, повернуть их в иное русло, изменить мышление значительной части населения в короткий срок невозможно), разрозненность в действиях реформаторов, а также методы реформирования (в большинстве случаев власть желала навязать народу те или иные блага, население же не понимало, как именно этими благами нужно распоряжаться).

Таким образом, реформы, проводимые в Российской империи в начале XX в., позволили ей сделать большой шаг вперед и выйти на уровень наиболее развитых государств того времени. Однако их незавершенность привела к тяжелым последствиям: подъему революционного движения и краху страны.

1. Булыгинская Дума. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/buliginskaya-duma.html> (дата обращения: 05.10.2020).

2. Кирьянов И. К. Провал премьеры либеральной пьесы: первый опыт российского транзита // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 118—131.

3. История отечественного государства и права: учебник / под ред. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. Ч. 1. 430 с.

4. Видова Т. А., Головастова Ю. А. Третьеиюньская политическая система в России: политические предпосылки и исторические последствия // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 99—102.

5. Фисенко О. Россия эпохи Столыпина: реформы и их результаты. URL: <https://www.sites.google.com/site/stolypinru/rossia-epohi-stolypina-reformy-i-ih-rezultaty> (дата обращения: 05.10.2020).

6. Кудинова Т. Н. Революция и реформы в России в начале XX века. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/science/nir/elcatalog3/text5/ (дата обращения: 05.10.2020).

7. Исторический опыт трех российских революций: В 3 кн. Кн. 2. Свержение самодержавия: вторая буржуазно-демократическая революция в России / И. А. Алуф, А. Я. Грунт, Г. З. Иоффе [и др.]; редкол.: С. Л. Титаренко (руководитель) [и др.]. М.: Политиздат, 1986. 414 с.

1. Bulyginskaya Duma. Available from: <https://istoriarusi.ru/imper/buliginskaya-duma.html>. Accessed: 5 October 2020. (in Russian).

2. Kiryanov I. K. Failure of the premiere of a liberal play: the first experience of Russian transit. Polis. Political Studies. 2005; 5: 118—131. (in Russian).

3. History of the domestic state and law. Textbook. Ed. by O. I. Chistyakov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Jurist; 2007; Part 1: 430. (in Russian).

4. Vidova T. A., Golovastova Yu. A. The third of June political system in Russia: political preconditions and historical consequences. Eurasian legal journal. 2019; 133 (6): 99—102. (in Russian).

5. Fisenko O. Russia of the Stolypin era: reforms and their results. Available from: <https://www.sites.google.com/site/stolypinru/rossia-epohi-stolypina-reformy-i-ih-rezultaty>. Accessed: 5 October 2020. (in Russian).

6. Kudinova T. N. Revolution and reforms in Russia at the beginning of the 20th century. Available from: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/science/nir/elcatalog3/text5/. Accessed: 5 October 2020. (in Russian).

7. Aluf I. A., Grunt A. Ya., Ioffe G. Z. (et al.) Historical experience of three Russian revolutions. In 3 vol. Vol. 2. The overthrow of the autocracy: the second bourgeois-democratic revolution in Russia. Editorial board: S. L. Titarenko (supervisor) [et al.]. Moscow: Politizdat; 1986: 414. (in Russian).

8. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 285 с.

9. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // История СССР. 1991. № 2. С. 96—106.

© Жуланов А. В., Самарский А. Н.,
Белецкий А. А., 2021

Жуланов Александр Владимирович,
доцент кафедры теории и истории права
и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
e-mail: sandrik111@mail.ru

Самарский Александр Николаевич,
доцент кафедры теории и истории права
и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
e-mail: samarsky_an@mail.ru

Белецкий Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры
огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

8. Avrekh A. Ya. P.A. Stolypin and the fate of reforms in Russia. Moscow: Politizdat; 1991: 285. (in Russian).

9. Ananich B. V., Ganelin R. S. The crisis of power in Russia. Reforms and revolutionary process. 1905 and 1917. In: Reforms or Revolution? Istoria SSSR. 1991; 2: 96—106. (in Russian).

© Zhulanov A. V., Samarsky A. N.,
Beletsky A. A., 2021

Zhulanov Alexander Vladimirovich,
associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
e-mail: sandrik111@mail.ru

Samarsky Alexander Nikolaevich,
associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
e-mail: samarsky_an@mail.ru

Beletsky Alexander Alexandrovich,
senior lecturer of the department
of fire training of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

С. В. Катков**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ**

В статье проведен ретроспективный анализ особенностей использования сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в различные исторические периоды существования России. Отдельно акцентировано внимание на создании и трансформации системы оперативных подразделений, правовом регулировании их деятельности во время правления династий Рюриковичей, Романовых, а также в период существования Союза Советских Социалистических Республик с учетом реализуемых направлений внешней и внутренней политик страны. В заключение работы автор приходит к выводу, что игнорирование со стороны государства значения оперативно-разыскной политики в обеспечении национальной безопасности, пренебрежительное отношение к ней, равно как и чрезмерное не урегулированное нормами права применение негласных сил, средств и методов этой деятельности в ущерб правам и интересам личности и общества в итоге влечет разрушение любого могущественного государства, о чем наглядно свидетельствует многовековая история России.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная политика, оперативные подразделения, национальная безопасность.

S. V. Katkov**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE
POLICY IN RUSSIA**

In this article a retrospective analysis of the peculiarities of the use of forces, means and methods of operational and investigative activity in various historical periods of the existence of Russia is provided. Separately, attention is focused on the creation and transformation of the system of operational units, the legal regulation of their activities during the Houses of Rurik and Romanov, as well as during the existence of the Union of Soviet Socialist Republics, taking into account the implemented directions of the country's foreign and domestic policies. In conclusion of this work, the author draws an inference that the state's ignorance of the significance of the operational and investigative policy in national security protection, a disdainful attitude towards it, as well as the excessive, not regulated by the norms of law, use of tacit forces, means and methods of this activity to the detriment of the rights and interests of the individual and society, as a result, entails the destruction of any powerful state, which is clearly evidenced by the centuries-old history of Russia.

Key words: operational and investigative activity, operational and investigative policy, operational units, national security, crime, corruption.

В одной из своих работ А. Г. Маркушин, предвзяв краткий экскурс в историю становления и развития оперативно-разыскной (сыскной) деятельности по противодействию антиобщественным явлениям в России, приводит один из законов Мерфи: «Те, кто не в состоянии извлекать уроки из прошлого, осуждены повторно изучать курс истории» [1, с. 14]. Несмотря на столь простое, на первый взгляд, философское изречение, в нем заложено достаточно много истины.

Неоспорим тот факт, что в процессе исследования оперативно-разыскной политики как частной

теории оперативно-разыскной деятельности необходимо применение различных частноправовых методов. Особое место среди них, безусловно, занимает историко-правовой метод познания специфики использования сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в разные периоды развития общества и государства.

Соответственно, для правильного понимания оперативно-разыскной политики как элемента системы обеспечения национальной безопасности России априори необходимо исследование этого феномена на различных исторических этапах, что

позволит выявить закономерности его становления, тенденции движения, извлечь исторические уроки и определить дальнейшие перспективы развития. И это вполне естественно, как отмечает Д. А. Керимов, поскольку в обществе всегда имеются остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Поэтому исследование правовых явлений и процессов не может ограничиваться рассмотрением их состояния на момент «наличного» существования, ибо в таком случае будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии права [2, с. 110].

Как отмечает Г. К. Синилов и многие другие авторы, не будет преувеличением сказать, что история правоохранительной деятельности, да и сама организация соответствующей системы неразрывно связаны и во многом обусловлены становлением и развитием отечественного сыска. Истоки же сыскной (оперативно-разыскной) деятельности вообще не поддаются официальному исчислению [3, с. 7—9]. Вместе с тем считаем непрерываемым то, что сыскная деятельность практически всегда связана с реализацией как личных, так и государственных интересов на всех этапах развития различных общественных отношений вне зависимости от их правовых форм.

Соответственно, на основе принципа детерминированности оперативно-разыскную политику, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в той социально-исторической среде, в которой происходило развитие российского общества, с учетом сложившихся объективных закономерностей и причинной обусловленности развития общественных отношений. А это совпадает с этапами формирования российской государственности и отечественного права.

Как уже ранее отмечалось, политика была всегда связана именно с государством. В свою очередь, любое государство на протяжении истории человечества всегда было в большей или меньшей степени поражено таким негативным явлением, как коррупция.

Показательна в связи с этим точка зрения А. И. Кирпичникова и ряда других ученых-экономистов, социологов, философов, историков, политологов, юристов о том, что коррупция «родилась вместе с государством и может погибнуть только вместе с ним» [4, с. 7].

С максимальной степенью вероятности, на наш взгляд, именно по этой причине оперативно-разыскная деятельность изначально имела свои истоки именно в сфере борьбы с коррупцией, а также иными преступлениями против государственной власти. Таким образом, исследование историко-правовых основ оперативно-разыскной политики необходимо осуществлять в контексте рассмотрения истории борьбы с коррупцией.

История коррупции не уступает по продолжительности истории человеческой цивилизации.

Продажность чиновника, пораженного корыстью, известна всем государствам: «Глубинные корни и причины возникновения коррупции в зависимости от исторической эпохи и фазы социально-экономического развития страны весьма личны» [5, с. 4]. Одно из первых упоминаний о коррупции в системе государственной службы встречается в документах, обнаруженных в архивах Древнего Вавилона. О взяточничестве судей говорится также и в Моисеевом законодательстве, и в знаменитых XII таблицах Древнего Рима [6, с. 94]. Не могла остаться в стороне и Русь.

Согласно Летописи Нестора (в русле нормандской теории становления Российского государства) в начале IX в., устав от многих бесчинств и междоусобных стычек бояр, славяне, «убежденные — так свидетельствует предание — советом новгородского старейшины Гостомысла, потребовали властителей от варягов» [7, с. 104].

Княжеская власть Руси следовала примеру Византии. Там чиновникам не платили жалованья, а их услуги оплачивали подданные империи, император предпочитал содержать своих наместников за счет населения. И на Руси власть, не имея средств на содержание воевод, судей и их помощников на местах, давала им возможность кормиться за счет подвластного населения.

Следы такого порядка сохранили пространная «Русская Правда» (XI в.), Псковская судная грамота 1467 г., Свод законов — Судебник Ивана III (1497 г.) [4, с. 25—30].

Именно положения Судебника 1497 г. позволили Ивану IV (Грозному) провести ряд реформ, направленных на укрепление Русского централизованного государства и ограничение власти удельных князей и бояр. Так, в 1539 г. в целях осуществления особых судебно-сыскных функций Иваном Грозным был образован Разбойный приказ для борьбы с общеуголовными преступлениями и недопущения продажности слуг государевых, которых становилось все больше в процессе развития приказной системы, а также контроля за образуемыми выборными органами управления на местах — губными и земскими избами. Этот Приказ, неоднократно дробясь, просуществовал до 1701 г., сменив несколько названий: Разбойный сыскной приказ, Сыскной приказ, Приказ сыскных дел [8, с. 6—7; 9, с. 5—6].

После избрания в 1613 г. Земским собором на престол Русского государства Михаила Романова (1613—1645 гг.) одной из форм дополнительного контроля за деятельностью как государственных служащих, так и выборных стало создание пунктов регистрации сообщений от населения о проявлениях коррупции. В 1619 г. Земский собор третьей сессии образовал учреждение для разбора жалоб от населения на «сильных людей» [10, с. 6—7].

Весомую роль в борьбе с коррупцией стал играть созданный государем Алексеем Михайловичем в 1655 г. Приказ тайных дел, имевший истоки в Розыском приказе, утвержденным еще Иваном Грозным. Особенностью этого Приказа было то, что он состоял непосредственно при царе. В его функции входило:

а) осуществление контроля за расследованием особых деяний, направленных против государя, в том числе связанных с коррупцией (процесс по делам о государевом «слове и деле»);

б) контроль за деятельностью других приказов:

— гласно — путем затребования различных сведений и отчетности, проверки делопроизводства;

— негласно — с помощью рассылки подьячим секретных наказов о слежке за некоторыми послами, воеводами и иными лицами, а также направлением с миссиями тайного контроля слугивых этого приказа [11, с. 58].

Стратегия предшествующих государей, направленная на укрепление целостности государства, ограничение власти местных чиновников, выявление фактов коррупции и совершения наиболее тяжких видов общеуголовных преступлений (убийств, разбоев, грабежей) была поддержана Петром I (1696—1725 гг.).

В то же время считаем, что необходимо обратить внимание на следующее:

— во-первых, с преобразований Петра I, направленных на формирование новой государственности, становится наиболее заметной тенденция, направленная на усиление регламентации тайной сыскной работы;

— во-вторых, в период царствования Петра I произошла заметная переориентация такой негласной деятельности по борьбе с общеуголовной преступностью на борьбу с государственными и должностными преступлениями.

Таким образом, в процессе выявления и преследования, прежде всего, государственных преступников, среди которых, безусловно, были лихоимцы, мздоимцы и их пособники, подрывавшие своими деяниями веру в Государя, тайные методы расследования получили наибольшее распространение.

Для решения этой задачи Петр I в 1701 г. ликвидировал Сыскной приказ, но создал новый — Преображенский, функции которого впоследствии были переданы образованной Тайной розыскных дел канцелярии, уполномоченной рассматривать вопросы о «государевом слове и деле» (1718—1762 гг.) [8, с. 8—9].

В этот же период Петр I привлек к борьбе с коррупцией все население страны. Он разрешал всем людям независимо от чина доносить лично ему о лихоимстве как за «государево слово и дело». За справедливый донос определялась награда: «...богатство того преступника движимое и недви-

жимое отдано будет... а если доносчик будет достоин, то и чин преступника будет ему присвоен». Для обеспечения такой меры с 1714 г. равное наказание с лихоимцами было установлено и тем, «кто им помогал», или, зная об этом, не донес [12].

Установленные при Петре I правила позволяли сдерживать как уровень общеуголовной преступности, так и коррупции до социально терпимых проявлений. Однако при правлении Екатерины I (1725—1727 гг.), Петра II (1727—1730 гг.), Анны Ивановны (1730—1740 гг.), Елизаветы (1741—1760 гг.), Петра III (1760—1762 гг.), названном историками эпохой фаворитизма, произошел отход от комплексного осуществления борьбы с преступностью и коррупцией. Многочисленные фавориты — Меньшиков, Долгорукие, Бирон, Шуваловы, Орловы и многие другие — представляли значительный пласт государственных служащих, использующих свои полномочия и близость к государю в целях личного обогащения в ущерб интересам Российского государства. В этот же период значительно возросло число «разбойных шаяк» и иных «лихих людей».

Как следствие, криминальная ситуация в России стала достаточно опасной. Просвещенной Екатериной II (1762—1796 гг.) сразу после вхождения на престол в феврале 1762 г. была упразднена Особая экспедиция, созданная Петром III взамен Канцелярии тайных розыскных дел [13, с. 80], значение которой в борьбе с коррупцией и иными государственными преступлениями являлась достаточно весомым. Но практически одновременно с этим по ее указу образована Тайная розыскная экспедиция, наделенная аналогичными полномочиями и формально подчиняющаяся Сенату, а фактически — только императрице [14, с. 97—102].

Дальнейшее развитие системы оперативных подразделений и использование их возможностей в первую очередь для осуществления политического сыска произошло в период правления Александра I (1801—1825 гг.). Вместо ликвидированной Тайной розыскной экспедиции с учетом разнородности задач, стоящих перед созданным Министерством внутренних дел, Указом Александра I 17 августа 1810 г. было образовано самостоятельное ведомство — Министерство полиции Российской империи. Важно отметить, что при создании этой структуры М. М. Сперанский взял за образец французскую полицию, добившуюся под руководством знаменательного Фуше значительных результатов в борьбе с преступностью. 25 июня 1811 г. в ее составе в целях обеспечения «внутренней безопасности» был образован специальный орган — Особая канцелярия. В ее функции входило ведение «дел по ведомству иностранцев и заграничным паспортам», «цензурная ревизия» и «дела особенные», под которыми понималось

пресечение любых форм антиправительственной деятельности [14, с. 113—115].

Практически в этот же период в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. была создана Высшая военно-секретная полиция, фактически ставшая органом военной контрразведки и подчинявшаяся Главному штабу его Императорского Величества. В ее задачи входили не только создание агентурных групп на оставляемых территориях, добывание информации о состоянии неприятельских войск, противодействие французскому шпионажу, но и выявление должностных преступлений интендантов и поставщиков товаров для армии [14, с. 116].

С приходом к власти после событий декабрьского восстания 1825 г. Николая I (1825—1861 гг.) в составе все более приобретающей силу Собственной Его Императорского Величества канцелярии, учрежденной еще в 1812 г., 3 июля 1826 г. создается Третье отделение, непосредственно подчиненное царю и нацеленное на борьбу с любыми государственными преступлениями.

Позже в связи с проведенными реформами, отменой крепостного права и последующим значительным ростом общеуголовной преступности и ростом недовольства населения государственной властью, в том числе в силу увеличения числа коррупционных проявлений, 31 декабря 1866 г. приказом № 266 по Санкт-Петербургской полиции был утвержден штат сыскной части — специализированного подразделения по борьбе с уголовной преступностью, получившего позже общепринятое наименование — Сыскная полиция. Возглавил это подразделение И. Д. Путилин.

По примеру сыскной полиции г. Санкт-Петербурга в крупнейших городах Российской империи стали учреждаться органы уголовного розыска: в 1874 г. — сыскное отделение Варшавской полиции, в 1880 г. — сыскная часть Киевской городской полиции, в 1881 г. — Московская сыскная полиция, в 1888 г. — Рижское сыскное отделение, в 1898 г. — временное сыскное отделение при канцелярии Одесского полицейского управления, в 1906 г. — Ростово-Нахичеванская и Бакинская сыскные части. В соответствии с Высочайше утвержденным 6 июля 1908 г. законом «Об организации сыскной части» в 89 городах Российской империи были образованы сыскные отделения, подразделявшиеся по четырем разрядам, которые различались в зависимости от штатной численности чинов отделения, денежного содержания и классов чинов, а также численности городского населения и административного, промышленного или военно-стратегического значения города. Централизованное руководство над сыскными отделениями было возложено на созданное в Департаменте полиции МВД Восьмое делопроизводство [15, с. 13—14].

В целях же борьбы с коррупцией и сращиванием власти с криминалом, коммерциализацией государственной службы с 1904 г. была установлена проверка «благонадежности лиц, назначаемых на государственную службу». Прежде всего, это касалось ведомств Таможенного департамента; Главного управления неокладных сборов; Министерства финансов. Но и эти меры не привели к желаемым результатам. Ситуация осложнилась после поражения России в войне с Японией 1904—1905 гг.

Усугубление качественных характеристик коррупции, все возрастающее недовольство населения, начало Первой мировой войны, повсеместное увеличение числа краж, убийств, разбоев и грабежей и, как следствие, обострение революционной ситуации предопределили необходимость экстренной реорганизации системы оперативных подразделений. Однако попытки наладить системную работу Сыскной полиции во взаимодействии с созданными специализированными органами политического сыска Отдельным Корпусом жандармов как органа силового подавления революционного движения, а также Особого отдела в составе Департамента полиции, специализирующегося на негласном сыске, не смогли остановить ухудшение ситуации в стране.

Запоздалая и мнимая карательная политика государства в борьбе с коррупцией, использование специальных органов исполнительной власти, располагавших негласными силами, средствами и методами деятельности только в целях борьбы с политическими преступлениями, а не взяточничеством и казнокрадством; факты коррупции даже в окружении Государя (роль Г. Распутина и др.) — все это лишь влекло возникновение новых форм коррупционных проявлений, которые развивались и, будучи латентными, не были охвачены уголовным преследованием. Свой вклад в развитие ситуации внесло становление уже профессионального преступного мира. Это, в свою очередь, обусловленное революционными и фронтовыми событиями 1917 г., привело к развалу государственного аппарата, а затем — краху просуществовавшей столетия Великой Российской империи.

Укреплением и защитой новой советской власти после событий 25 октября (7 ноября) 1917 г. одновременно занималось множество организаций и учреждений — Военно-революционные комитеты, следственные комиссии, Всероссийская рабоче-крестьянская милиция и другие, зачастую не имеющие на такую деятельность никаких полномочий. Это, несмотря на меры, принимаемые в сфере борьбы с общеуголовной преступностью, снижало результативность борьбы с саботажем и спекуляцией, приводило к злоупотреблениям и подрывало доверие населения к власти.

Уже 6 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК) заслушал сообщение Военно-революционного комитета о готовящейся забастовке именно государственных служащих. В связи с этим 7 декабря (21 декабря) 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Ф. Э. Дзержинским.

11 декабря 1917 г. ВЧК приняла на себя также функции борьбы со спекуляцией. А после объявления 14 декабря 1917 г. Советской властью банковского дела монополией в январе в ее структуре был образован специальный отдел по борьбе с преступлениями банковских чиновников. В его составе был образован подраздел, в обязанность которого входило предупреждение и раскрытие взяточничества. 31 января 1918 г. Совнарком вынес постановление, согласно которому в ВЧК концентрировалась вся оперативная работа по розыску, пресечению и предупреждению преступлений [16, с. 196—214].

Как результат, уже 2 мая 1918 г. ВЧК Председателю СНК В. И. Ленину было доложено, что Московским революционным трибуналом был вынесен приговор — шесть месяцев тюремного заключения — четырем сотрудникам следственной комиссии, обвинявшимся во взятках и шантаже. По его настоянию ВЦИК повторно рассмотрел дело и приговорил троих виновных уже к десяти годам лишения свободы. На повестку заседания ЦК РКП(б) был включен вопрос об исключении из партии судей, вынесших мягкие приговоры по делу о взяточниках.

По мере становления молодого Советского государства основными субъектами борьбы с наиболее опасными формами преступности и антигосударственными организациями с использованием негласных методов оперативной работы в пределах своей компетенции являлась ВЧК, впоследствии преобразованная 6 февраля 1922 г. в Главное политическое управление, а позже, 2 ноября 1923 г., трансформировавшаяся в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

Необходимо при этом отметить, что в соответствии с постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 15 декабря 1930 г. ОГПУ также осуществляло «твердое, единое для всего Союза ССР руководство деятельностью милиции и уголовного розыска» [14, с. 307].

10 июля 1934 г. произошла очередная реорганизация системы оперативных служб. Все они были объединены в единое ведомство — Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД). В него вошли: Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) как основные субъекты оперативно-розыскной деятельности того периода, а также Главное управ-

ление лагерей (ГУЛАГ) и Главное управление пожарной охраны (ГУПО) [14, с. 312—332].

Указанными субъектами широко использовался агентурный метод в процессе выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия как политических, так и уголовных и экономических преступлений [16, с. 196—214; 17]. Как следствие, в годы НЭПа, а также последующего периода политических репрессий 30-х гг. XX в. общеуголовная преступность и коррупция были взяты под жесткий контроль.

Последующие изменения системы оперативных служб были обусловлены началом Великой Отечественной войны.

Так, в ее преддверии специальным постановлением Политбюро ЦК ВПК(б) от 3 февраля 1941 г. из НКВД СССР был выделено отдельное ведомство — Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР), однако уже 20 июля 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР вновь были объединены в единый наркомат — НКВД СССР. Последующее вновь выделение 14 апреля 1943 г. из состава НКВД СССР НКГБ СССР и создание 19 апреля 1943 г. Главного управления контрразведки «СМЕРШ» были вызваны требованием обеспечения защиты войск от деятельности вражеской разведки в период боевых действий на фронтах и в тылу.

Незначительное увеличение фактов взяточничества и совершения общеуголовных преступлений в период 1941—1945 гг. было обусловлено жизненно определенными потребностями, диктуемыми реалиями того времени: всеобщей военной мобилизацией, масштабной эвакуацией, недостаточностью продовольственного снабжения. Вместе с тем функционирование всех оперативных подразделений по сути в едином ведомстве — НКВД СССР — позволило не только победить в Великой Отечественной войне, но и достаточно быстро принять меры к восстановлению разрушенной страны.

В марте 1946 г. в связи с преобразованием наркоматов в министерства НКГБ СССР стал Министерством государственной безопасности СССР (МГБ СССР), а НКВД СССР — Министерством внутренних дел СССР (МВД СССР). Практически сразу же после смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 г. эти два основных субъекта оперативно-розыскной деятельности вновь были объединены в единое ведомство МВД СССР во главе с Л. П. Берией. Структура этого ведомства была установлена соответствующим закрытым приказом МВД СССР от 14 марта 1953 г. [14, с. 369].

Последующие политические события в стране, связанные со сменой первых лиц государства, вновь привели к преобразованиям, в результате чего МВД СССР было вновь разделено на два основных ведомства, наделенных правом осуществления негласной оперативной работы: Комитет

государственной безопасности при Совете Министров СССР (КГБ СССР), а также Министерство охраны общественного порядка СССР, в последующем вновь получивших наименование МВД СССР. Это стало одной из причин последующего формирования двух различных нормативно-правовых ведомственных платформ, предназначенных регулировать единую, по сути, оперативно-разыскную деятельность, преследующих общую цель — обеспечение национальной безопасности страны.

Несоблюдение требований сочетания карательной, правовосстановительной и профилактической политики в борьбе с коррупцией и окончательно сформировавшейся к 1980-м гг. теневой экономикой и, как следствие, организованной преступностью, деятельность зарубежных разведок стран НАТО, соперничество, а порой и противоборство основных оперативных служб советской страны в ущерб интересам национальной безопасности в итоге привели к экономическому, политическому и социальному кризису. Результатом этого кризиса стал

развал СССР, который predetermined уже перед новой страной — Российской Федерацией необходимость решения задачи обеспечения ее национальной безопасности самостоятельно.

Таким образом, пренебрежение и игнорирование государством роли оперативно-разыскной политики в обеспечении национальной безопасности, равно как и чрезмерное применение негласных сил, средств и методов этой деятельности в ущерб правам и интересам личности и общества, в результате влечет крах любой империи, о чем наглядно свидетельствует многовековая история России.

В конечном итоге это приводит к незащищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, снижению качества и уровня жизни, ослаблению суверенитета и независимости, утрате государственной и территориальной целостности, неустойчивому социально-экономическому развитию России, т. е. угрожает национальной безопасности Российской Федерации.

1. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие для СПО. М.: Юрайт, 2019.

2. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000.

3. Синилов Г. К. История оперативно-розыскной деятельности: от древности до современности: монография: в 2 ч. Ч. 1. М.: Моск. ун-т МВД России, 2010.

4. Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб., 2004.

5. Симония Н. А. Особенности национальной коррупции // Свободная мысль — XXI. 2001. № 7.

6. Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 27.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 1 (т. I—III). Ростов н/Д: Феникс, 1995.

8. Дубонос Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / под ред. Г. К. Синилова. М., 2002.

9. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001.

10. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI—XX веков: диалектика системного подхода. М., 2003. С. 6—7.

11. Елинский В. И. Методология теории оперативно-розыскной деятельности (по материалам органов внутренних дел): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

12. Полное собрание законодательства Российской Империи. Собр. I. Т. V. № 2726, 2871, 2915.

1. Markushin A. G. Operational and investigative activity of the internal affairs bodies. Study guide for secondary vocational education. Moscow: Yurayt; 2019. (in Russian).

2. Kerimov D. A. Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law. Moscow; 2000. (in Russian).

3. Sinilov G. K. The history of operational and investigative activity: from antiquity to the present. Monograph. In two parts. Part 1. Moscow: Moscow University of the MIA of Russia; 2010. (in Russian).

4. Kirpichnikov A. I. The Russian corruption. Saint Petersburg; 2004. (in Russian).

5. Simonia N. A. The features of national corruption. Free thought — XXI. 2001; 7. (in Russian).

6. Great Soviet Encyclopedia. Moscow; 1977. Vol. 27. (in Russian).

7. Karamzin N. M. History of the Russian state: in 4 books. Book 1 (vol. I—III). Rostov-on-Don: Phoenix; 1995. (in Russian).

8. Dubonosov E. S. Fundamentals of operational and investigative activity: a course of lectures. Ed. by G. K. Sinilov. Moscow; 2002. (in Russian).

9. Operational and investigative activity. Textbook. Ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, A. Yu. Shumilov. Moscow; 2001. (in Russian).

10. Astanin V. V. The fight against corruption in Russia in the 16th—20th centuries: dialectics of the system approach. Moscow; 2003: 6—7. (in Russian).

11. Elinsky V. I. Methodology of the theory of operational and search activity (based on materials of internal affairs bodies). Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 1999. (in Russian).

12. Complete collection of laws of the Russian Empire. Book. I. Vol. V. No. 2726, 2871, 2915. (in Russian).

13. Самойлов В. Восстановление тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. 1948. № 6.

14. Воронцов С. А. Спецслужбы России: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2006.

15. Рассказов В. Л. Органы сыскной полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 107 (03).

16. Энциклопедия секретных служб России / авт.-сост. А. И. Колпакиди. М., 2004.

17. Необходимое руководство для Агентов Чрезвычайных Комиссий. М., 2001.

© Катков С. В., 2021

13. Samoilov V. Restoring a secret expedition under the Senate. Questions of history. 1948; 6. (in Russian).

14. Vorontsov S. A. Special services of Russia. Textbook. Rostov-on-Don: Phoenix; 2006. (in Russian).

15. Rasskazov V. L. Bodies of the detective police of the Russian Empire in the works of domestic researchers. Scientific journal of KubSAU. 2015; 03 (107). (in Russian).

16. Encyclopedia of the secret services of Russia. Author-comp. A. I. Kolpakidi. Moscow; 2004. (in Russian).

17. Necessary guidance for the Agents of Emergency Commissions. Moscow; 2001. (in Russian).

© Katkov S. V., 2021

Катков Сергей Владимирович,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

Katkov Sergey Vladimirovich,

associate professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

* * *

*Н. И. Костюченко***АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ,
В ТОМ ЧИСЛЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

В статье автор исследует проблемы теории и практики управления в органах внутренних дел, которые обусловлены недостаточной эффективностью аналитической деятельности. На основе детального исследования существующей практики аналитической деятельности и теоретических исследований этого феномена определен ряд проблем, влияющих на уровень оперативно-служебной управленческой деятельности органов внутренних дел. В их числе: дублирование аналитической деятельности, недостаточный уровень аналитических документов, отсутствие должностей аналитиков «на земле» и подготовки специалистов-аналитиков. На этой основе был сделан вывод, что причиной возникновения этих проблем является отсутствие диалектического, системного, структурного и функционального подходов при исследовании феноменов «анализ», «аналитическая деятельность», «аналитическое обеспечение» и «система аналитического обеспечения» и практического их использования в повседневной деятельности органов внутренних дел. Как следствие, эти явления не рассматриваются как объективно существующие системные феномены. В то же время «аналитическое обеспечение» определяется только как вид деятельности и не рассматривается как структурный элемент «системы органов внутренних дел», который в соответствии с законами теории систем и управления должен образовывать совокупность подразделений и должностей, призванных осуществлять аналитическое обеспечение органов внутренних дел. Иными словами, образовывать подсистему аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Одновременно была обоснована взаимосвязь и взаимообусловленность всех феноменов, связанных с аналитической деятельностью.

Ключевые слова: система ОВД, система аналитического обеспечения, аналитическая деятельность, анализ, социальная система, структура систем, структурный элемент, аналитическая функция.

*N. I. Kostyuchenko***ANALYTICAL SUPPORT AS A STRUCTURAL ELEMENT
OF SOCIAL SYSTEMS, INCLUDING THE SYSTEM
OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES**

In this article, the author examines the problems of theory and practice of management in the internal affairs bodies, caused by the lack of effectiveness of analytical activity. On the basis of a detailed study of the existing practice of analytical activity as well as theoretical studies of this phenomenon, a number of problems that affect the level of operational management activities of the Internal Affairs Directorate have been identified. Among them: duplication of analytical activities, insufficient level of analytical documents, lack of positions of "ground" analysts and training of analyst specialists. On this basis, it was concluded that the cause of these problems are the absence of dialectical, systemic, structural and functional approaches in the study of such phenomena as "analysis", "analytical activity", "analytical support" and "analytical support system" as well as the lack of practical use in everyday activities of the Internal Affairs Directorate. As a consequence, these concepts are not considered as the real-world system phenomena. At the same time, "analytical support" is defined only as a type of activity and is not considered as a structural element of the "system of internal affairs bodies", which, in accordance with the laws of the system and management theory, should form a set of units and positions designed to carry out analytical support of internal affairs bodies or, in other words, a subsystem of analytical support for the activities of internal affairs bodies. At the same time, the interrelation and interdependence of all phenomena associated with analytical activity was substantiated.

Key words: system of internal affairs agencies, analytical support system, analytical activity, analysis, social system, structure of systems, structural element, analytical function.

В настоящее время в теории и практике управления социальными системами, в том числе и в управлении системой органов внутренних дел (ОВД) существует целый комплекс проблем, связанных с отсутствием в теории и практике управления диалектического, системного, структурного, конкретно-исторического и функционального подходов [1; 2; 3].

Отсутствие этих подходов при формировании понятийного аппарата теории и практики управления социальными системами приводит к возникновению неопределенности и неоднозначности формируемой терминологии. Это, в свою очередь, приводит к появлению многочисленных проблем в управленческой деятельности в связи с неоднозначностью восприятия понятийного аппарата, формировавшегося в условиях отсутствия упомянутых подходов.

Сказанное имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме аналитического обеспечения органов внутренних дел, поскольку неопределенность определения понятий, связанных с этим феноменом, сформировалась в результате того, что упомянутые научные подходы не использовались учеными и субъектами управления при исследовании этого явления.

По этой причине изучение проблем управления ОВД, связанных с явлением «аналитическое обеспечение», целесообразно начать с рассмотрения неоднозначности существующей терминологии в рамках феномена «аналитическое обеспечение».

Прежде всего необходимо отметить, что неопределенность любого понятийного аппарата, в том числе и в сфере социального и государственного управления, носит объективный характер в силу неоднозначности, семантики значений применяемых терминов — как словарных единиц русского языка, которые изучаются семасиологией. [4, с. 632].

Например, термин «управление» имеет множественность значений даже при употреблении его в науке. Так, при рассмотрении сущности этого явления «один придирчивый аспирант насчитал около трехсот высоконаучных определений управления. Все они приведены в серьезных книгах, и все совершенно разные» [5, с. 17]. Аналогичная многозначность свойственна определению практически любого элемента социальных систем и их видов (государственных, негосударственных и межгосударственных), в том числе и структурного элемента «аналитическое обеспечение».

На проблему отсутствия единой и однозначной терминологии в сфере теории систем, теории социального и государственного управления обращали внимание: И. С. Болотин [6]; В. Н. Иванов и В. И. Патрушев [7]; В. В. Щербина [8] и многие другие авторы, которые в свои работы включали

словари использованных терминов. Ряд ученых предлагали создать толковые словари для сферы социального управления (например, Е. И. Рабинович и А. В. Тихонов в работе «Отечественная социология управления: теоретико-методологическое обоснование разработки толкового словаря»). Однако в силу отсутствия вышеуказанных научных подходов проблема неоднозначности терминологии в сфере социального и государственного управления так и не нашла полноценного разрешения.

Это обусловлено тем, что неоднозначность понятийного аппарата имеет более глубокие исторические и теоретические корни. Основные причины проблем науки и практики управления связаны с нарушением методологии исследования социальных образований как видов социальных систем. В этой ситуации неоднозначность терминологии это только «вершина айсберга» проблем, которые существуют в сфере функционирования социальных систем и их подсистем управления.

Существующая терминология не была всесторонне обоснована наукой. Это привело к тому, что социальные образования (государства, министерства, ведомства, организации) не рассматривались как виды социальных систем. Как следствие — вне поля зрения ученых оставался и системный характер элементов, входящих в их состав. Сказанное в полной мере относится и к феномену «аналитическое обеспечение», который также является неотъемлемым элементом социальных систем.

Таким образом, возникновение неоднозначной и необоснованной наукой терминологии относительно социальных систем и их элементов изначально создало предпосылки для возникновения множества проблем в теории и практике управленческой деятельности и привело к нарушению объективно существующих законов функционирования социальных систем и их подсистем управления.

Неопределенность терминологии социального и государственного управления свойственна и понятийному аппарату, существующему в сфере управления ОВД. В полной мере это относится и к определению понятий феноменов: «анализ», «аналитическая деятельность», «функция анализа», «информационная функция», «информационно-аналитическая деятельность», «аналитическое обеспечение», «информационное обеспечение», «информационно-аналитическое обеспечение», «системы информационного и аналитического обеспечения ОВД и их структур».

К сожалению, научное обоснование этих терминов, как определений, объективно существующих социальных феноменов (элементов социальных систем) в настоящее время отсутствует. Основная причина этой методологической проблемы, как уже отмечалось выше, — отсутствие их рассмотрения учеными и субъектами управления социаль-

ных образований как видов социальных систем. Как следствие — у субъектов управления и ученых не возникал вопрос относительно определения их как элементов систем и подсистемных образований. Вне поля зрения ученых и субъектов управления остались внутрисистемные и межсистемные взаимосвязи этих феноменов.

Например, на основе исторически сформировавшегося определения информационно-аналитической деятельности ОВД аналитическая деятельность рассматривается только как «составная» часть информационной деятельности. Вопрос об обособлении этих видов деятельности (информационной и аналитической) при этом не поднимался, хотя принцип функционального обособления видов деятельности в социальных системах предполагает такую необходимость.

Рассматривая соотношение и определения понятий этих феноменов с точки зрения теории систем, можно видеть, что это не виды деятельности, а общие функции ОВД. Виды деятельности являются только результатом реализации этих функций [2]. Это предполагает рассматривать проблему информационного и аналитического обеспечения не с точки зрения взаимосвязи информационной и аналитической деятельности, а с точки зрения функциональной взаимосвязи элементов системы ОВД (общих функций системы — информационной и аналитической).

Должны учитываться и закономерности управления, связанные с первым этапом реализации функций социальной системы. На этом этапе происходит обособление реализации соответствующих функций и создание на их основе структурных элементов (департаментов, управлений, отделов, должностей), которые в процессе управления должны обеспечить реализацию этих функций при функционировании и эволюции социальных систем [2].

Подводя промежуточный итог рассмотрения аналитического обеспечения как структурного элемента системы, можно сделать некоторые выводы. Существующая неоднозначность терминологии в теории управления объективна по своей природе. Органы внутренних дел, хотя и определяются термином «система», как системное явление не рассматриваются. Информационная и аналитическая функции рассматриваются только как виды деятельности ОВД, которые не обособляются в процессе их функционирования. Аналитическая деятельность и анализ рассматриваются только как составные части информационно-аналитической деятельности, которые предназначены для аналитической обработки поступающей информации.

Эти тезисы можно подтвердить существующими определениями аналитической деятельности. Например, Э. П. Масленников полагал, что «аналитическая работа в органах внутренних дел —

это постоянная исследовательская деятельность, охватывающая своим содержанием широкий комплекс организационных мероприятий и методических приемов для изучения и оценки информации о состоянии преступности и общественного порядка, результатах практической деятельности органов внутренних дел по выполнению стоящих перед ним задач» [9, с. 13]. Как видно, автор рассматривает аналитическую работу только как исследовательскую деятельность (изучение и оценку информации), а не как результат реализации функций системы. Тем самым он исключает возможность функционального обособления информационной и аналитической работы в сфере управления. Этот аспект системного подхода остался вне поля зрения Э. П. Масленникова, равно как и объективность существования ОВД как вида социальной системы и ее элементов — общих функций управления (информационной и аналитической).

Результатом таких подходов стало возникновение проблем управления, о которых писали многие авторы. Например, Ф. Ф. Анюров, И. Ю. Захватов, А. М. Кононов, М. А. Никитин и др., обращаясь к проблемам информационно-аналитической деятельности в ОВД, констатировали: «этому участку работы уделяется недостаточное внимание: не всегда обеспечиваются *своевременный сбор и анализ информации* о процессах и явлениях, влияющих на состояние, уровень и динамику преступности, выработка на этой основе управленческих решений» [10, с. 72].

Более детально эту проблему рассматривали А. А. Крылов, Ю. А. Болт, А. А. Вишневский и А. Г. Сачек. Говоря о неудовлетворительном состоянии аналитической работы, они отмечали, что: «Проблема современного состояния информационно-аналитической работы в ОВД — это отсутствие аналитических сотрудников в территориальных подразделениях или, как принято говорить, „на земле“. Здесь информационно-аналитическое обеспечение работы оперативного сотрудника это его собственная проблема» [11, с. 16].

«Проблема сотрудника на земле» усугубляется и тем, что он совмещает аналитическую деятельность со своей основной деятельностью и при этом «оперативный сотрудник часто просто „утопает“ в информации. Обилие „информационного мусора“, незнание адресов и ключей доступа, полезных для оперативно-разыскной деятельности информационных ресурсов, неумение пользоваться специальным инструментарием для поиска и обработки информационных ресурсов — все это сильно снижает криминологическое значение информационно-аналитической работы в ОВД» [12, с. 66—67].

На основе всего сказанного можно сделать вывод, что отсутствие должностей аналитиков «на земле» является следствием определения

аналитического обеспечения как вида деятельности, а не как объективно существующей функции анализа системы ОВД. В результате *отсутствие* функции анализа, которая является основой формирования структурного элемента системы ОВД — подсистемы аналитического обеспечения, приводит к «проблеме аналитиков на земле». Кроме того, функциональное совмещение в должности сотрудника трех видов деятельности — информационной, аналитической и основной (оперативного работника, участкового, следователя) приводит к проблемам снижения эффективности работы сотрудников, которые отмечают практически все авторы.

Отсутствие должностей аналитиков приводит к другой проблеме: «Фактически сегодня в России не осуществляется подготовка профессиональных аналитиков» [11, с. 12]. В отсутствии функционально обособленных должностей, призванных реализовывать аналитическую функцию системы ОВД, подготовка соответствующих специалистов вряд ли имела смысл.

В тоже время, рассматривая ОВД как вид социальной системы государства, мы должны рассматривать анализ как общую функцию системы ОВД, при этом мы должны руководствоваться законом детерминации элементов систем. Функция анализа в соответствии с законом должна реализовываться *структурным элементом* (подсистемой, подразделением, должностью), причем в любом структурном подразделении ОВД [2]. В МВД и органах внутренних дел подсистемами анализа, в отделах и отделениях должностями аналитиков. В этом случае становится актуальным и вопрос о подготовке специалистов-аналитиков.

Рассматривая проблемы управления, связанные со структурным элементом социальных систем — системой анализа, необходимо отметить, что даже в случае рассмотрения этого объективно существующего феномена как вида аналитической работы все авторы отмечали, что эта деятельность имеет существенное значение для эффективного функционирования органов внутренних дел.

Например, В. С. Четвериков и В. В. Четвериков полагали: «В ходе аналитической работы в органах внутренних дел изучаются массовые статистические явления, которым свойственны определенные закономерности. Познание этих закономерностей обеспечивает аналитическая работа» [13, с. 58]. Э. П. Масленников констатировал: «*Аналитическая работа в органах внутренних дел — это постоянная исследовательская деятельность, охватывающая своим содержанием широкий комплекс организационных мероприятий и методических приемов... обеспечивающая целенаправленное управление и оценку эффективности управляющих воздействий*» [9, с. 13].

На основании изложенного можно говорить, что в настоящее время в теории и практике управления существует противоречие, связанное с феноменом «аналитическое обеспечение» ОВД. С одной стороны, авторы отмечают роль аналитического обеспечения в процессах управления органами внутренних дел и его значение для их эффективного функционирования. С другой — констатируют наличие комплекса проблем, которые остаются неразрешенными на протяжении длительного времени. Причина возникновения этого противоречия связана с нарушением законов управления: Аналитическое обеспечение рассматривается только как вид деятельности, а не как структурный элемент системы ОВД.

Для устранения этого противоречия и неоднозначности понятийного аппарата необходимо рассматривать аналитическое обеспечение с точки зрения диалектического, системного, структурного и функционального подходов, при этом исходить из того, что органы внутренних дел — это объективно существующий вид социальной системы, обладающей набором объективно существующих элементов, свойственных любой социальной системе: цели, задачи, функции и структура. В составе функций любой системы есть общие функции, к числу которых ученые относят аналитическую и информационную [1; 2]. Вид деятельности в социальной системе это только результат реализации ее функций. Таким образом, основополагающим понятием в числе интересующих нас терминов должна быть общая функция анализа.

Общие функции свойственны любой социальной системе. В связи с этим функция анализа существует в составе системы ОВД и в каждом ее подсистемном (структурном) образовании (службе, отделе, отделении, должности). Кроме того, функция анализа, как и любая другая функция социальной системы, является основой создания структурных элементов системы (департамента, управления, отдела, отделения, должности).

Эта взаимосвязь и взаимозависимость функций и структуры обусловлена законом детерминации элементов социальных систем (цель — задача — функция — структура). В настоящее время этот закон нарушается субъектами управления по двум причинам. Во-первых, органы внутренних дел не рассматриваются как социальная система. Во-вторых, анализ и аналитическое обеспечение рассматриваются ими только как виды деятельности ОВД, а не как функции этой системы. По этой причине структурные подразделения создаются без учета функций систем как основополагающего элемента, определяющего необходимость создания обособленного структурного элемента (департамента, отдела, должности).

При использовании системного и функционального подходов ситуация изменяется. В этом

случае обособление процесса реализации функций субъектом управления производится в соответствии с детерминацией элементов системы. Субъект управления при этом должен определить необходимость и целесообразность обособления процесса реализации той или иной функции, которая послужит основой для формирования структуры системы. На основе этой функции субъект управления должен определить структурный элемент, который должен обеспечить процесс реализации этой функции.

В нашем случае такими структурными элементами могут быть система аналитического обеспечения, аналитические отделы, должности аналитиков. Эти структурные элементы в рамках социальной системы (системы ОВД) будут обеспечивать реализацию аналитической функции, на основе которой они создавались.

Функция анализа свойственна любому структурному подразделению. В связи с этим в соответствии с детерминацией элементов системы структурные элементы, призванные реализовывать функцию анализа, должны существовать в любом структурном подразделении. Их количество и статус будут определяться субъектами управления с учетом предполагаемых объемов работы.

В результате в системе ОВД появится совокупность *структурных элементов* — аналитических

подразделений (должностей), которая будет представлять собой систему аналитического обеспечения ОВД. Их деятельность будет результатом реализации общей функции системы ОВД — функции анализа, которая будет реализовываться на основании всей информации, которая будет являться продуктом реализации информационной функции системы ОВД.

Таким образом, на основе рассмотрения феномена «аналитическое обеспечение ОВД» можно утверждать, что проблемы аналитического обеспечения обусловлены отсутствием диалектического, системного, структурного, функционального подходов. Следствием их отсутствия является и неоднозначность понятийного аппарата в сфере управления социальными системами.

Для разрешения этих проблем необходимо рассматривать ОВД и их подсистемные образования как виды социальных систем (системы ОВД, аналитического и информационного обеспечения). Анализ — как общую функцию этих систем и метод исследования информации. Системы аналитического и информационного обеспечения — как структурные элементы социальной системы ОВД, функционирование которых в большинстве случаев должно обособляться в соответствии с законом детерминации элементов социальных систем.

1. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: монография. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2016. 352 с.

2. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере ОВД): монография. Симферополь: Крымский филиал Краснодар. ун-та МВД России, 2018. 284 с.

3. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2018. 158 с.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1983. 797 с.

5. Осовская Г. В., Осовский О. А. Основы менеджмента: учебник. Вид. 3-е, перераб. и доп. К.: Кондор, 2006. 664 с.

6. Словарь терминов по управлению персоналом / под ред. И. С. Болотина. М.: МАТИ, 2009. 160 с.

7. Теория управления: социально-технологический подход: энцикл. словарь / под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева. 3-е изд. М.: Муниципальный мир, 2004. 672 с.

8. Щербина В. В. Социальные теории организации: словарь. М.: Инфра-М, 2000. 264 с.

1. Kostyuchenko N. I. Classification of social system functions: theoretical and legal foundations. Monograph. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 352. (in Russian).

2. Kostyuchenko N. I. Function system of social systems (exemplified by internal affairs bodies). Monograph. Simferopol: Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 284. (in Russian).

3. Kostyuchenko N. I. Problems of theory and practice of social system management. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 158. (in Russian).

4. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Ed. by N. Yu. Shvedova. 14th ed., ster. Moscow: Rus. Yaz.; 1983: 797. (in Russian).

5. Osovskaya G. V., Osovsky O. A. Fundamentals of management. Textbook. 3rd ed., rev. and add. Kiev: Condor; 2006: 664. (in Ukrainian).

6. Glossary of terms for personnel management. Ed. by I. S. Bolotin. Moscow: MATI; 2009: 160. (in Russian).

7. Management theory: socio-technological approach. Encyclop. dictionary. 3rd ed. Ed. by V. N. Ivanov, V. I. Patrushev. Moscow: Municipal world; 2004: 672. (in Russian).

9. Масленников Э. П. Организационно-правовые основы и методика аналитической работы в органах внутренних дел. М., 1979.

10. Организация управления органами внутренних дел: учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Кононова и канд. юрид. наук, доц. И. Ю. Захватава. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ДГСК МВД России, 2017. 334 с.

11. Крылов А. А., Болт Ю. А., Вишневский А. А., Сачек А. Г. Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями. М.: ВНИИ МВД России, 2017. 54 с.

12. Крылов А. А., Васильев Э. А. Мониторинг экономической безопасности в системе выявления и предупреждения экономической преступности // Научный портал МВД России. 2014. № 2. С. 66—70.

13. Четвериков В. С., Четвериков В. В. Основы управления в органах внутренних дел: учеб. пособие. М.: Новый Юрист, 1997. 128 с.

© Костюченко Н. И., 2021

8. Shcherbina V. V. Social theories of organization. Dictionary. Moscow: Infra-M; 2000: 264. (in Russian).

9. Maslennikov E. P. Organizational and legal foundations and methods of analytical work in the internal affairs bodies. Moscow; 1979. (in Russian).

10. Organizational management of internal affairs bodies. Textbook. General editorship by A. M. Kononov and I. Yu. Zakhvatov. 2th ed., rev. and add. Moscow: Civil Service and Personnel Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017: 334. (in Russian).

11. Krylov A. A., Bolt Yu. A., Vishnevsky A. A., Sachek A. G. Information and analytical support for countering the criminalization of various types of economic activity: an analytical review with proposals. Moscow: VNII MIA of Russia; 2017: 54. (in Russian).

12. Krylov A. A., Vasiliev E. A. Monitoring of economic security in the system of detecting and preventing economic crime. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014; 2: 66—70. (in Russian).

13. Chetverikov V. S., Chetverikov V. V. Fundamentals of Management in Internal Affairs Bodies. Textbook. Moscow: New Lawyer; 1997: 128.

© Kostyuchenko N. I., 2021

Костюченко Николай Иванович,
профессор кафедры
административного права
и административной деятельности
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

Kostyuchenko Nikolai Ivanovich,
professor at the department
of administrative law
and administrative activity
of the Crimean branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

* * *

Н. В. Сидорова**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ГАРАНТИРОВАННОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ
КАЗАХСТАНСКОГО ГРАЖДАНСТВА**

Целью настоящей статьи является исследование конституционных принципов гражданства и правовых инструментов их гарантирования согласно действующему праву Республики Казахстан. Основной акцент сделан на сравнительном анализе конституционных норм и норм иных правовых актов, отражающих воплощение основополагающего права человека — права на гражданство, а также их сопоставление с общепризнанными международными стандартами прав и свобод человека. Несмотря на то что система исследуемых принципов характеризуется стабильностью, изменения политической и общественной жизни страны обнажают проблемы гарантированности данных принципов. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что конституционные принципы казахстанского гражданства сформировались в процессе имплементации международных договоров, ратифицированных республикой. Однако система правовых гарантий отдельных конституционных принципов требует новации и устранения пробелов, что наиболее остро проявляется в современных условиях. Методологическую основу настоящей работы составляет системный подход к изучению отечественного законодательства о гражданстве, правовых актов иностранных государств и международных актов, их сравнительно-правовой анализ, а также общенаучные методы познания. Проведенное исследование позволило автору сформулировать выводы и предложения, направленные на совершенствование правовых основ гарантированности конституционных принципов казахстанского гражданства, устранение имеющихся пробелов в законодательстве, сформулировать авторский вариант предлагаемых поправок.

Ключевые слова: гражданство, принципы гражданства, гарантированность гражданства, право на гражданство, утрата гражданства, лишение гражданства, конституция, международные стандарты, правовые акты, ограничения прав и свобод человека.

N. V. Sidorova**LEGAL BASIS OF GUARANTEE OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES
OF KAZAKHSTAN CITIZENSHIP**

The purpose of this article is to study the constitutional principles of citizenship and legal instruments to guarantee them in accordance with the current law of the Republic of Kazakhstan. The main focus is on the comparative analysis of constitutional norms and norms of other legal acts that reflect the implementation of the fundamental human right—the right to citizenship, as well as their comparison with generally recognized international standards of human rights and freedoms. Despite the fact that the system of the studied principles is characterized by stability, changes in the political and social life of the country reveal the problems of guaranteeing these principles. The conducted research allowed us to conclude that the constitutional principles of Kazakhstan citizenship were formed in the process of implementation of international treaties ratified by our state. However, the system of legal guarantees of certain constitutional principles requires innovation and elimination of gaps, which is most acute in modern conditions. The methodological basis of this work is a systematic approach to the study of domestic legislation on citizenship, legal acts of foreign States and international acts, as well as General scientific methods of knowledge. The conducted research allowed the author to formulate conclusions and proposals aimed at improving the legal basis for guaranteeing the constitutional principles of Kazakhstan citizenship, eliminating existing gaps in the current legislation, and formulate the author's version of the proposed amendments.

Key words: citizenship, principles of citizenship, guarantee of citizenship, right to citizenship, loss of citizenship, deprivation of citizenship, Constitution, international standards, legal acts, restrictions on human rights and freedoms.

Одно из основополагающих прав человека — это право на гражданство, признаваемое международным сообществом и закрепленное в международных актах о правах и свободах человека. Ратификация международных пактов 1966 г., а также важнейших конвенций в данной сфере налагает на Республику Казахстан обязательства по неукоснительному обеспечению их имплементации и приведению национального законодательства в соответствие с данными стандартами.

В Конституции Республики Казахстан (далее — Конституция) нет нормы, напрямую закрепляющей «право на гражданство». Однако в Законе Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» в ст. 1 говорится, что «каждый человек имеет право на гражданство» [1], аналогичная норма содержится в Законе Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан», согласно которой ребенок имеет право на гражданство с момента рождения [2]. В то же время конституционные принципы гражданства, закрепленные в Основном Законе страны и других правовых актах, гарантируют право человека на гражданство Республики Казахстан.

Провозглашение государственной независимости 16 декабря 1991 г. явилось базовой точкой опоры для развития отечественной модели государственно-правового института — гражданства. Конституционно-правовая основа гражданства — это нормы Конституции, а также Закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 г. (далее — Закон о гражданстве РК). Система принципов гражданства, закрепленных в отечественном законодательстве, представлена их большим количеством, превалирующее число которых имплементировано из международных актов, ратифицированных Казахстаном. Однако в настоящей статье не исследована вся система конституционных принципов гражданства, а лишь те, гарантированность которых сегодня имеет неоднозначный характер.

Важнейший конституционный принцип казахстанского гражданства — «гражданство Республики Казахстан является равным, независимо от оснований его приобретения» [3]. Безусловно, все нормы Конституции и отечественного законодательства пронизаны данным принципом. Однако в самой Конституции закрепляется ограничение этого принципа. Так, в соответствии со ст. 41 Конституции Президентом Республики Казахстан «может быть избран гражданин Республики Казахстан по рождению» [3]. Возникает резонный вопрос: нет ли противоречия в Основном Законе страны?

Отметим, что аналогичные требования к кандидату на пост Президента установлены и в других странах, например в США (ст. 11 Конституции США) [4, с. 292]. Конституция Российской Федерации в редакции от 1 июля 2020 г. закрепляет, что Президентом Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, «не имеющий

и не имевший ранее гражданства иностранного государства» [5].

В соответствии со ст. 39 Конституции ограничение прав и свобод человека допускается только законами и лишь в целях, обозначенных данной статьей. Требование ст. 41 Конституции о наличии у кандидата на пост Президента гражданства Республики Казахстан по рождению — это легитимное ограничение права «на равное гражданство, независимо от оснований его приобретения» в целях «защиты конституционного строя» (ст. 39 Конституции).

Тем не менее анализ ст. 41 Конституции и Закона о гражданстве РК все-таки позволяет нам сделать вывод о том, что имеются противоречия в этих правовых актах. В статье 3 рассматриваемого Закона говорится: «Гражданами Республики Казахстан являются лица, которые постоянно проживают в Республике Казахстан на день вступления в силу настоящего Закона», а в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Казахстан „О порядке введения в действие Закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 г., последний вступил в силу 1 марта 1992 г. [6] Таким образом, за лицами, которые родились до 1 марта 1992 г., была признана «принадлежность к гражданству Республики Казахстан» (ст. 3 Закона), т. е. таких лиц мы не можем назвать «гражданами Республики Казахстан по рождению».

Посмотрим на данную норму с другой стороны. В соответствии со ст. 41 Конституции президентом может быть избран гражданин Республики Казахстан по рождению, не моложе сорока лет [3]. Следовательно, граждане, родившиеся в Республике Казахстан после 1 марта 1992 г., достигнут сорока лет после 1 марта 2031 г. Очевиден конституционный пробел, так как граждане Республики Казахстан старше 40 лет в настоящий момент и вплоть до 1 марта 2031 г. — это граждане страны, за которыми законодательно признана «принадлежность к гражданству Республики Казахстан» в соответствии со ст. 3 Закона о гражданстве РК от 20 декабря 1991 г.

В качестве альтернативных вариантов устранения данного пробела предлагаем рассмотреть формулировки двух зарубежных конституций, которые, как нам представляется, обошли проблему соотношения принадлежности к гражданству государства и приобретения гражданства государства по рождению:

— «Ни одно лицо, кроме гражданина по праву рождения, либо гражданина Соединенных Штатов на момент принятия настоящей Конституции, не может быть избрано на должность Президента...» (ст. 11 Конституции США) [4, с. 292];

— «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации, ... не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства» (ст. 81 Конституции РФ) [5].

Таким образом, выводом по данному вопросу является предлагаемая редакция п. 2 ст. 41 Конституции: «Президентом Республики Казахстан может быть избран гражданин Республики Казахстан по рождению, либо гражданин Республики Казахстан на момент принятия настоящей Конституции...».

Другой конституционный принцип гражданства — «гражданин Республики не может быть лишен гражданства» [3]. Нами отмечалось, что ст. 39 Конституции не содержит указания на ст. 10 Конституции, однако ссылка на эту статью была исключена относительно недавно в связи с конституционной реформой 2017 г. Полагаем, что современные глобальные угрозы и вызовы, посягающие на устои национальной безопасности и государственности, явились предпосылкой обозначенных изменений, посредством которых наше государство реагирует на возможные нарушения стабильности конституционного строя и незыблемости прав и свобод человека.

Одной из существенных мер такого реагирования является ограничение принципа на «запрет лишения гражданства». В частности, ст. 10 Конституции в 2017 г. дополнена нормой, согласно которой допускается лишение гражданства Республики Казахстан, но при соблюдении следующих условий:

- только по решению суда;
- только за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан.

В статье 15 Всеобщей декларации прав человека говорится, что «никто не может быть произвольно лишен своего гражданства» [7]. Таким образом, с точки зрения соответствия международным стандартам данная поправка в Основной Закон страны является допустимой, так как лишение гражданства в этом случае не является произвольным, а регламентировано Конституцией и другими законами, а также носит исключительный характер.

Процедура назначения наказания в виде лишения гражданства определена в ст. 40, 50-1, 61 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) [8]. В УК РК дается определение террористических преступлений (пп. 30 ч. 1 ст. 3 УК РК), иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан (пп. 20-1 ч. 1 ст. 3 УК РК). Как вид наказания в Особенной части УК РК лишение гражданства предусмотрено статьями 160, 163, 164, 168—170, 173, 175, 177—182, 184, 255, 257, 261, 269, 270, 393, 405 [8].

Еще один конституционный принцип казахстанского гражданства, гарантированность которого хотелось бы рассмотреть — «гражданин Республики Казахстан не может быть лишен права изме-

нить гражданство» [3]. Данная конституционная норма получила свое развитие в Законе о гражданстве РК, в соответствии с которым гражданину Республики Казахстан предоставляется возможность выйти из казахстанского гражданства при условии отсутствия оснований для отказа в выходе из него. Кроме того, несмотря на то что за гражданином Республики Казахстан не признается гражданство иностранного государства, законодательство лояльно относится к фактам получения гражданами Республики Казахстан иностранного гражданства. В этом случае такие лица утрачивают гражданство Республики Казахстан без применения к ним каких-либо санкций, причем данная процедура является упрощенной (регистрационной). В то же время Закон о гражданстве РК устанавливает, что лицо, состоящее в гражданстве Республики Казахстан и принявшее гражданство иностранного государства, обязано сообщить о данном факте в уполномоченные органы в течение 30 календарных дней, а также сдать паспорт и удостоверение Республики Казахстан (ст. 21). Несоблюдение указанного требования влечет ответственность по законодательству Республики Казахстан.

Анализ указанной статьи показывает, что ответственность в данном случае возникает не за факт получения иностранного гражданства лицом, состоящим в гражданстве Республики Казахстан, а за факт нарушения требований законодательства об утрате гражданства. Такая ответственность устанавливается ст. 496 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях и влечет за собой штраф в размере ста месячных расчетных показателей (291 700 тенге по состоянию на 10 февраля 2021 г.) за использование паспорта или удостоверения личности гражданина Республики Казахстан лицом, утратившим гражданство, а также за несообщение в установленные сроки о факте приобретения иностранного гражданства предусмотрен штраф в размере двухсот месячных расчетных показателей (583 400 тенге по состоянию на 10 февраля 2021 г.) [8].

В связи с объявленной Всемирной организацией здравоохранения пандемией коронавируса COVID-19 Президент Республики Казахстан с 16 марта 2020 г. ввел на всей территории Казахстана чрезвычайное положение [10]. Согласно законодательству режим чрезвычайного положения включает комплекс ограничительных мер, отдельные из которых затронули закрытие государственных границ, а также ограничение права человека на пересечение государственной границы (в том числе и иностранных граждан). Окончание режима чрезвычайного положения 11 мая 2020 г. не отменило ограничительные меры, связанные с пересечением государственной границы, в соответствии с которыми право пересекать государственную гра-

ницу Республики Казахстан предоставлено ограниченному кругу лиц и только в исключительных случаях. Кроме того, приостановлен безвизовый режим с 57 странами до 1 мая 2021 г. Усугубляется ситуация и тем, что приостановлено регулярное транспортное сообщение наземным транспортом с иностранными государствами, а в определенный период и авиасообщение.

В соответствии с законодательством регистрация утраты гражданства Республики Казахстан осуществляется:

- органами внутренних дел Республики Казахстан в отношении лиц, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан;

- загранучреждениями Республики Казахстан в отношении лиц, постоянно проживающих вне пределов Республики Казахстан (т. е. оформивших разрешение на выезд на постоянное место жительства за границу) [1].

В связи с тем что приобретение гражданства иностранного государства часто происходит непосредственно на территории данного государства (так как загранучреждения иностранных государств не выполняют функции приема в гражданство). Например, на сайте посольства Российской Федерации указано: «Прием в российское гражданство иностранных граждан старше 18 лет в консульском отделе Российской Федерации в Республике Казахстан прекращен. По данному вопросу надлежит обращаться в территориальные органы МВД Российской Федерации по месту проживания в России» [11].

Следовательно, на момент оформления иностранного гражданства гражданин Республики Казахстан в большинстве случаев находится вне пределов Республики Казахстан, при этом не всегда предварительно оформляется разрешение на выезд на постоянное место жительства на границу (так как это не требуется по законодательству иностранного государства, в особенности на пространстве ЕАЭС).

В то же время обстоятельства непреодолимой силы, такие как повсеместное закрытие границ и приостановление регулярного транспортного сообщения в связи с пандемией коронавируса COVID-19, не позволяют своевременно обратиться в органы внутренних дел Республики Казахстан по вопросам регистрации гражданства и сдачи паспорта и удостоверения личности.

До 29 мая 2020 г. имелась возможность в подобной ситуации обратиться в загранучреждения, сдать документы, а загранучреждения дипломатической почтой отправляли все материалы в органы внутренних дел Республики Казахстан, где и регистрировалась утрата казахстанского гражданства. Однако 29 мая 2020 г.

были внесены изменения и дополнения в приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 15 сентября 2017 г. № 11-1-2/420 «Об утверждении Правил приема, оформления и рассмотрения загранучреждениями Республики Казахстан заявлений по вопросам гражданства Республики Казахстан, утраты и лишения гражданства Республики Казахстан и определения принадлежности к гражданству Республики Казахстан», в соответствии с которыми загранучреждения не принимают документы от граждан Республики Казахстан, получивших иностранное гражданство, не оформивших разрешение на выезд на постоянное место жительства за границу [12].

В такой ситуации данные лица остались в «заложниках» между требованиями закона о соблюдении 30-дневного календарного срока на оформление утраты гражданства (в том числе сдачи паспорта и удостоверения личности) и невозможностью пересечь границу и как законопослушному гражданину исполнить положения закона, в том числе избежать ответственности по законодательству Республики Казахстан. Полагаем, что могут быть и иные обстоятельства, не позволяющие соблюсти данный срок, например болезнь, задержание, арест и др.

В дополнение отметим, что отечественное административное законодательство не содержит оснований освобождения от административной ответственности в подобной ситуации. Полагаем, что проблема анализа состава административных правонарушений, предусмотренных ст. 496 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, их объективных и субъективных признаков требует самостоятельного исследования. Однако эта проблема выходит за рамки настоящего исследования.

В связи с изложенным считаем, что ст. 21 Закона о гражданстве РК следует дополнить положением следующего содержания: «В случаях, когда данный срок не может быть соблюден по независящим от лица причинам, течение 30-дневного календарного срока приостанавливается до устранения обстоятельств, послуживших препятствием к его соблюдению».

Реализация концепции «открытого государства», перевод большинства государственных услуг и функций государственных органов в цифровой формат, а также формирование «слышащего государства» позволяют сделать предложение о переносе в цифровой формат процедуры регистрации утраты гражданства через портал «Электронное правительство» (egov.kz). После регистрации утраты гражданства Республики Казахстан на портале egov.kz, в случаях, когда гражданин Республики Казахстан, получивший иностранное гражданство,

находится вне пределов территории Республики Казахстан, не оформил разрешение на постоянное место жительства за границей и, по независящим от него причинам, не может лично сдать в органы внутренних дел Казахстана казахстанский паспорт и удостоверение личности, ему должна быть предоставлена возможность отправки документов по почте. Безусловно, данное предложение требует дополнительной проработки и правового закрепления.

Проведенное исследование конституционных принципов казахстанского гражданства и правовых основ их гарантированности по законодательству Республики Казахстан позволили сформулировать следующие выводы:

— закрепленные в Конституции принципы казахстанского гражданства являются важнейшим конституционным императивом гарантирования основного права человека — права на гражданство;

— конституционные принципы казахстанского гражданства обладают стабильностью и императивностью, влияют на развитие отечественного законодательства по вопросам гражданства и соответствуют общепризнанным международным стандартам в области прав и свобод человека;

— ограничение конституционных принципов казахстанского гражданства допускается только на основании закона и только в целях защиты основополагающих ценностей государства и общества, перечисленных в ст. 39 Конституции;

— введение института лишения гражданства Республики Казахстан в 2017 г. не противоречит международным стандартам прав и свобод человека, так как данный институт носит исключительный характер, не является произвольным и предусмотрен Конституцией, уголовным законом Рес-

публики Казахстан и Законом о гражданстве Республики Казахстан;

— имеются отдельные противоречия между нормами Основного закона страны по вопросам реализации конституционного принципа «равного гражданства независимо от оснований его приобретения» и положениями ст. 41 Конституции, содержащей требования к кандидату на должность Президента Республики.

Предложена авторская редакция данной части ст. 41 Конституции: «Президентом Республики Казахстан может быть избран гражданин Республики Казахстан по рождению, либо гражданин Республики Казахстан на момент принятия настоящей Конституции...»;

— требуется критический подход к системе законодательных гарантий конституционного принципа казахстанского гражданства — «никто не может быть лишен права изменить своего гражданства», так как современные условия показали несовершенство отдельных положений законодательства Республики Казахстан по вопросам регистрации утраты казахстанского гражданства.

Автором обосновано предложение ст. 21 Закона о гражданстве РК дополнить положением следующего содержания: «В случаях, когда данный срок не может быть соблюден по независящим от лица причинам, течение 30-дневного календарного срока приостанавливается до устранения обстоятельств, послуживших препятствием к его соблюдению»;

— необходимо рассмотреть возможность создания цифровых инструментов регистрации утраты гражданства Республики Казахстан через портал «Электронное правительство» (egov.kz) и проработать правовые основы их функционирования.

1. О гражданстве Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 г. № 1017-XII (с изм. и доп. по состоянию на 2 января 2021 г.). Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000816 (дата обращения: 10.02.2021).

2. О правах ребенка в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 8 августа 2020 г. № 345-II (с изм. и доп. по состоянию на 7 июля 2020 г.). Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1032460 (дата обращения: 10.02.2021).

3. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. по состоянию на 23 марта 2019 г.). Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 10.02.2021).

4. Конституции 16 стран мира: сб. конституций стран — членов СНГ, Балтии и ряда других

1. Law of the Republic of Kazakhstan No. 1017-XII on 20 December 1991. "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions as of 2 January 2021). Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000816. Accessed: 10 February 2021. (in Russian).

2. Law of the Republic of Kazakhstan No. 345-II on 8 August 2020. "On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions as of 7 July 2020). Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1032460. Accessed: 10 February 2021.

3. Constitution of the Republic of Kazakhstan on 30 August 1995 (with amendments and additions as of 23 March 2019). Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029. Accessed: 10 February 2021.

4. Constitutions of 16 countries of the world: Sat. constitutions of the member states of the CIS, the Baltic states and a number of other states of the world. Comp. Zh. Baishev, K. Shakirov. Almaty: Zheti zhargy; 1995: 576.

государств мира / сост. Ж. Баишев, К. Шакиров. Алматы: Жеті жарғы, 1995. 576 с.

5. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2021).

6. О порядке введения в действие Закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан»: постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 20 декабря 1991 г. Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=1000817 (дата обращения: 10.02.2021).

7. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ из веб-сайта ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.02.2021).

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2020 г.). Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.02.2021).

9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по состоянию на 26 января 2021 г.). Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 10.02.2021).

10. О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 г. № 285. Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32648341 (дата обращения: 10.02.2021).

11. Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан. Консульский отдел. Гражданство. URL: http://www.consular.rfembassy.ru/tm/grazhdanstvo_rf/?cid=0&rid=157 (дата обращения: 10.02.2021).

12. Об утверждении Правил приема, оформления и рассмотрения загранучреждениями Республики Казахстан заявлений по вопросам гражданства Республики Казахстан, утраты и лишения гражданства Республики Казахстан и определения принадлежности к гражданству Республики Казахстан: приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 15 сентября 2017 г. № 11-1-2/420. Доступ из справочной системы «ИС Параграф». URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=32219596 (дата обращения: 10.02.2021).

5. Constitution of the Russian Federation on 12 December 1993 (with amendments and additions as of 1 July 2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. Accessed: 10 February 2021.

6. By the Resolution of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on 20 December 1991. "On the procedure for enactment of the Law of the Republic of Kazakhstan "On citizenship of the Republic of Kazakhstan". Available from: the IS Paragraph reference system. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=1000817. Accessed: 10 February 2021.

7. Universal Declaration of Human Rights on 10 December 1948. Available from: the UN website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. Accessed: 10 February 2021.

8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V on 3 July 2014 (with amendments and additions as of December 30, 2020). Available from: the IS Paragraph reference system. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252. Accessed: 10 February 2021.

9. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses No. 235-V on 5 July 2014 (with amendments and additions as on January 26, 2021). Available from: the IS Paragraph reference system. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399. Accessed: 10 February 2021.

10. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 285 on 15 March 2020. "On the introduction of a state of emergency in the Republic of Kazakhstan". Available from: the IS Paragraph reference system. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32648341. Accessed: 10 February 2021.

11. Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan. The Consular Section. Citizenship. Available from: http://www.consular.rfembassy.ru/tm/grazhdanstvo_rf/?cid=0&rid=157. Accessed: 10 February 2021.

12. Order of the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan No. 11-1-2/420 on 15 September 2017. "On approval of the Rules for the reception, registration and consideration by foreign institutions of the Republic of Kazakhstan of applications on issues of citizenship of the Republic of Kazakhstan, loss and deprivation of citizenship of the Republic of Kazakhstan and determination of belonging to the citizenship of the Republic of Kazakhstan". Available from: the IS Paragraph reference system. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=32219596. Accessed: 10 February 2021.

Сидорова Наталья Владимировна,
доцент кафедры правового регулирования
экономических отношений
Карагандинского университета
Казпотребсоюза,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nsidorova75@mail.ru.

Sidorova Natalia Vladimirovna,
associate professor at the department
of legal regulation of economic relations
of the Karaganda University Kazpotrebsoyuz,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: nsidorova75@mail.ru.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761. Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» — Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать», со II полугодия 2021 г. — по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и приставные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- приставный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-55, +7 (909) 387-73-34.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
_____»
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20 ____

подпись

фамилия, инициалы⁵

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.